

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.А. Антонов** — «Воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России» в 1654 г. в источниках XVII в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- О.В. Матвеев** — Александр Григорьевич Рыбальченко 20

СООБЩЕНИЯ

- Ю.В. Ким** — Усадебное хозяйство Мусиных-Пушкиных в XIX — начале XX в. 40
- С.Ф. Блуменау** — Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть 51

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- П.А. Искендеров** — Сербо-албанский конфликт осени 1913 г. и европейская политика 63
- Н.А. Жерлицына** — Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. 75

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.Н. Сахаров** — «Растоптанный Февраль» (воспоминания) 92

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Е.Е. Юдин** — Промышленно-финансовая буржуазия и богатейшие фамилии русской аристократии в 1890—1914 гг. ... 106
- М.А. Петрова** — П.А. Левашёв и его сочинение «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» 126

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Н.Д. Ерофеев** — Денежные вклады населения в государственных сберегательных кассах России в 1907—1913 гг. 136
- В.В. Шилов** — Березниковский магниевый завод в годы второй мировой войны 145
- А.А. Хисамутдинов** — Русский клин в «желтые страны» 152
- А.В. Володько** — Англо-российская Конвенция 1907 г. ... 162

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.Н. Стась** — Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований 168

«Воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России» в 1654 г. в источниках XVII в.

В.А. Антонов

Аннотация. В статье исследуется вопрос об исторической обоснованности определений знаменательного в русской истории события 1654 года. На основании первоисточников автор приходит к выводу, что эти определения искажают историческую действительность XVII века. Свидетельства участников данного события показывают, что Богдан Хмельницкий и его земляки принимались в подданство царем и великим князем всея Руси или Великой России. Сами присягавшие называли себя запорожскими казаками, русью, малой русью, русским народом и российским миром и жили на одной из русских украин (границ) в малой части России и при этом в великих княжествах Киевском и Черниговском. Поэтому принятие их в подданство государем Великой России определялось как соединение Малой и Великой России и находившихся в них российских государств под державой царя и великого князя всея Великия и Малыя России самодержца.

Ключевые слова: Украина, украин, Россия, российский мир, принятие в подданство, соединение Великой и Малой России, российские государства.

Abstract. In the article a question about the historical validity of the determinations of the significant in the Russian history event in 1654 is investigated. On the basis the original sources the author comes to the conclusion that these determinations distort the historical reality in the 17th century. Evidence of the participants in this event show that Bogdan Khmelnytsky and its compatriots were adopted into the citizenship by Tsar and Grand Duke of all Russia, or Great Russia. Those sworn called themselves Zaporozhian Cossacks, Rus, or Little Rus, Russian people, Russian Community, and they lived on one of the Russian ukraines (frontiers) in little part of Russia and located in it grand duchies of Kiev and Chernigov. Therefore their adoption into the citizenship by the sovereign of Great Russia was defined as the joining of Little and Great Russia and Russian States under the power of Tsar and Grand Duke of all Great and Little Russia the autocrat.

Key words: Ukraine, ukrain, Russia, Russian Community, adoption into the citizenship, joining of Great and Little Russia, Russian States.

Важнейшим критерием при оценке достоверности результатов современного исторического исследования является основательность использования автором исторического метода, который предполагает

Антонов Владислав Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: Vlad62Antonoff@gmail.com.

Antonov Vladislav A. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of General History RAS. E-mail: Vlad62Antonoff@gmail.com.

выяснение обстоятельств и причин происходивших событий, исходя, прежде всего, из системы понятий и представлений самих людей изучаемой исторической эпохи. Поскольку эти понятия и представления имели словесное выражение, то при историческом подходе к предмету и объекту исследования особое внимание должно обращаться на смысл слов, употреблявшихся в ту или иную историческую эпоху, и вместе с тем на определения, которыми характеризуются исторические события.

К числу подобных определений, до настоящего времени не имеющих в историографии какого-либо обоснования в свидетельствах исторических источников, относятся воссоединение Украины с Россией и присоединение Украины к России, которыми по обыкновению характеризуется известное событие из русской истории 1654 года.

Цель данной публикации заключается в том, чтобы попытаться ответить на вопрос об исторической оправданности использования указанных определений, обратившись непосредственно к свидетельствам источников XVII века.

На пути к достижению намеченной цели следует остановиться, прежде всего, на курьезном обстоятельстве, которое должно было бы обратить на себя внимание вдумчивого читателя исторических сочинений, содержащих выражение «воссоединение Украины с Россией», однако, этого не происходит. Дело в том, что ранее в тех же сочинениях ни прямо, ни косвенно не сообщается о каком-либо разъединении Украины с Россией. И понятно почему: в исторических источниках на этот счет никаких известий не обнаруживается.

Поэтому, прежде всего, следует выяснить исторический смысл названий Украина и Россия в XVII в., когда совершилось событие, обозначаемое выражениями «воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России».

Что касается пределов России, то следует отметить, что в XV — XVII вв. иноземцы и туземцы описывали их приблизительно так, как это сделал С. Герберштейн. Из его сочинения, получившего европейскую известность, следует, что Россия (Russia, Rosseia) находилась в пределах между Карпатскими горами и Польшей на западе, средним течением Волги на востоке, «Северным морем» на севере и по течению Днестра и Днепра на юге. При этом некогда главным городом России он называл Киев ¹.

Более чем сто лет спустя, о тех же пределах России (Russia), но уже в ее великой, малой и белой частях, свидетельствовал А. Майерберг. Великой он называл «то пространство, которое находится в пределах между Ливонией, Белым морем, татарами и Борисфеном (Днепром), и оно в просторечии называется Московской землей». Малая заключала «области Брацлавскую, Подольскую, Галицкую, Санокскую, Перемышльскую, Львовскую, Белзскую с Холмской, Волынской и Киевской». Белая же располагалась «между реками Припятью, Днепром и Двиной», и в ней были города «Новогрудок, Минск, Мстиславль, Смоленск, Витебск и Полоцк с их областями» ².

Это же пространство охватывала церковная область митрополита Русского, или всея Руси, имевшего свой стол в Киеве, в матери городов русских. И даже после раскола в XV в. Русской Митрополии, когда в Русской земле избирались уже два митрополита, один из ко-

торых обосновался в Москве (с 1589 г. патриарх), они оба назывались всея Руси и Русии, а с конца XVI в. еще всея Росии/России. А потому и во второй половине XVII в. «московский» «Мазуринский летописец» и автор киевского «Синописиса» не испытывали никакого сомнения в том, что с XV в. «начаша быти два митрополиты в Росии, един в Киеве, другий в Москве»³.

С XI в. Русская земля не знала одного правителя. По свидетельству Герберштейна, «из государей, которые ныне властвуют в России, первым является великий князь Московский, который ее большей частью обладает, второй — великий князь Литовский; третьим является король Польский»⁴.

В 1620 г. патриарх Иерусалимский Феофан отписал православным в Луцке, что он был «в земли Руской, господарства Московско-го... и одтоль назад едучы чрез панства великого короля Жикгимонта Третего, и пришедшу ми во свѣтлую державу панованя его полуденное (южное) России, до Богоспосаемаго града Киева»⁵.

Но московские великие князья из рода русского, в XIV в. вставшие на путь «собирания Русской земли», никогда не забывали, что, как говорил Иван III, «вся Русская земля, Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»⁶, или, по словам Ивана Грозного, «Киев и Волынь, и Подольская земля, и Полтеск (Полоцк) и Витепск, и иные городы руские всъ изстари была отчина прародителей наших, а зашли ту нашу отчину великие князи литовские неправдами», а потому «нашему государству без Киева и без Волынские земли и без Полтеска и без Витебска и без иных городов русских быти непригоже, ть городы и земли их всъ отчина наша старинная»⁷.

Поэтому московские князья со времен Ивана Калиты называли себя великими князьями, а затем царями всея Руси, Русии или Русской земли. Самое же их государство складывалось постепенно из многих отдельных государств или княжений Русской земли, что с середины XV в. находило отражение в именах составного титула государей всея Руси и Русии. Отсюда и тот исторический факт, что до конца XVII в. московские государи, в том числе Алексей Михайлович, вступали на престол именно государств Российской земли или Российского Царствия (Царства). И только постепенно стало утверждаться общее наименование для всех этих государств: сначала Московское Государство, а с конца XVI в. и Российское Государство⁸.

Однако сам титул великого князя и государя всея Руси/Русии с литовской и польской сторон оспаривался еще на переговорах, предшествовавших подписанию Поляновского мира 1634 года. Тогда польские переговорщики говорили московским: «Великий государь ваш пишется всея Руси, а Русь и в Московском и в Польском государстве есть: так написать бы в польскую докончальную запись великого государя вашего царем своея Руси, чтоб титулом всея Руси и Польской Руси причитанья не иметь...». С московской стороны последовал такой ответ: «Этого начинать непригоже: ваша малая Русь, которая принадлежит к Польше и к Литве, к тому царского величества именованью всея Руси нейдет, применять вам этой своей Руси ко всея Руси нечего»⁹.

Вместе с тем, и польские писатели XV—XVI вв., например, Длугош, Меховский, М. Бельский, Стрыйковский, а в XVII в. С. Старо-

вольский и С. Грондский, последовательно свидетельствовали о том, что короли Польские и великие князья Литовские были господами в Русской земле-России и соответственно в ее отдельных княжествах. И это выражалось в их титулах, а именно — великий князь Русский, или России, а в частности — Киевский, Черниговский, Волынский, Подольский, Смоленский, Полоцкий и пр.¹⁰

Так, Грондский, приступая к описанию «казацко-польской войны» середины XVII в., в 1676 г. поведал, что казаки происходят от «руси (Russogum)... издревле населяющей ту местность, которая начинается от реки Дон..., вытекающей из Московской земли... и которая тянется в длину в направлении малой Польши. В ширину же эта местность раскинулась от той же Московской земли, находящейся ниже, вплоть до татарской области под названием Перекоп... и от Литовской земли, находящейся выше, вплоть до реки Днестр... который... разграничивает земли Волошскую и Подольскую. Они (русь) основали великое Княжество Русское (magnum Ducatum Russiae), так что заслуженно среди королевских титулов оно занимает третье место, состоя из шести воеводств, а именно: Подольского, Брацлавского, Киевского, Черниговского, Волынского, наконец, Русского, главным городом которого является Львов»¹¹. Грондский сообщает, что предводитель казаков Хмельницкий требовал от поляков уступить им «Россию (Russiam) с полосой разграничения по Владимир, Львов, Ярославль, Перемышль»¹².

И действительно, незадолго до своей смерти (1657 г.) Богдан Хмельницкий желал, «чтоб рубеж княжства Росийского по Вислу рѣку был аж до Венгерской границы. А изначала у великих князей Росийских с короли Полскими граница была по самую Вислу и по границу Венгерскую»¹³.

Один из его духовных сподвижников, нежинский протопоп Максим Филимонович, 27 сентября 1654 г. под Смоленском так говорил царю Алексею Михайловичу: «... отеческо нами господствуеш... яко отец природный сынов русских. Ей, пресвѣтлый государю царю и великий княже Алексѣй Михайловичю, всеа Великия и Малыя Росии самодержче, помилую люди русския... земли свойственной Русской не остави до конца... Что реку о славном градѣ Черниговѣ, идже храмы святыя каменные... разоренные, точию на слезы и скорбь русским людем стоят! Что реку о Львовской земли, Подолской, Покутской, Подгородской, Полтвской, Бѣлоруской и о их широких княжествах, славных городах, в них же при державѣ великих князей русских... многое множество людей русских... и храмы Господни... землю Рускую украшаху, нынѣ же... от безбожных Ляхов и Литвы или на лятцкие костелы, на унияцкое безбожие, или на еретическия соборища, или на корчемницы, кабаки и хлевнины нѣмым скотом с великою жалостию людей русских превращены... но и преславным именем руским нарицающимся студ и поношение, узы, темница, раны и безчестия многа и несчисленна... На кого тогда вся Малая Русь толики ми бѣдами от супостатов иновѣрных обложена, ради освобождения, все упование свое по Господь Бозь возлагает, аще не на ваше царское величество яко дѣтича, отчича и наслѣдника своего?... Малую Русь, истинную землю Рускую, восточное дѣдичество вашего царского величества... подобает вашему царскому величеству взискати, яко заб-

луждшее овча от зубов жестоких звѣрей вырвати, яко болъзнующую уврачевати и в полмертвую оживити, яко немощной крѣпкую руку подати, яко обнаженную прежней красоты русской пресвѣтлою ризою милости вашей царского величества приодѣти... и на первое достояние свободы русской привести. А мы, недостойнии... яко истинные русские сыны... усердно вопити дерзаем»¹⁴.

В Гадячском договоре (6 сентября 1658 г.) гетмана Выговского с королем Польским, среди прочего, говорилось: «Вѣра Греческая древняя... с якою сторожитный Руский народ до корони Полской приступил, даби при своих прерогативах, сирѣчь преимуществах и свободном употреблении набоженства пребывала, поки язык народу Руского засягает во вѣх градѣх, мѣстечках и селах так в коронѣ Полской, яко и в Великом Княжении Литовском... Что же касается церковных добр, здавна на церкви вѣри Греческой старожитной фундованных, при тых zostавати имѣют Россияне старожитнии благочестивии»¹⁵.

В 1665 г. гетман Брюховецкий наказывал своим посланцам к Алексею Михайловичу: «не по правдѣ дѣдичство себѣ над Русью Польша приписывает, понеже своего дѣдичного монарха Русь имѣла, а как через лживую помочь, князем русским поданую, Ляхи Малою Росиею овладѣли, так нынѣ через меч из Ляцкии неволи Русь выбилась и природному монарху своему поддалась и добила челом... Росийское государство своих природных монархов от вѣков имѣвало и пространство границ Росийских по Татры горы с немалою всего свѣта славою разпространялась»¹⁶.

В свою очередь гетман Пётр Дорошенко в 1667 г. писал Алексею Михайловичу, что «есть княжество Руское...: Премышль, Ярославль, Львов, Галич, Володимер, тые головные города княжества Руского... Руское панство... бывало по самый Перемышль». И при этом добавлял, что «княжества Руского богоспасаемого города Киева давной столицы хошу вернѣ прислужитися его царскому пресвѣтлому величеству и под его высокую крѣпкую руку отдать»¹⁷.

Но затем Дорошенко отдался в подданство султана турецкого. И в 1669 г. он прописал в договорных статьях с новым своим государем, что «руский народ нынѣ роздѣлися в различныя страны людей, а держат едину и ту ж вѣру со Греки, не токмо в сих странах, но и в иных предѣлах и по границах, сирѣчь из единым страны Премышля, Саомбора и от града Киева и далѣе даже на двѣнадесять миль из другия страны, из рѣки Вислы, и из иные третие страны, сирѣчь от Мемна (Мемеля), и из четвертыя страны от Севска и Путивля». И «занеже народ руский не вѣсть инога языка кроме природного», то Дорошенко ставил условием, чтобы грамоты писались к «гетману и ко всему войску казацкому или поруску или погреческу», и послы к ним приходили бы те, которые «всячески глаголют руским диалектом». Кроме того, он хотел, чтобы «салтан Турецкий и хан Татарский» не требовали «податей от нас Руси зыскивати»¹⁸.

В том же году «митрополии Киевской православной Росийския земли» Иосиф Нелюбович-Тукальский обращался к Алексею Михайловичу как «православнаго царства скипетра держащу над вѣтым православно-росийским народом, его же долгота от Путивля за Премышль и Самбор, аж до Санока, широта же от Днѣстра до Двины и за Двину простреся». Он желал Алексею Михайловичу «единым православным христианс-

ким кесарем и монархою, над православным Российским народом... во многие лѣта господствовати... владѣти в том же всеа Росии титулою и державою Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу»¹⁹.

В инструкции, которой в 1685 г. был снабжен Василий Кочубей, посланец гетмана Ивана Самойловича к всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцам Иоанну и Петру Алексеевичам, было написано: «вся того бочная Днѣпра сторона: Подолье, Вольтынь, Подгорье, Подляшье и вся Червоная Русь, в которыхъ славныи и старинныи мѣста Галич, Львов, Премышль, Ярославль, Люблин, Луцк, Володымер, Острог, Изаславле, Корец и иншии найдуются всегда до монархии росийской от початку бытыя здѣшнихъ народовъ належали». А потому «безгрѣшно б было преславного царства росийской сторонѣ свое искони вѣчное хочѣ по троху одийсковати (добывать) при помочи Божой углядаючи способность времени»²⁰.

О русском самосознании своем и своих земляков свидетельствовали также составители исторических произведений XVII в., в том числе «Синописа» и «Густынской летописи». В последней, например, говорится, что «списася сия Кройника в Малой Росии», что повествует она «о початку Славенъского росийского народу», «о нашом росийскомъ народѣ», «како крести благовѣрный князь Володымер Рускую землю», «о початку крещения святого через благоверного великого князя Володымера Киевского, который Росию окрестивъши», «о крещении наша Росьсийская земля» и «о умножении благочестия в Росии». Из нее же читатель мог узнать «о унии, како почася в Руской землѣ», и о том, что в 1516 г. «начашася на Украинѣ козаки», и что «от начала своего сей наш народъ русский бранми всегда употребляешася». Но в 1630-е гг. «востаха бо Ляхи на родъ росийский, глаголемыхъ козаковъ, и зѣльную брань творяху едны другимъ»²¹.

В то же время московские люди привыкли Рускую землю, подвластную великим князьям Литовским, называть землей Литовской, а всех жителей ее целиком — литвой, или литовскими людьми. Но и между литвой в Московском Государстве не переставали выделять русь, а с середины XVI в. еще и черкасов, или днепровских запорожских казаков, называя их иногда рускими черкасами²².

Поэтому и во время восстания под руководством Хмельницкого в Москве знали, что у черкас, одержавших недавно победу у Желтых Вод (1648 г.), «войско прибываетъ многое, изо всякихъ чинов Руские люди»²³.

В 1649 г. Григорий Унковский, «будучи в Запороской земле, проведаль всякихъ вестей», в том числе о том, что «гетман и Войско Запороское и вся Русь Киевская», то есть жители Киева и Киевской земли, «подо властью польского короля и панов радъ быть не хотятъ», и послам польского короля было говорено, что «паны б рада на православныхъ християн на Войско Запороское и на всю Русь не наступали»²⁴.

В 1651 г. в Москве было получено следующее известие: «многие города козаки и Татаровя, идучи дорогою, выжгли; а люди мѣщане Руские всѣ изъ тѣхъ городовъ выбѣжали за Днѣпр и в иные козатцкие города... а о Рускихъ де людехъ у гетмана учиненъ с ханомъ договоръ, что ему до Львова Рускихъ людей в полонъ не имать»²⁵.

Отметим, наконец, что в Андрусовском перемирии 1667 г. особо оговаривалось, что «всѣмъ всякого чина Рускимъ людямъ, которые в сто-

рону его Королевского Величества в мѣстах через сии договоры уступлены оставают, вольное имѣет быть употребление вѣры Греческой, без всякого в отпрывовании службы Божией затруднения»²⁶. Эти русские люди проживали, как видно из договора, на правом берегу Днепра, к западу от Киева и Смоленска.

Таким образом, исторические источники ясно свидетельствуют, что под Россией в XVII в. понималась не только земля Московского Государства, но и та земля, которая при воссоединении Украины с Россией обозначена словом Украина. Поэтому со стороны определения смысла имени Россия данное выражение явно искажает историческую действительность XVII века.

Обратимся теперь к смыслу слова Украина в XVII столетии. И сразу же отметим, что оно изначально не было именем собственным и предшествовало слову окраина/Окраина, которое утверждается в русской словесности только в XIX веке.

Действительно, в «Истории о Казанском царстве», ранние рукописи которой относятся к XVII в., обнаруживаются такие известия: царь Болгарский Саин «обрѣте место на Волге на самой украине Руской», или «Руския земли», «на сеи странѣ Камы рѣки»²⁷; ордынский царь Улуахмет в 1445 г. «прииде... на другую страну Руския земля украины», «перелезше Волгу, и засяде пустую Казань, Саинов юрт»; один из князей казанских Чюра говорил царю Казанскому Шигалею, что «побѣгну аз к украинам Руским», и воевода царя «побежа к Василию граду, к Руским украинам»; в видении во сне царю Ивану Васильевичу град Свяжск предстает как «некое пособие... украинам Руским, и воем хрестыянским крѣпость и покои ратующимся с Казанцы»; казанские «и(з)маилтяня... в нашей стране все обладаша напрасно, украиню наша земля Руския, и вселишася в ней»; казанцы «взяша к себѣ на царство ис Крыму царя Сапкирья, и пакости многи содѣваху украинам Руским, пленующе и жгуще»²⁸.

Из Разрядной книги узнаем, что в 1539, 1548, 1549, 1550, 1583, 1584 гг. была «ропись воеводам от Казанские украины (Казанские Украины)» или «по Украинам от Казанския Украины», а именно в городах Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Костроме, Арзамасе и других²⁹.

Но в 1649 г. власть русского царя простерлась уже и над даурами и Даурской землей, находившейся на дальнем востоке Сибири, так что, вероятно, вскоре после этого появилась песня с такими словами: «во сибирской во украине/ во даурской стороне», записанная около середины XVIII в. в сборник песен Кириши Данилова³⁰.

Впрочем, и после «покорения» государю всеа Русии всей Сибири последняя также в целом жителями России называлась украиной, как видно из того, что в 1703 г. в письме к гетману Мазепе Ф.А. Головин упоминает «далнюю Украину — Сибирь»³¹.

Вместе с тем, в 1675 г. из Троицкого Печенского монастыря (Кольский полуостров) старец Сергей Кайдалов отписал государю, что их «монастырь стоит на украинѣ, на Студеном морѣ»³².

В «Вестях-Курантах» XVII в., заключающих русские переводы или пересказы из европейских газет, обнаруживается такое известие: «из Стеколны (Стокгольма)... по указу королевского величества посланы

различные войска на Украину Датцкую и Норвецкую» (1666 г.)³³, которая находилась на юге Скандинавского полуострова.

Существовала еще такая запись — по свидетельству молдавского господаря Стефана, «Украина нашаия страны Молдавской» (1656 г.)³⁴.

Из источников XVI—XVII вв. известно, что земли государя, царя и великого князя всеа Руси, граничившие с Ливонской землей, назывались Новгородской украиной, Псковской украиной или в целом Немецкой украиной (Немецкой Украиной), о чем свидетельствуют разрядные книги за 1564—1668 годы³⁵. В 1668 г. роспись воеводам была произведена и «от Литовские украины»: в Вязьму, Дорогобуж, Белую и Смоленск³⁶.

В памятниках московской письменности XVI—XVII вв. есть известия о приходе крымских татар или литовских людей «на украину, на одоевские и белевские мьста»³⁷; на «великого князя украину, около города Тулы и (реки) Безпуты»³⁸; «под резанские украины»³⁹; на «Тулские украины», «Мценские украины», «к Резанским или Тулским украинам»⁴⁰; «на государеву Украину... на Рязанские и на Коширские и на Тулские мьста»⁴¹; «на украину Московского государства на Съверскую землю»⁴²; «на твою государеву украину войною на Мордву», «на твою государеву украину в мордовские мьста»⁴³.

И в 1646 г. «указал Государь быть воеводам от Нагайской Украйны и от Калмыков». И в 1651 г. «указал Государь быть воеводам на Украинь, для Крымских и Нагайских людей приходу, по городам»: в Туле, Одоеве, Кропивне, Веневе, Переславле Рязанском и Мценске; «от поля от Крымские Украйны»: в Яблоновом, Орле, Туле, Ливнах, Новосили, Ельце, Воронеже, Тамбове, Козлове, Колуге, Белеве, Болхове, Карачеве, Курске, Севске и других, а «от Литовские Украйны» в Путивле⁴⁴. В 1696 г. Украинные города — это, по-прежнему, Тула, Алексин, Одоев, Крапивна, Декилов и Венев⁴⁵.

Из статейного же списка дьяка Г. Кунакова (1649 г.) следует, что «нынъ козаки и Татаровя поплюндровали (грабили) панство королевское близко царского величества украин... а только придут в украины королевского величества...», надо «их разогнать и обоих государств украины от войны оберечь». А «во всьх его», царя, «государствах и по украинам войска многие полки всегда наготовь»⁴⁶.

В «Соборном Уложении» 1649 г. воспрещалось «суд давати» на «воевод и всяких приказных и служилых людей», пока они «будут на государевъ службъ в полках на украинь, или в иных мьстех»⁴⁷.

В «Повести об Азовском осадном сидении» (1637—1642), известной по спискам конца XVII столетия, донские казаки из Азова пишут туркам: «А государь наш великий... на вас на всех босурман велел быть войною одной своей украине, которые люди живут в украинских городех по валу от рубежа крымского и нагайского, и тут бы собралось его государевых русских людей с одной той украины болши легеона тысящ. Да и такия ево государевы люди руския украинцы, что они жестоки на вас будут и алчны, аки львы яростные и неукротимые... А в городех во всех украинских под страхом смертным, и царевым повелением, держат их воеводы государевы»⁴⁸.

И действительно, в царской грамоте от 1684 г., отправленной в Воронеж, упоминается «Донских казаков Украина»⁴⁹.

Слово украинцы в XVII в., согласно той же «Повести», подразумевало русских людей, живших на Украине/Украине. И в грамотах того времени этим еще редко упоминаемым словом назывались русские люди с Украины и Московского Государства, и Польского Королевства ⁵⁰.

Но и в русской письменности Великого Княжества Литовского и Короны Польской конца XV — середины XVII в. слово Украина, или Украины, прилагалось, по обыкновению, к различным пограничным землям.

В 1648 г. «пан радний короны Полское» Адам Светтолдич Кисель писал путивльскому воеводе князю Ю.А. Долгорукому о возможном нападении крымских татар, только не знал «в которую Украину» ⁵¹.

В 1649 г. «Иосифу, святѣйшему патриарху царствующаго града Москвы и всея Великие Руси... игумен Каллистрат со всеми соборными старцы монастыря Мгарского» били челом «з земли Лятцкой, из маетности князя Вишневецкого, из уезду Лубенского с пограничных Украины» ⁵².

В конце января 1651 г. посланцы Хмельницкого говорили в Москве: «слух де у них был, что корунные и Литовские войска в зборь есть немногие люди и лежат по границам для обереганья Украины» ⁵³.

В свою очередь писарь Войска Запорожского Иван Выговский в марте 1654 г. с гонцом Гаркушей отписал Павлу Тетере, ехавшему тогда в Москву: «Посылаю универсал Родивиловской, один нововыданный, и тѣх не мало таких же розсыяно по украинам» ⁵⁴.

Сведения о разных Украинах/Украинах обнаруживаются также в «Хронографе западнорусской редакции», известном по рукописям конца XVI и первой половины XVII века.

Так, в разделе «О Амазонских женах Татарских» читаем, что «на границе Кападокѣи» (ныне Турция) эти жены стерегут «добрѣ своя Украины» и «правляще свои Украины». Затем к гуннскому вождю Аттиле «пристали... пограничные земли... с полуночных Украины люди». И «паки собрався Аттила, опустошил Влоские Украины». Сама «Влоска Украина вся есть в Европии, речена Италия». И одна из «Украин Влоских» называется «Сабинских королей Украина». Также предки румын и молдаван, «Волохи», были «пришелцы из Влоские земли до тоя Украины, идѣже днесь пребывают».

Читая дальше «Хронограф», находим, что «Оугры или Вегры» живут в Паннонии, «в той Украине над Дунаем». В 903 г. эти «Угри... поидоша на Украины Влоския и Французския и Баворския, убивающе и пожигающе и прочая, яже ратнии творят». Ранее сыновья Людовика Благочестивого, заключив мир (Верденский договор 843 г.), «раздѣлиша царство: Лудвиг с Карлом Лысым взяша всѣ Украины Немецкие и Французские, а Лотаргиус Влосские». В разделе «О Немецком народѣ и Украине» рассказывается, что «Немецкий народ пошел издавна», что «в их же крониках стоит, иже они издавна в той Украине съдят и ниоткуда приходят», что «Немѣцкие Украины добрѣ осядени всеми добрыми, нижли наши мѣста», что «множество в Немецких Украинах княжат владѣют». Но «Цѣсарь Немецкий» «Фредерик, реченый Барбороса», «лѣта 1189 шел ко Иеросалиму и... взем Арменския Украины и тамо... утоп». В разделе же «О царех Турецких»

повествуется, что «лѣта 1300... Отоман, от простых людей челоувѣк... множество мѣст и украин в велицей Азии привѣщал к себѣ»⁵⁵.

В свою очередь с первой половины XVII в. слово Украина обнаруживается на письме и в других языках, но уже как имя собственное южных русских воеводств Короны Польской. И хотя это имя писалось с большой буквы, тем не менее, им по-прежнему обозначалась пограничная земля государства, о чем в 1676 г. свидетельствовал С. Грондский. Говоря о происхождении всех казаков «из народа Русского», он сообщает, что те из них, которые живут на правой стороне Днепра, называются Украинскими, и при этом поясняет: «так они названы потому, что обитают в тех областях, которые расположены как бы у границы Польского Королевства... Граница ведь по-польски — Край, отсюда Украина, как бы область, расположенная у пределов королевства»⁵⁶.

Таким образом, в XVII в., до и после 1654 г., и в землях Короны Польской и Великого Княжества Литовского, и в Российском Московском Государстве слово Украина/Украина имело только одно значение — пограничная земля любого государства. Из всех украин, однако, чаще других, из-за многочисленных событий, происходивших там, на слуху были две: та, которая к 1654 г. охватывала по обе стороны Днепра в его среднем течении Россию, или Малую Россию, в Короне Польской, и та, которая являлась юго-западным пограничьем Московского Государства. Во второй половине XVII в. города этих украин назывались соответственно украинные малороссийские⁵⁷ и украинные великороссийские⁵⁸.

Юрий Хмельницкий в 1677—1678 гг. представлялся «князем Малыя Росии Украины», «князем Малоросийской Украины», «князь сармацкий и малоросийской украины и вождь войска запорожского», употреблял «Печать княжества Малоросийской Украины» и обращался ко «всему народу малоросийской Украйны войска запорожского... нашей Малой Росии украинной», а также сообщал гетману Самойловичу про «народ наш росийский»⁵⁹. Гетман Самойлович в 1676 г. также писал об «Украинѣ Малой Росии»⁶⁰.

Послы русского царя в 1678 г. вели переговоры с турецким визирем об «Украине, которая зовется Малою Россиею», которая «пребывала под державою благочестивых Государей, Царей и Великих Князей Российских и Киевских, предков Его Царскаго Величества, и на нѣкоторое время от подданства предков Его Государевых поотлучилась», однако в 1654 г. снова «учинился в подданствѣ»⁶¹.

И.С. Тургенев называл свои родные места «нашей великороссийской Украйной»⁶².

Таким образом, учитывая смысл слова Украина/Украина, выражения «воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России» не соответствовали исторической действительности XVII века.

Какие же тогда, в 1654 г., земли «воссоединялись» или одна к другой «присоединялась»? В Москве смотрели на это великое государство и земское дело так, как отписал Алексей Михайлович в послании к Хмельницкому и Войску Запорожскому еще 22 июня 1653 г.: «и будет едино стадо и един пастырь — изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку, яко да не будете врагом креста Христова в притчю и в поношение»⁶³.

Эта царская воля более подробно была изложена 1 октября: «чтоб великий государь, царь и великий князь... изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку»⁶⁴.

В самый день «Переяславской рады» (8 января 1654 г.) посол государев, боярин В.В. Бутурлин, вручая царское знамя Хмельницкому и говоря об утверждении «мира православия» в «Руской сей земли», сказал: «Поразумьвает же и се благоверный государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович, всеа Руси самодержец, яко всемилостивый Бог, хотяй воздвигнути род христианский и сию землю, скипетр благовѣрнаго царя Владимира и прочих его наслѣдников бысть тако, и нынѣ чрез ваше тщание соединити»⁶⁵.

В Москве 7 февраля 1654 г. были составлены две первые грамоты, в которых государь представился с титулом «царя и великого князя всеа Великия и Малыя России/Росии». И в этих грамотах, посылавшихся господарям мутьянскому (волошскому) и молдавскому, говорилось: «учинилися под нашею царского величества высокою рукою в вечном подданстве Богдан Хмельницкой, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское з городами и з землями, которые в Малой Росии належат к княжеству Киевскому и Черниговскому, и вся Малая Русь». Послана эта весть была, в том числе, потому, что «земли Мутьянская и Молдавская от Малыя Руси (Малой Росии) от великого княжества Киевского не в дальнем разстоянии»⁶⁶.

В свою очередь и в жалованной грамоте Бутурлину, составленной 8 мая, говорилось: «боярин наш Василей Васильевич... гетмана Богдана Хмельницкого и писаря Ивана Выговского, и обозничего, и судей, и ясаулов войсковых, и полковников в Переяславль под нашу великого государя высокую руку принял и к вѣрѣ их привел на том, что быти им под нашею государевою высокою рукою с городами и с землями на вѣки неотступным, и служити и прямити и добра хотѣти нам великому государю... А послѣ того, и великия княжества киевское и черниговское и всю Малую Русь под нашу государскую высокую руку принял же»⁶⁷.

В том же месяце в наказе царским посланникам к цесарю Римскому было сказано: «пришед к Цесарю... мольте: и Великий Государь наш» гетмана Хмельницкого и Войско Запорожское «велѣл принять под свою Государеву высокую руку с Великими Княжествами: с Киевским и с Черниговским и со всею малою Русью». А потому и «писал в своей Царского Величества грамотѣ к Государю их, Цесарскому Величеству, с своими государскими новопробылыми титулы, с Киевским и с иными с тѣми, которые ему Великому Государю Бог поручил к Московскому Государству»⁶⁸.

В 1649 г. Хмельницкий писал Алексею Михайловичу, «светилу рускому»: «а мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, яко правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцею был... и нас под милость и оборону свою и всю Русь, ныне по милости Божий против ляхов совокупляющуюся, возьми»⁶⁹.

О том же в 1650 г. говорили Арсению Суханову во время его пути из Ясс в Чигирин местные жители: «дай то Боже, чтоб мы соединились с Москвою и чтоб нас благочестивой государь присокупил к своему православию, и чаши заздравные везде пьют за государя и за

соединачение, и сам гетман многожды то говорил, и вси от мала и до велика того ж жадают» ⁷⁰.

В 1651 г. войсковой писарь Иван Выговский говорил про себя и своих земляков: «И ныне де их, православных христиан всю Малую Русь, великому государю его царскому величеству большое время под свою государскую руку принять... и к своему великому Московскому государству во всяких мерах большое прибавленье учинить» ⁷¹.

И сам Хмельницкий в 1651 г. призывал, чтобы государь «над единовѣрными православными христианы, над всею Малою Русью, милость свою государскую показал — принял их под свою государскую высокую руку» ⁷².

В свою очередь уже 24 декабря 1653 г. царским посланникам Р. Стрешневу и М. Бредихину гетман поведал: «дай, Господи, здоров был великий государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Русии самодержец, на своих великих преславных государствах Росийского царствия, и которые ему великому государю, его царскому величеству, нынѣ Бог придает» ⁷³.

31 декабря 1653 г. перед московскими послами, боярином В.В. Бутурлиным «с товарищи», переяславский протопоп Григорий сказал: «нынѣ Господь Бог пришествием вашим усердное желание исполнил православия нашего, еже совокупитися во едино Малой и Великой Росии под единое великодержавного благочестиваго царя восточного крѣпкою рукою... Господь Бог... соединит Малую Росию... под его царского пресвѣтлаго величества непреборимую руку» ⁷⁴.

7 января 1654 г. боярину Бутурлину «гетман же и писарь Иван Выговской говорили: милость де Божия над нами, яко же древле при великом князь Владимирѣ, так же и нынѣ сродник их, великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович всеа Русии самодержец, призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь милостью своею... и он, государь, изволил нас принять под свою царского величества высокою руку; а Киев и вся Малая Русь вѣчное их государского величества» ⁷⁵.

В день «Переяславской рады», 8 января, гетман всенародно говорил: «есть православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович, всеа Русии самодержец, восточной, которого мы уже шесть лѣтъ безпрестанными молении нашими себѣ просим... А православный христианский великий государь царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона единого исповѣдания, едино есми тѣло церкви православием Великия Росии главу имуще Иисуса Христа. Той великий государь царь христианский, зжалившись над нестерпимым озлоблением православные церкви в нашей Малой Росии, шестилѣтних наших молений безпрестанных не презривши, теперѣ, милостивое свое царское сердце к нам склонивши...

К сим словам весь народ возопил: волим под царя восточного, православного, крѣпкою рукою в нашей благочестивой вѣре умира-ти, нежели ненавистнику Христову поганину достати!

Потом полковник переяславской Тетеря, ходячи в кругу, на всѣ стороны спрашивал: вси ли тако соизволяете? Рекли весь народ: вси единомушно. Потом гетман молил: буди тако; да Господь Бог наш сукрѣпит под его царскою крѣпкою рукою. А народ по нем вси еди-

ногласно возопил: Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтоб есми вовѣки вси едино были»⁷⁶.

Кроме того, 8 января была составлена грамота, в которой «всеа Великия и Малыя Руси самодержцу и великому князю Киевскому и Черниговскому»⁷⁷ «верные поданные и нанижайшие слуги, Богдан Хмельницкий, гетман с войском вашего царского величества запорожским» били челом: «Богу милостивому и вашему царскому величеству велико благодарим, получивше нынѣ, что от вѣку жадали есмо, промыслом Божиим и милостию неизчетною вашего царского величества: что ваше царское величество пожаловати под крѣпкую и высокую руку свою государскую нас, вѣрных слуг своих, принять изволил, мы, Богдан Хмельницкий, гетман войска запорожского и все войско запорожское, за милость неизреченную, вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем; а по словеси евангельскому, вѣру (присягу) вашему царскому величеству учинили есмо»⁷⁸.

А в грамоте от 17 февраля царя и великого князя «всеа Великия и Малыя Руси самодержца... Киевского и... Черниговского» его «прямые поданные, нанижайшие и вѣрные слуги, Богдан Хмельницкий, гетман с войском вашего царского величества запорожским» благодарили за то, что он «нас Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского, и все войско запорожское и весь мир православный российский пожаловати, ущедрити, защитити и под крѣпкую высокую руку свою царскую всековечне прияти изволил милостиво», потому что они «вседушно тебе одинаго благочестиваго великого государя царя нашего, твое царское величество, избравше, возлюбили есми и всем сердцем и силою и помышлением прилепилися к твоему царскому величеству». И теперь они, «весь мир христианский российский», били челом государю о том, чтобы он подтвердил их прежние права и привилегии, «от князей и панов благочестивых и от королей полских, в государстве российском наданных»⁷⁹.

В другой грамоте, от 24 февраля, поздравляя от себя и всего Войска Запорожского новорожденного (5 февраля) царевича Алексея Алексеевича, как бы его устами Хмельницкий «рек»: «даждь, Боже, область всю всего великого царства Российского великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского, и все войско запорожское... дабы мнѣ, моему царскому величеству, Богдан Хмельницкий, гетман войска запорожского, и все войско запорожское и весь мир христианский российский, новоприсяглые, как новорожденные младенцы младенцу новорожденному служили, прияли и всего добра хотѣли»⁸⁰.

На встрече посольства Бутурлина в Нежине местный протопоп Максим, в частности, сказал следующее: «Кто не возрадуется с правовѣрных христьян и российских сынов в нынѣшнее время толикое благодееяние Божие увидѣвше, яко не попусти до конца развратиться... и нас, православных сынов российских... великим государем нашим царем и великим князем Алексѣем Михайловичем, всеа Руси самодержцем, от сопостат наших освобождает»⁸¹.

Тот же протопоп Максим уже перед самим государем у Смоленска 27 сентября изрек: «Призрѣл Господь Бог на смирение наше, коли подал до сердца вашему царскому величеству, дабы расточен-

ных сынов русских злохитрием лятцким воедино собрал, раздѣленных составом воедино тѣло русского великого княжения совокупил, разсѣянных... под крыла вашего царского величества восприял, дабы преславное имя русское в Малоросии уничижено и гноищем насильствования лятцкого погребенное воскресил и в первое достояние привел»⁸².

А «игумен святаго архистратига Христова Михаила Золотоверхаго Киевского» летом 1654 г. утверждал, что со времени смерти «князя росийского святаго Владимирера» Господь «ваше царское величество постави всея Росийския земли» самодержцем, и тем самым «возвел погребенную росийского рода честь и славу..., честью и славою вѣнчал есть ваше царское величество, не точию Великой, но и Малой всей Росии обладателем», отчего «возсия пресвѣтлаго царского престола вашего царского величества сияние во всей Малоросии» и «в богоспасаемом градѣ Киевѣ, от него ж... закон изыде с просвѣщением и крещением всея Росийския земли»⁸³.

4 августа государю отписал «вашего царского величества вѣрный подданный и нижайший слуга, Иван Никифорович (Золотаренко), гетман наказный войска запорожского»: «Бог свидѣтель сердец и душ наших есть, как Богдан Хмельницкий, гетман войск запорожских,... с нами вмѣстѣ и со всѣм народом Малыя Росии земли Киевской, и Брянской и Черниговской, вашему царскому величеству обѣщали и присягали вѣрно и приятно служить, за достоинство вашего величества умирати, и непоколебимо в том предприятии нашем мы в предъбудущие времена сами и наследники наши пребывати должны, как мы вѣру учинили»⁸⁴.

Но сподвижники и наследники Хмельницкого и Золотаренко в вере не устояли, и с 1658 г. многократно изменяли своему государю. Впрочем, среди них оставались и те, кто присягу держал нерушимо. Одним из них был архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель. В 1667 г. он писал «гетману войска Запорожского» Петру Дорошенко: «Всяк свѣдый разсудити похочет, яко древних вѣков сие наши славные народы крайние Росийские украинские в славу доброй, в вѣрѣ православной, в крѣпости и во всяком изобилии пребывали и всему свѣту страшны бывали. Признать должен всяк, что дѣлалось то Божией помощью, за державою православных христіанских монархов, великих князей Росийских, егда им народ Руский вѣрно работал, и между собою никаких раздором не имѣл». Потом же «к великому разоренью и урону Украина пришла... и близ искоренения суть. Всѣм то есть явно откуда, что тот наш народ украинский, заченши между собой брань и несоюз, сами своего доброго и мочного заступника, единовѣрного монарха, его царское пресвѣтлое величество, его же прежде сам на защищение искал и молил, и послѣ отступил без всяких вин... И мы зѣло печальны есмо», что «наш народ Руский во всѣ конца земли в неволи запровожен и без милости мучитца, горько слезы выливает»⁸⁵.

Другим верным присяге был Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский. В 1669 г., когда уже после очередной измены обыватели левобережной Малой Росии снова присягнули на верность царю православному, он писал «польскоподданному» митрополиту Киевскому и всея Росии Иосифу Нелюбовичу-Тукальскому: «Росія православ-

ная сия стороны Днѣпра к себѣ прииде, смирился пред его царским пресвѣтлым величеством и спасеся... Росии православной без православной главы жити немочно: глава православная есть православный царь». И обращался к митрополиту Иосифу: «Жити Росии без главы не мочно... святыня твоя, всеа Росии пастырь, обрати и всю Росию к православному монарху Росийскому»⁸⁶.

Тогда же архиепископ Лазарь отписал к Петру Дорошенко, которого в предыдущем письме назвал «гетманом войска его королевской милости Заднѣпрским»: «лутче бы было, аще бы Росия не дѣлилась, но под единым монархом православным была»⁸⁷.

Можно, таким образом, заключить, что и Богдан Хмельницкий с его земляками, и Москва расценивали события, связанные с их взаимоотношениями в 1654 г., как происходившие в одной земле-стране — Росии/России, среди одного народа — русских людей. При этом те и другие имели общее историческое самосознание. Оно выражалось в понимании того, что в Русской земле, или России, некогда был один царь и великий князь Русский, или Российский, крестивший Русскую/Российскую землю, и что прежде они все жили в Великом Княжестве Русском, или Царствии Российском, или в российских государствах, иначе — княжествах. Поэтому принятие в подданство царем и великим князем всея Руси/Росии жителей малой части России — Войска Запорожского и всей Малой Руси, всего мира христианского российского — самими новоприсяглыми и Москвою осознавалось как единение, соединение воедино малой и великой частей России — Малой и Великой России — и в них российских государств, а именно Киевского, Черниговского, Московского и так далее под державою отчича и дедича всея Руси, Руси, Русской земли, или России, наследника когда-то общего царя и великого князя Русского, или Российского, святого Владимира. И в соответствии с понятиями того времени, свершившееся единение, или соединение, Малой и Великой России нашло выражение в обновленном титуле Алексея Михайловича. Он стал представляться уже как царь и великий князь всеа Великия и Малыя Росии самодержец, а вместе с тем и Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, а еще государь и великий князь Черниговский, Рязанский, Ростовский и т.д.

При такой исторической действительности XVII в. отсутствуют какие-либо основания и дальше пользоваться выражениями «воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России».

Примечания

1. *Regum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain*. Basileae. 1551, p. 3—4.
2. *Iter in Moschoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg...* Anno M.DC.XI. [Б. м. 1663?], p. 64.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXXI. М. 1968, с. 101; Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674 г.). М. 2006, с. 208.
4. *Regum Moscoviticarum Commentarij*, p. 4.
5. Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1. Киев. 1898, № IV.
6. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сб. РИО). Т. 35. СПб. 1882, № 75, с. 380—381.

7. Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887, № 37, с. 579.
8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (ААЭ). СПб. 1836, т. II, № 1—8; т. III, № 18, 329; Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). СПб. 1813, ч. 1, № 203; 1822, ч. 3, № 122.
9. Цит. по: СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. СПб. 1896, кн. II, т. IX, стлб. 1212—1213.
10. Например, в титуле Яна Казимира 1650 года. См.: Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. 1. СПб. 1830, № 40, с. 238.
11. *Historia Belli Cosacco-Polonici auctore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno 1676. Ex monscriptis monimentis Historiae Hungaricae in lucem protulit...* Pestini. 1789, p. 11—15.
12. *Ibid.*, p. 74.
13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (Акты ЮЗР). Т. 5. СПб. 1867, № 9.
14. Там же. Т. 14. СПб. 1889, № 7, VI, стлб. 175—178.
15. Там же. Т. 4. СПб. 1863, № 77, с. 142.
16. Там же, т. 5, с. 108.
17. Там же. Т. 6. СПб. 1869, № 71.
18. Там же. Т. 8. СПб. 1875, № 73, с. 219—220.
19. Там же, № 30, с. 132—134.
20. ЭВАРНИЦКИЙ Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир. 1908, № VII, с. 19—20.
21. ПСРЛ. Т. 40. СПб. 2003, с. 7, 39, 45, 146, 161. Густынский монастырь находится в Черниговской земле.
22. ПСРЛ. Т. 5. М. 1955, вып. 2, с. 278.
23. Акты ЮЗР. Т. 3. СПб. 1861, № 205, с. 216.
24. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах (ВУР). Т. II. М. 1953, № 60, с. 158.
25. Акты ЮЗР, т. 3, № 320, с. 455.
26. ПСЗ, т. I, № 398, с. 659.
27. ПСРЛ. Т. XIX. СПб. 1903, с. 10. У Андрея Лызлова (конец XVII в.) этот текст пересказан так: «И обретоно бысть место на самой украине Российския земли, на реке Волге, на сей стране реки Каме» ЛЫЗЛОВ А. Скифская история. М. 1990, с. 48.
28. ПСРЛ, т. XIX, стлб. 19, 54, 61, 207, 220, 271, 387.
29. МИЛЮКОВ П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М. 1901, с. 101—102, 131, 134, 141; Древняя Российская Вивлиофика. М. 1790, ч. XIV, с. 425, 440—441; 443.
30. Сборник Кириши Данилова. СПб. 1901, с. 136.
31. Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690—1709 гг. СПб. 2014, № 77.
32. Акты исторические. Т. IV. СПб. 1842, № 254, с. 545.
33. Вести-Куранты. 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М. 2009, с. 178. Голландский источник этого известия предстает таким: «Door ordre van 't Hof werden veele troupen op de Frontieren tegen Denemarcken en Noorwegen gesonden». Вести-Куранты. 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. М. 2008, с. 501. Здесь слово *Frontieren* (границы) было переведено как *украина*.
34. ПСЗ, т. 1, № 180, с. 383.
35. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 263; ДРВ, ч. XIV, с. 310—312, 316—318, 340—343, 358—364, 423, 442, 446—449; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. III. М. 1989, ч. III, с. 81; Дворцовые разряды (ДР). Т. I. СПб. 1850, стлб. 235, 288—289, 341—348, 522—523; Т. III. СПб. 1852, стлб. 10, 68—69, 102, 183—184, 845.
36. Дворцовые разряды, т. III, стлб. 842.
37. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 44—46.
38. Иоасафовская летопись. М. 2014, с. 151, 160, 169, 172.
39. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 83.
40. ПСРЛ. Т. XX. СПб. 1910, с. 417—418, 430—432, 504, 543, 561.

41. Там же, т. XIV, с. 45.
42. Русская Историческая Библиотека. Т. XVI. СПб. 1897, № 99, стлб. 434—436.
43. Акты Московского Государства, изданные Императорской Академией наук под редакцией Н.А. Попова. Т. II. СПб. 1894, № 242, с. 151—152.
44. ДР, т. III, стлб. 29, 251—254.
45. Там же. Т. IV. СПб. 1855, стлб. 994.
46. Акты ЮЗР, т. 3, № 243, с. 305—306.
47. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М. 1907, гл. X, с. 51.
48. «Поэтическая» Повесть об Азовском осадном сидении в 1642 г. — Воинские повести Древней Руси. М.-Л. 1949, с. 68—69.
49. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Т. I. Воронеж. 1887, № 97, с. 137—138.
50. ГАЙДА Ф.А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы». В кн.: Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М. 2012, с. 7—28; ЕГО ЖЕ. Несколько пояснений к вопросу об истории слова «украинцы». В кн.: Русский сборник. Т. XIV. М. 2013, с. 73—79.
51. Акты ЮЗР, т. 3, № 134, с. 129.
52. Там же, № 249.
53. Там же, № 335, с. 486.
54. Акты ЮЗР. Т. 10. СПб. 1878, № 11, VII, стлб. 559.
55. ПСРЛ. Т. XXII. Пг. 1914, ч. 2, с. 209, 211, 219, 227—229, 231—237.
56. «Cosacci, qui... inhabitant tractum illum cis Borysthenem... vocantur Ukrainscii: sic dicti ideo, quod degant in iis Provinciis, quae sunt sitae, quasi ad marginem Regni Poloniae... Margo enim Polonice Kray: inde Ukraina, quasi Provincia ad fines Regni posita». In.: Historia Belli Cosacco-Polonici authore..., p. 15—19.
57. Акты ЮЗР, т. 5, № 85, 87, 112; т. 6, № 45, 48.
58. Там же, т. 5, № 115.
59. Там же. Т. 13. СПб, 1884, № 23, 43, 45, 65, 68, 152.
60. Там же. Т. 12. СПб. 1882, № 152.
61. ПСЗ, т. II, № 723, с. 155—159.
62. ТУРГЕНЕВ И.С. Бригадир. — Вестник Европы, 1868, третий год, т. I, с. 1.
63. ВУР, т. III, № 169, с. 323.
64. Там же, № 197, с. 407—414.
65. Акты ЮЗР, т. 10, № 4, II, стлб. 231.
66. ВУР, т. III, № 233—234.
67. Там же, № 4, X, стлб. 287—290.
68. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. III. СПб. 1834, стлб. 132, 146—147.
69. ВУР, т. II, № 74, с. 177—178.
70. Там же, № 76, с. 185.
71. Там же, т. III, № 52, с. 117—118.
72. Там же, № 53, с. 120—123.
73. Акты ЮЗР, т. 10, № 3, XXIII, стлб. 129—130.
74. ВУР, т. III, № 205, с. 454—455.
75. Акты ЮЗР, т. 10, № 4, II, стлб. 215—217.
76. Там же, стлб. 217—219.
77. СГГД. СПб. 1822, ч. III, № 163, с. 500—501.
78. Акты ЮЗР, т. 10, № 4, II, стлб. 261—262 (сноска).
79. Там же, № 8, X, 2, стлб. 432—434.
80. Там же, № 6, VII, стлб. 319—320.
81. Там же, № 4, II, стлб. 265—266.
82. Там же, т. 14, № 7, VI, стлб. 175—178.
83. Там же, т. 10, № 16, VI, 1, стлб. 723—726.
84. Там же, т. 14, № 5, VI, стлб. 140—141.
85. Там же, т. 6, № 68.
86. Там же, т. 8, № 20, с. 107—108.
87. Там же, с. 108.

Александр Григорьевич Рыбальченко

О.В. Матвеев

Аннотация. Публикация посвящена жизненному пути и военно-историческому наследию одного из полковых историков кавказского казачества А.Г. Рыбальченко. В контексте персональной истории рассматриваются вклад офицера в создание истории Ставропольского юнкерского казачьего училища, его работа над полковыми памятками Хоперского и Кизляр-Гребенского полков, военная публицистика.

Ключевые слова: полковая историография, Хоперский полк, кавказское казачество, исторические взгляды, казачья служба.

Abstract. The article is devoted to the life and military-historical heritage of one of the regimental historian of Caucasian Cossacks AG Rybal'chenko. In the context of personal history are considered contribution to the creation of the history of the officer of the Stavropol Cossack cadet school, his work on the regimental reminders Hoper and Kizlyar-Grebenskaya regiments, military journalism.

Key words: regimental historiography Khopersky Regiment, Caucasian Cossacks, historical views, Cossack service.

В 2008 г. на страницах журнала «Вопросы истории» новгородский исследователь И.В. Хохлов вновь вызвал интерес к изучению полковой историографии русской армии¹. В русле этого направления активно трудились офицеры Кавказских (Кубанского и Терского) казачьих войск И.С. Кравцов, И.Е. Гулыга, В.Г. Толстов, С.И. Петин, А.Д. Ламанов, Б.С. Эсадзе, Л.А. Ржевусский и другие военные историки. Они подготовили как фундаментальные работы по истории отдельных казачьих подразделений, так и полковые памятники, основная цель которых заключалась в воспитании личного состава подразделения на героических примерах прошлых поколений казаков². К этому ряду авторов полковых историй вполне можно отнести и генерал-майора Александра Григорьевича Рыбальченко (1859—1919), чье военно-историческое наследие мало известно в совре-

---

Матвеев Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. E-mail: vim12@rambler.ru.

Matveev Oleg V. — doctor of historical sciences, professor of the Kuban State University. E-mail: vim12@rambler.ru.

менном казаковедении. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

В официальных документах начала XX в. указывалось, что А.Г. Рыбальченко числился по станице Кисляковской³. Однако появиться на свет Александр Григорьевич мог и в станице Куцевской, откуда родом была его мать Агафия Андриановна, и где у его отца Григория Петровича имелись «дом турлучный и хутор близ той же станицы при речке Кугоейке деревянной постройки»⁴. Правда, в перечне хуторов Черномории за 1859 г. хутор отставного есаула Григория Рыбальченко числится в юрте станицы Кисляковской «при речке Кугоейке от станицы в 25 верстах»⁵. Документы донесли до нас скупое описание хутора: «Дом для жительства хозяина о двух половинах 1, сараев 3, хутор сей устроен в 1845 году, документов на устройство онаго не имеется. Состояние хозяина: рогатого скота 30, лошадей 3, овец 100 штук»⁶. После проведенного в Кубанской области размежевания вдова есаула Григория Рыбальченко Агафия с детьми Григорием, Александром, Евграфом и Куприяном 13 июня 1875 г. получила участок земли «при р. Кавалерке, в 14 верстах к юго-востоку от ст. Куцевской в 180 дес. удобной и 2 дес. 1710 саж. неудобной земли». 10 января 1886 г. Александр получил в наследство участок земли в 22 дес. 129 саженей⁷.

11 октября 1859 г. в семье Григория Петровича и Агафии Андриановны Рыбальченко родился сын, которого нарекли Александром. Сохранилось несколько послужных списков отца будущего офицера — Григория Петровича Рыбальченко. Он родился в 1810 г., происходил «из казачьих детей Черноморского казачьего войска», в службу вступил казаком «к письменным делам в Ейское Земское сыскное начальство» 10 мая 1828 года⁸. В этом учреждении Григорий Петрович прослужил 10 лет, а затем перешел на кордонную пограничную службу. Он участвовал в походах русских войск под командованием генерал-майора Заводовского в Закубанье, и «за отличие, оказанное в сих делах», 7 сентября 1840 г. был произведен в хорунжий⁹. 12 августа 1844 г. ему был пожалован чин сотника, а 8 июля 1850 г. — есаула¹⁰. Григорий Петрович был женат дважды. Первой его супругой стала казачка по имени Афанасия¹¹, от которой у него 24 марта 1833 г. родились сын Захарий, а 10 апреля 1835 г. — дочь Александра¹². Овдовев, Григорий Петрович женился «на дочери есаула Евреиновского девице Александре Андриановой».

Александр Григорьевич своего отца не знал: из документов следует, что «хутор отставного есаула Григория Рыбальченко при речке Кугоейке... по смерти поступил в 1859 году жене его»¹³. Агафия Андриановна, растила детей сама и дала сыновьям, по-видимому, неплохое домашнее образование, а затем отправила их учиться в Кубанскую войсковую гимназию. Александр гимназического курса не окончил. В апреле 1877 г. началась война за освобождение славян, и, по всей видимости, юноша, вслед за старшим братом Евграфом стремился на фронт. 25 октября 1877 г. приказом по Кубанскому казачьему войску 18-летний А.Г. Рыбальченко был «зачислен на службу казаком с правами по образованию 3 разряда в сборный Уманско-Ейский полк»¹⁴. Однако попасть на фронт не удалось: весь период военных действий с Турцией Уманско-Ейский полк дислоцировался

на территории Кубанской области и Черноморского округа, нес кордонную службу и обеспечивал внутренний порядок¹⁵. Тем не менее, грудь молодого человека украсила темно-бронзовая медаль в память войны 1877—1878 гг., которая вручалась всем мобилизованным казакам.

Александр решил, не теряя времени, пойти по стопам отца и стать офицером. В августе 1878 г. он был командирован для поступления в Ставропольское казачье юнкерское училище и после успешной сдачи экзамена 5 сентября 1878 г. «зачислен в младшие классы». В училище, открытом в 1870 г., готовили кадры для военных и административных должностей Кубанской и Терской областей. В младшем (общем) классе преподавали общеобразовательные предметы: Закон Божий, русский немецкий и французский языки, математику, физику и химию (начальные сведения), черчение, географию и историю¹⁶. Учился Александр успешно: 12 июля 1879 г. его назначили урядником и по итогам экзаменов перевели в старший (специальный) класс, где объем и содержание предметов уже были обусловлены необходимостью получения знаний для командования батальоном. Здесь изучали тактику, воинские уставы, военную топографию, полевую фортификацию, давали знания об оружии, о военной администрации, военном судопроизводстве, военной географии, военной гигиене и иппологии (наука о лошадях)¹⁷. 14 июля 1880 г. Александр Рыбальченко «за отличное поведение и успехи зачислен в штатные урядники», а 16 июля 1880 г. «окончил курс по первому разряду и переименован в портупей-юнкеры»¹⁸. 20 июля 1880 г. Александр был направлен в родное войско. Приказом № 66 от 14 августа 1880 г. его назначили в старейший 1-й Хоперский Ее Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полк, службе в котором Рыбальченко отдал более 30 лет. 16 января 1881 г. Александр Григорьевич был произведен в хорунжии, затем назначен заведующим полковой учебной командой. Он выполнял обязанности делопроизводителя полкового суда, субалтерн-офицера 2-й сотни.

С конца 1878 г. штаб-квартира 1-го Хоперского полка располагалась в г. Кутаиси¹⁹. Хоперцы несли службу по охране населения от разбойников и поддержанию общественного порядка в Кутаисской, Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерниях²⁰. По-видимому, в Кутаиси хорунжий Рыбальченко встретил свою любовь — княжну Пелагею Варлаамовну Яшвили. Она принадлежала к имеретинскому княжескому роду, известному с XV в., занимавшему в стране видное положение. В XVIII в. из семьи Яшвили вышли крупные церковные деятели, епископы Цагери Баака и Симеон, а также Максим, митрополит Ведийский и архиепископ Хонский. Указом Александра II 24 августа 1863 г. был утвержден в княжеском достоинстве Хиосия (Хосия) Мерабович Яшвили. Определением Сената 22 декабря 1865 г. к роду был сопричислен также его сын, князь Варлаам Хиосиевич (Хосиевич) Яшвили, 1834 г. рождения. Их внесли в V часть родословной книги Кутаисской губернии²¹.

Таким образом, хорунжий Рыбальченко породнился с влиятельной в Имеретии княжеской фамилией. Очевидно двухмесячный отпуск, который записан в послужном списке Рыбальченко с 16 августа 1881 г., был связан с вступлением в брак²². 5 марта 1883 г. в семье

Рыбальченко появился сын Константин, затем, 26 сентября 1887 г., родилась дочь Валентина, а 15 июля 1891 г. — Мария²³. Пелагея Варлаамовна, судя по генеалогической росписи князей Яшвили, прожила долгую жизнь и скончалась в 1952 году²⁴.

Между тем, служба у Александра Григорьевича складывалась успешно. В феврале 1883 г. он стал полковым адъютантом, Высочайшим приказом от 6 мая 1884 г. «за отличие по службе произведен в сотники», 3 октября 1884 г. «награжден 2-м обыкновенным призом за состязательную стрельбу», 1 мая 1885 г. «награжден Мекленбург-Шверинским орденом “Грифа” 4 ст., на принятие и ношение коего последовало Высочайшее соизволение».

17 сентября 1885 г. Рыбальченко принял под командование 5-ю сотню 1-го Хоперского полка²⁵. 4—18 октября 1886 г. со своей сотней Александр Григорьевич пребывал в сопряженной с опасностями для жизни командировке «на Мугань и губернии: Тифлисскую, Эриванскую, Елисаветпольскую для преследования разбойничьих шаек»²⁶. Выезжал он и в полевые поездки в Тифлис. 24 декабря 1886 г. в приказе по войскам Кавказского Армейского корпуса № 91 было объявлено, что «сотник Рыбальченко может быть руководителем тактических занятий с офицерами своей части»²⁷. Но вскоре он сдал сотню и был командирован во 2-й Хоперский льготный полк. Здесь несколько лет Рыбальченко командовал сотней, исполнял обязанности полкового казначея.

Военно-педагогические способности офицера были замечены командованием, и, согласно приказу по Кавказскому военному округу № 41 от 1 марта 1889 г., он был командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище на должность младшего офицера. Началась новая полоса жизни, связанная с воспитанием и обучением budding командиров. Александр Григорьевич преподавал гимнастику и фехтование, заведовал оружейной комнатой. Юнкеров он учил всему, что знал сам, наставлял личным примером, его любили и ценили. 15 октября 1889 г. Рыбальченко был произведен в подьесаулы, 28 декабря 1889 г. «за отличие по службе всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.», 31 января 1893 г. — орденом Св. Анны 3-й ст., 7 ноября 1893 г. — призом за состязательную стрельбу²⁸. 29 декабря 1891 г., «не сдавая должности заведующего оружием и преподавателя гимнастики и фехтования», Александр Григорьевич стал исполнять ответственные обязанности адъютанта училища. Здесь же Рыбальченко довелось впервые выступить в роли историка. Приближался юбилей — 25 лет со дня основания этого учебного заведения, и начальник училища поручил подьесаулу Рыбальченко составить исторический очерк к предстоящему торжеству.

Александр Григорьевич подошел к поручению с большой ответственностью. Весь 1894 г. ушел на изучение дел училищного архива, нормативных актов и положений, связанных с юнкерскими училищами в России, работ М.С. Лалаева, П.О. Бобровского, М.П. Хорошина, Е.Д. Фелицына, Я.Н. Ростовцева и др.²⁹ по истории военно-учебных заведений и казачьих войск. Собранные материалы Рыбальченко разбил по специальным главам: значение училища для комплектования офицерского корпуса Кавказских казачьих войск, сведения о начальствующих лицах и преподавателях училища, прием в училище, внутренний порядок, обучение и военное воспитание юнкеров, устройство училищной библиотеки, нравственное воспитание юнкеров, выпуск юнкеров и производство в офицеры и т.д.³⁰ В Государственном архиве Краснодарского края чудом сохранились материалы, собранные Рыбальченко: уникальные выписки из дел училищного архива, положений и законодательных актов, приказов различных ведомств.

Как добросовестный исследователь, Александр Григорьевич решил не ограничиваться этими официальными бумагами. Он рассылал запросы в подразделения Кубанского и Терского казачьих войск, стремясь узнать о судьбе бывших выпускников, просил их написать воспоминания о времени, проведенном в стенах Ставропольского казачьего юнкерского училища, преподавателях и др. О методах работы Рыбальченко наглядно свидетельствует его письмо бывшему выпускнику училища полковнику Е.А. Маковкину от 3 декабря 1894 г.: «Милостивый государь Евсей Актенович! 15 декабря будущего 1895 года истекает 25 лет со дня основания Ставропольского казачьего юнкерского училища. Этого периода времени вполне достаточно, чтобы иметь возможность подвести итоги деятельности училища и выяснить значение его в комплектовании корпуса офицеров Кавказских казачьих войск. Ввиду этого начальником училища возбуждено ходатайство о разрешении официального празднования предстоящего юбилея и о дозволении издать к тому времени исторический очерк деятельности училища в минувшее 25-летие. Составление этого очерка по воле начальства возложено на меня. Приступив к выполнению этой работы и рассмотрев в подробности материал, заключающийся в училищном архиве, как строевой, так и учебной части, я, к великому сожалению, не нашел в архиве некоторых дел, заведенных при открытии училища и заключающих в себе весьма важные сведения. Дела эти, как надо полагать, утеряны в прежнее время. Кроме того, столь существенные сборники необходимых сведений: Приказы по Кубанскому и Терскому казачьим войскам, имеются в училище лишь с 1886 года, а потому мною встречено затруднение в приискании некоторых сведений, необходимых для внесения в упомянутый очерк»³¹.

Рыбальченко просил своего адресата предоставить следующие сведения: «1) Когда и каким законоположением (Приказом или Циркуляром) была учреждена в гор. Майкопе команда юнкеров и на каких началах? (Заведывал ею войск. старш., ныне ген.-майор Аверин). 2) В чем именно состояло торжество открытия училища? (Подробное описание с указанием места, времени и порядка открытия). 3) Как распределялись в Ваше время окончившие курс юнкера по полкам, т.е. зачислялись ли они в свои полки, или же распределялись иногда и по

другим частям, в зависимости от имевшихся вакансий, как это делается теперь? 4) Кто из выпущенных училищем юнкеров удостоился впоследствии назначения на службу в Конвой Его Величества? (Чин, имя, фамилия). 5) Не был ли кто из числа выпускников училища в Академии Генерального Штаба, и в утвердительном случае — окончил ли курс в ней? 6) Живы ли, и где находятся в настоящее время бывшие офицеры училища: М.Ф. Воинов (сотенный командир), А.Ф. Воинов (делопр.-ль уч. части), капитан В.П. Иванов, есаул П.В. Корде, поручик И.В. Колянкович, сотник К.А. Гаевский, поручик В.П. Дебогорский-Мокриевич, поручик В.А. Патерсон, сотник Н.И. Меч, есаул Н.Н. Калачев? и 7) Неизвестно ли Вам, в котором году умер П.Д. Плотников, бывший делопр. по уч. ч., а впоследствии помощник Начальника Пятигорского округа?»³².

31 января 1895 г. Рыбальченко написал письмо земскому начальнику Медвежинского уезда Ставропольской губернии с просьбой сообщить необходимые данные: «В 1875 г. при училище состоял преподавателем военный топограф штабс-капитан Подгурский, который по заявлению некоторых частных лиц, приходится Вам, кажется родным братом. Ввиду этого, по поучению Начальника училища, прошу Ваше Высокородие не отказать сообщить мне имя, отчество и часть, в которой служил в то время названный офицер. Сведения эти необходимы для внесения в предполагаемый к изданию исторический очерк училища, готовящийся к изданию в настоящем году по случаю истечения 25 лет со времени основания училища»³³.

1 февраля 1895 г. Рыбальченко обратился к командиру 1-го Хоперского казачьего полка с просьбой выслать сведения об офицерах, выпускниках училища, которые были удостоены денежной премии имени генерал-адъютанта Милютина, списки убитых, раненых и умерших от ран в перестрелках с разбойниками и контрабандистами во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов³⁴. Подобные просьбы были направлены командирам других конных полков и пластунских батальонов Кубанского и Терского казачьих войск.

Таким образом, Александр Григорьевич успешно применял при создании своей источниковой базы метод заочного интервьюирования. Кроме того, бывшие выпускники училища с воодушевлением откликнулись на его призыв прислать свои воспоминания. Так, 6 марта 1895 г. адъютант училища распечатал пакет, в котором содержались стопка исписанной бумаги с мемуарами и небольшое письмо: «Милостивый государь Александр Григорьевич, охотно сообщаю Вам мое “воспоминание” об открытии юнкерского училища и о времени моего в нем пребывания. В воспоминание вошло то, что могла сохранить память в течение 25-летнего периода. К сожалению, не знаю, живы ли М.Ф. и А.Ф. Воиновы, а также капитан Иванов, есаул Корде, поручик Колянкевич и сотники Гаевский и Меч. От души желаю Вам окончить исторический очерк училища, который, по всей вероятности, будет отпечатан, а потому был бы очень рад иметь на память один экземпляр такового. Примите уверение в совершенном Вам почтении, Федор Пономарев»³⁵. Тем самым Александр Григорьевич инициировал создание новых уникальных источников. Сохранившиеся в архивном деле воспоминания Ф. Пономарева донесли до нас сведения о повседневности, юнкерских шалостях, не без юмора вы-

веденные характеристики преподавателей училища и другие данные, которые не встречались в официальных бумагах.

Ответы на запросы приходили постепенно, материал по истории училища накапливался. Однако до юбилея оставалось мало времени. Начальник училища требовал готовый текст, но Рыбальченко считал, что в работе еще имеются большие пробелы. 16 июня 1895 г. он написал в рапорте начальнику училища: «При сем представляю в рапорте Вашему Высокоблагородию составленный мною по Вашему приказанию “Исторический очерк” вверенного Вам училища за время с 1875 по 1895 г. на 144 листах (11 тетрадей), четыре фотографических копии и перечень необходимых сведений, подлежащих своевременному внесению в очерк»³⁶. Сам офицер отбыл на службу в свой 2-й Хоперский полк.

При этом в послужном списке Александра Григорьевича за 1905 г. есть труднообъяснимая запись: «Для окончания порученного подъесаулу Рыбальченко составления краткого исторического очерка 25-летней деятельности Ставропольского казачьего юнкерского училища Высочайше повелено продолжить срок прикомандирования его к училищу до 31-го мая 1898 г., о чем объявлено в приказе по Кубанскому казачьему войску от 23 февраля 1895 за № 28 пункт 3»³⁷. Дело в том, что согласно другой записи списка, в это время Александр Григорьевич находился во 2-м Хоперском полку и командовал 4-м сотенным участком, исполняя также обязанности председателя полкового суда³⁸.

Чем объяснить эти противоречащие друг другу записи? Пока можно лишь предположить, что в училище, по-видимому, произошел какой-то конфликт, сделавший невозможным дальнейшее пребывание Рыбальченко в его стенах. В работе кубанского краеведа И.Н. Дьякова о Всесвятском кладбище, написанной на материалах бывшего смотрителя некрополя И.Г. Федоренко, есть таинственная фраза об историческом наследии генерала: «Его (Рыбальченко. — *О.М.*) преследовали, написанное сжигали, лишая преднамеренно заслуженных наград и повышений по службе»³⁹. Если неприятности, связанные с историческими сочинениями Рыбальченко, действительно имели место, то, по-видимому, их стоит отнести к периоду работы над историческим очерком о Ставропольском казачьем юнкерском училище.

Очевидно, начальника училища не устраивали те отсрочки, которые просил Рыбальченко для совершенствования рукописи, а Александр Григорьевич не хотел жертвовать содержанием ради официоза. В итоге, по-видимому, офицер отбыл в свой полк. Вероятно, командование училища не посмело до мая 1898 г. нарушить официально продиктованную Высочайшую волю и вычеркнуть Рыбальченко из списков прикомандированных, а штабной офицер 2-го Хоперского полка не решился изъять запись о назначенной воле самодержца из послужного списка.

Поиски 144-х страничной рукописи Рыбальченко среди дел Ставропольского казачьего юнкерского училища не увенчались успехом. Вне всякого сомнения, она легла в основу книги подполковника Н.Н. Баратова об училище, вышедшей в 1898 году⁴⁰. Судя по разделам («Исторические условия, вызвавшие к жизни Кавказское казачье юнкерское училище», «Открытие училища», «Прием в училище», «Помещение училища», «Внутренний порядок в училище», «Воспитание, обучение и выпуск юнкеров» и т.д.), а также по содержанию книги и

сноскам, это — труд Рыбальченко, обработанный Баратовым и дополненный теми материалами; которые пришли по запросам уже после отъезда Александра Григорьевича в полк. Но командование училища, по-видимому, уже и слышать не хотело об офицере, который посмел устанавливать свои сроки, и, в конечном счете, оказался прав. На обложке книги стояла фамилия Баратова.

Правда, необходимо отдать должное автору, которому впоследствии будет суждено стать боевым соратником Рыбальченко в Персии. Николай Николаевич честно написал в предисловии: «При составлении настоящей памятки об открытии, устройстве, жизни и деятельности училища мы пользовались главным образом теми прекрасными материалами, которые в такой полноте и с такую тщательностью собрал и систематизировал ко дню празднования двадцатипятилетия училища его бывший адъютант, Хоперского казачьего полка есаул А.Г. Рыбальченко»⁴¹.

Между тем, Александр Григорьевич с головой окунулся в новые заботы по службе. 25 сентября 1896 г. он был командирован в первоочередной Хоперский полк, где принял под свое командование 6-ю сотню. Опытному строевому офицеру доверяли: его избрали членом полкового суда, в комитет офицерского заемного капитала, членом суда общества офицеров, назначили ктитором полковой церкви. «За труды по первой всеобщей переписи населения» Рыбальченко был награжден темно-бронзовой медалью, а 1 июня 1897 г. ему, наконец, был пожалован чин есаула⁴². Со своей сотней офицер осуществлял охрану персидского шаха на Военно-Грузинской дороге. Признательный иранский монарх наградил Александра Григорьевича персидским орденом «Льва и Солнца».

4 октября 1901 г. Рыбальченко поступил в офицерскую кавалерийскую школу. Годичный курс обучения он окончил успешно, и в декабре 1902 г. принял в родном 1-м Хоперском полку 1-ю сотню. Тогда же он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В начале 1904 г. его командировали в Кан (Франция) «для принесения поздравления Ее Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны в день 25-летнего юбилея состояния Ея шефом полка»⁴³. В ответ Великая княгиня наградила есаула Мекленбург-Шверинским орденом «Кавалерийский крест».

26 марта 1905 г. Рыбальченко был произведен в чин войскового старшины, а спустя пять месяцев принял в командование 2-й льготный Хоперский полк. Помимо забот, связанных с организацией второочередного казачьего подразделения, он вновь пытался выступить в роли историка. 20 марта 1909 г. из ст. Баталпашинской был направлен на имя Наказного атамана Кубанского казачьего войска рапорт командира 2-го Хоперского полка войскового старшины Рыбальченко, в котором отмечалось: «Двухвековая служба хоперских казаков России и ея Державным вождям имела немало славных боевых дел, которые должны вечно сохраняться в памяти потомков, напоминая им о давно прошедших боевых тревогах и трудах, о подвигах мужества, беззаветной храбрости и преданности долгу службы сошедших уже в могилу наших предков»⁴⁴.

«Верная служба Хоперцев Престолу и Отечеству, — писал далее офицер, — подробно описана уже в “Истории Хоперского полка”,

составленной В.Г. Толстовым. Но «История» эта, представляя собой три объемистых тома, заключающих не только историю Хоперского полка, но отчасти и всего Кубанского казачьего войска, для чтения нижними чинами по своей обширности и дороговизне мало доступна, и большинство из них поэтому не знакомо с содержанием этого капитального труда, над которым автор его проработал более 10 лет. Обстоятельство это подало мне мысль прийти на помощь хоперскому казаку, составив для него «Полковую памятку», доступную для его понимания, читая которую он мог бы ознакомиться с главнейшими событиями прошлой жизни своего родного полка»⁴⁵.

«В настоящее время, — сообщал командир 2-го Хоперского полка, — закончив принятый на себя труд, считаю долгом представить его Вашему Превосходительству», и высказал пожелание, чтобы тираж «Памятки» составил не менее 1000 экз., а также «чтобы «Памятка» получила широкое распространение среди хоперцев как в полках 1 и 2 очереди, так равно и в станичных школах Хоперского полкового округа»⁴⁶. К рапорту была приложена рукопись сочинения Рыбальченко на 276 листах с 22 рисунками. Ответа на этот рапорт в деле не сохранилось, но он был явно положительным, поскольку в 1910 г. в Екатеринодаре в типографии Кубанского областного правления книга была издана⁴⁷.

Вслед за Толстовым Рыбальченко считал, что «родоначальниками хоперских казаков были всякого звания вольные люди, вышедшие из разных мест русской земли во второй половине XVII столетия и поселившиеся на реке Хопре, притоке Дона в городках: Григорьевском, Беляевском и Пристанском... По названию реки, на которой поселились эти выходцы, они и стали называться Хоперскими казаками, число которых мало по малу увеличивалось разным беглым людом, преимущественно из Малороссии»⁴⁸. Выдающийся современный казачевед В.А. Колесников скептически относится как к донской версии происхождения хоперцев, так и к вольному статусу первых хоперских городков. Он указывает на довольно тесную взаимосвязь хоперских казаков по языку, обычаям и традициям со служилыми людьми-однодворцами Орловской, Курской, Воронежской и Рязанской губерний, а также с малороссийскими казачьими полками XVII столетия⁴⁹. На основе скрупулезного изучения архивных документов исследователь пришел к выводу, что «основой казачьей команды при Новохоперской крепости стали бывшие служилые люди («дети боярские», «приборные чины» городово́й, стрелецко́й, рейтарско́й и солдатско́й служб), при этом бо́льшая их часть происходила из г. Козлова и его окрестностей»⁵⁰.

Однако Рыбальченко целиком следовал установкам Толсто́ва и определенной идеологической заданности «Памятки». Отдельные рассказы посвящены старинному быту хоперцев, их одежде и вооружению, началу службы русскому государству. Последнюю Рыбальченко увязывает, следуя официальной версии, с азовскими походами Петра I⁵¹, хотя логичнее было взять за точку отсчета время создания Острогожского малороссийского казачьего полка. Это существенно отодвинуло бы хронологическую рамку старшинства — до 1652 года⁵². Внимание читателей-казаков автор «Памятки» акцентирует на Шведско́й войне, Турецко́й кампании 1711 г., Булави́нском восстании,

кратко повествует об образовании Новохоперской крепости в 1716 г., формировании Хоперской команды в 1721 и пожаловании хоперцам первого знамени в 1738 году. Особо подчеркивает Рыбальченко участие хоперской команды в усмирении Пугачевского бунта, рассказывает о сформировании в 1775 г. Хоперского конного полка.

Большую V главу автор «Памятки» посвятил переселению хоперцев на Кавказ и их службе на Кавказской линии. Он представил обзор особенностей воинской повинности хоперцев, материального обеспечения, службы на кордонах, опираясь на работы Ф.А. Щербины, дал характеристику «образцового типа казачки»⁵³. «Памятка» в кратких, но содержательных эпизодах и в ярких образах рассказывала о Закубанских походах 1785—1789 гг., участии в осадах и штурмах крепости Анапы, персидских походах 1796—1797 и 1806 гг., тревогах на Кавказской линии, экспедициях на реки Лабу и Белую для противодействия жителям чеченских и лезгинских аулов.

Специальная глава рассматривает переселение хоперцев на Кубань в 1825—1827 годах. Рыбальченко указал на причины переселения («неудовлетворительность обороны нашей кордонной линии на пространстве между крепостями Прочноокопской и Константиновской»), осветил обустройство хоперских станиц, рассказал о повседневной тревожной жизни казаков и эпизодах боевых схваток с черкесскими наездниками. На героических примерах прошлого «Памятка» учила казаков бдительности и осторожности: «Однажды, перед закатом солнца, сотник Фисенко заметил за Кубанью на возвышенностях р. Зеленчука партию хищников в 30—40 человек. Недолго думая Фисенко, оставив на посту несколько казаков, сам с полусотней быстро переправился через Кубань и бросился преследовать горцев, не давши знать об этом по кордону. Между тем горцы преднамеренно вызвали Фисенко на бой. Завидя казаков, партия начала маневрировать — то отступала, то приостанавливалась и все дальше завлекала казаков от Кубани. Уверенный в своих силах сотник Фисенко и его храбрая полусотня пренебрегли свойственною казакам осторожностью и очень далеко удалились от Кубани. Горцам только это и надо было. Огромная партия их, находившаяся в засаде в окрестных кустарниках, быстро выскочивши, окружила нашу полусотню со всех сторон. Фисенко, видя такую беду, моментально спешил полусотню с батовкою лошадей и встретил первую атаку горцев дружным убийственным залпом. Закипел отчаянный, ожесточенный бой... Подавляемая массою неприятеля, эта горсть достойных памяти героев тут же полегла славною смертью храбрых бойцов в этом неравном бою»⁵⁴.

Другие сюжеты были посвящены участию хоперцев в Восточной (Крымской) войне, изменениям в комплектовании полка в связи с образованием Терского и Кубанского казачьих войск, службе хоперцев на границе с Ираном в 1866—1877 гг., использованию 1-го и 2-го Хоперских полков на театрах военных действий русско-турецкой войны 1877—1878 гг., торжественному празднованию 200-летия полка и пожалованию ему Георгиевских знамен. Хронику боевых действий хоперцев из объемной полковой истории Толстова Рыбальченко продлил на начало XX столетия. Отдельные разделы войсковой старшина посвятил участию казаков хоперских станиц в русско-японской войне 1904—1905 гг. и миротворческой миссии в Закавказье, где казаки

вынуждены были сдерживать развернувшееся армяно-азербайджанское противостояние, вести героическую борьбу с бандитами и террористами. Колоритными зарисовками автор передавал героизм хоперцев в отстаивании интересов российской государственности: «Подходя к горевшему татарскому селению Гулафлу, сотня была встречена залпами хозяйничавших там армян. Дружным ответным залпом сотне удалось выбить из селения и рассеять банду армян грабителей, прекратив дальнейшее разорение этого селения. Того же числа, покончив с армянской бандой и водворив жителей сел Гулафлу на их пепелище, командир сотни подьесаул Косякин получил известие о том, что мусульмане Агдамской низменности в свою очередь произвели вооруженное нападение на армянское село Аранзамин. Не раздумывая долго, 4 сотня быстро двинулась к этому селению на выручку прискакавшей уже ранее туда 6 сотне под командой подьесаула Беломестнова, которая вела жаркую перестрелку с 3-х тысячной вооруженной партией татар. Перестрелка продолжалась 11 часов, то стихая, то снова разгораясь, и хоперцам стоило больших усилий спасти от разгрома и истребления 5 армянских окрестных селений»⁵⁵.

Самостоятельное значение имели ценные приложения к «Памятке», в которых Рыбальченко поместил исторические песни хоперских казаков, дал описание знамен, обмундирования и вооружения полка, представил список станиц и поселков Хоперского полкового округа с указанием времени поселения, перечень нижних чинов и офицеров, награжденных за участие в разных боевых действиях, перечни погибших и раненых хоперцев и др. Издание украшали рисунки и фотографии шефов и командиров полка, офицеров и рядовых казаков, значимых событий, атрибутов и символов служения хоперцев Отечеству.

Подготовил Александр Григорьевич и более краткий вариант «Памятки» объемом в 16 страниц. Эта брошюра под названием «Краткая историческая памятка Хоперских казаков» была издана в том же 1910 г. в Баталпашинске, в типографии Д.А. Паршина. На экземпляре «Краткой памятки», чудом сохранившемся в отделе редких книг Краснодарской краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина, имеется дарственная надпись, выполненная убористым почерком Александра Григорьевича: «Кубанского казачьего войска Его Превосходительству Михаилу Павловичу Бабычу от составителя А. Рыбальченко».

Рассмотрев основные вехи истории хоперцев, Рыбальченко поделился с читателями беспокоившими его соображениями о современном состоянии казачества и размывании традиционных ценностей, размышлениями, которые актуально звучат и в наши дни. «Прежняя боевая школа, — отмечал офицер, — помогала казаку легче справиться с трудными задачами военной службы, которая раньше была и продолжительнее и суровее. В настоящее время боевой школы уже нет, и казачество заметно падает в своих достоинствах. Многие из казаков забыли уже о славных делах своих предков и перестали гордиться ими... Большой стыд тому из казаков, кто желает променять свой старинный костюм на мешанский пиджак, а боевого товарища коня сбить и перевести на деньги. Деньгами можно все купить, кроме славы и доброго имени. При таком направлении казачество, которому завидует весь свет, в конец может измельчать и быть стертным со страниц истории: так как, раз казак потеряет свой особенный только

ему одному присущий облик лихого наездника и отважного джигита, то тем самым он сравнивается с заурядным, захудалым мужиком любой из губерний России»⁵⁶.

Тем временем подошел срок отличному строевому офицеру принять в командование первоочередной полк. Исполняющий дела атамана Баталпашинского отдела войсковой старшина Безладнов аттестовал Рыбальченко следующим образом: «Отлично знает службу и быт казака. Служебные обязанности выполняет добросовестно, с энергией и умело. Отношения к подчиненным при разумной строгости отличаются сердечностью и заботливостью о них. Физически вполне здоров; верхом ездит хорошо и свободно может переносить труды походной жизни. С твердым спокойным характером. С очень хорошим умственным развитием. Интересуется военным делом и много читает. Враг азартных игр. К спиртным напиткам не пристрастен. Отличный семьянин. Выдающийся»⁵⁷. Наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант М.П. Бабыч сделал в аттестационном списке Рыбальченко следующую запись: «Достоин выдвижения на должность командира первоочередного казачьего полка. Выдающийся»⁵⁸.

6 декабря 1910 г. Рыбальченко пожалован чин полковника, а 15 июля 1911 г. его назначили командиром 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска⁵⁹. Хорошо передает Рыбальченко повседневные заботы командира полка в одной из своих работ: «Гребенцы, вернувшись из лагерного сбора под Пятигорском в свою штаб-квартиру город Грозный, также отдыхают после усиленной летней строевой работы. Четыре сотни их собраны при штабе полка, одна, имея штаб в городе Владикавказе, занимает посты по Военно-Грузинской дороге, до Джераховского укрепления, а одна кочует с места на место в составе военного отряда, сформированного для поимки абрека Зелимхана. Казаки не драгуны, и в полном сборе ни один казачий полк почти не бывает. Хорошо еще, что хоть четыре сотни налицо, а то полк как будто в сборе, работать можно, да и караулы есть кому отбывать; хотя с увольнением стариков на льготу ряды поредели и сотни получились куцые — по 50—60 человек, не больше. До половины января полк остается неукomплектованным, а с января, с приходом молодых, сотни станут заправскими, да и работы прибавится, так как к весне, не позже начала апреля, “молодняк” надо уже поставить в строй»⁶⁰.

Со своим полком Рыбальченко впервые принял участие в боевом походе в охваченный революционными волнениями Иран осенью 1911 года. Впечатлениями о походе он поделился в очерке «Гребенцы в Персии», который был напечатан в четырех номерах журнала «Разведчик» в конце 1913 года. В этом сочинении Александр Григорьевич обнаружил талант наблюдательного рассказчика, сумевшего ярко изобразить передвижения полка и особенности полицейской службы казаков в этой стране. Так о населении Ирана полковник сообщал: «Персы народ неги и лени. На каждой почти версте по сторонам дороги попадаются так называемые чай-хане, в которых неприхотливые погонщики караванов и шатающиеся по дороге дервиши находят недорогой ночлег, корм для скота и так любимый персами стакан чаю да кусок сыру и темного хлеба-лаваша. Этот последний хорошо знаком

и Гребенцам, так как весь поход приходилось им питаться. Есть хочется, а возьмешь в рот — один песок»⁶¹. О Хамадане он записал: «Город Хамадан — древняя Экбатана — живописно расположен по склону высоких гор террасами; издали он очень красив, внутри же ничего особенного не представляет. Улицы в Хамадане настолько узки, а некоторые и круты, что ездить по ним в экипаже положительно нельзя и только возможно пробираться верхом... В Хамадане проживает много евреев, сохранивших свой библейский облик с длинными пейсами на висках. В нагорной части города находится гробница Эсфири и Мордохея, ревниво оберегаемая особым штатом раввинов. На одной из улиц Хамадана, на берегу глубокого оврага, посетителю показывают якобы могилу Александра Македонского, которая находится под фундаментом какого-то двухэтажного скверного домика. Очевидно, персы не знают, что великий завоеватель умер в Индии»⁶².

Из г. Решта сотни полка в ноябре 1911 г. были направлены в летучие разезды и для сопровождения обозов. «Таким образом, — писал Рыбальченко, — от 4-х сотенного Гребенского полка в руках его командира остались лишь трубачи да Георгиевский полковой штандарт. Ни везти, ни охранять его на биваках ночлегах было некому, а потому командиром полка для этой надобности оставлено было от учебной команды одно отделение в 6 человек. Такая уж участь казаков. Их вечно раздергают и рассуют, что называется, во все дыры, и командир полка остается ни с чем, хоть сам становись на часы к штандарту»⁶³. Информативны в плане походной повседневности описания биваков гребенцов. Так, у селения Рудбар, где сохранялись, по преданиям местных жителей, остатки крепости Александра Македонского, «казаки тотчас же принялись за работу по устройству бивака: кто чистил раздобытыми у жителей деревянными лопатами навоз на месте, предназначенном под разбивку коновязи, кто вбивал коновязные колья, кто прилаживал кухонные котлы между камней, а кто был посвободнее — ловил усачей в Сефид-руде в надежде, что можно будет сварить из них хорошую уху. Для офицерского ночлега на скате обрыва была расчищена особая площадка, а над нею натянут брезент, под которым, усыпавши землю песком и настлавши сена, командир полка и все офицеры спали ночью вповалку — по-цыгански»⁶⁴.

По прибытии в г. Казвин 1-й сотни Кизляро-Гребенского полка «все лавки и базары, — писал Рыбальченко, — по настоятельному требованию главарей дашнакцютюнского комитета были закрыты, а один из торговцев персов, не пожелавший подчиниться этому требованию, был убит террористами. С приходом же в город частей отряда по улицам начались манифестации и траурные процессии. Ежедневно то там, то здесь можно было встретить толпу персов и даже детей, одетых в белые передники с черными флагами в руках. Эти манифестанты, предводительствуемые главарями, расхаживая по улицам, пели патриотические песни, означавшие в переводе: «Смерть нам, правоверным, если не умрут русские гяуры», то есть, другими словами, на улицах открыто проповедовалось избиение русского отряда»⁶⁵. Однако русские солдаты и казаки сохраняли спокойствие и на провокации не поддавались: «Пришедшие в Казвин части нашего отряда не обращали на эти манифестации никакого внимания, никого не затрагивали, а были только, что называется, начеку, в постоянной боевой

готовности, и все обошлось благополучно. Местные жители, убедившись, что русские никого не трогают, со всеми обходятся ласково и за все щедро расплачиваются, постепенно стали относиться к отряду более доверчиво. Базары и лавки открылись, и персы кусали, как говорится, локоть, что потерпели поначалу большие убытки, прекратив торговлю, тогда как все армянские лавки торговали все время очень бойко»⁶⁶.

В начале декабря по стране прокатились беспорядки, сопровождаемые перестрелками. Казаки несли службу по охране русских подданных. 8 декабря 1911 г. в г. Энзели персидские манифестанты стали бросать камни и стрелять в русские патрули. В этой перестрелке приняли участие и казаки 3-й сотни Кизляро-Гребенского полка. Команда из 10 казаков под начальством урядника Демченко, «услышав тревогу, быстро собралась и, переправившись через залив на баркасе, врезалась в толпу напавших на патруль персов-революционеров, чем и способствовала рассеянию толпы»⁶⁷. Казаки Тарарин, Жуков и Черников, «участвуя в перестрелке, проявили большую энергию и находчивость и способствовали общему успеху дела, удачно открыв след к складам бомб и других огневых припасов. При обысках этих складов было найдено и конфисковано: 27 трехлинейных винтовок, 48 берданок и 90 ружей других систем, 3 ящика трехлинейных боевых патронов и 42 ящика с новыми бердановскими гильзами; по штемпелю на ящиках видно было, что они получены из Вены и адресованы в Тегеран»⁶⁸.

Казаки полка Рыбальченко участвовали в ликвидации в Энзели и Реште отрядов террористов, после чего в этих городах наступило относительное спокойствие. Из русской миссии в Тегеране стали приходить утешительные известия о том, что «все требования русского правительства будут удовлетворены и отряду двигаться дальше нет надобности». Рыбальченко решил зимовать в Казвине в помещениях заброшенного караван-сарая: «Живо закипела работа по оборудованию помещений: строились железные печи, устраивались нары, вмазывались окна, пригонялись двери. Скотские помещения сразу приняли более уютный, жилой вид»⁶⁹. Однако вскоре последовали распоряжения о выступлении в Решт для обеспечения тыла двух стрелковых полков. Лишь «праздник Рождества Христова Гребенцы встретили в Казвине уже в достаточно уютно устроенных помещениях, и все было честь честью: люди ели за ужином и родную кутью из пшеницы с медом, и взвар, так напоминавшие русскому человеку далекую родину и семейный очаг»⁷⁰.

Следующий год для Казвинского отряда, который составили 6 сотен Кизляро-Гребенского полка, также прошел в тревогах и перестрелках. Беспоконную боевую жизнь этого времени передает рапорт Рыбальченко, поданный на имя императора 26 октября 1912 г.: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка... получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что селение Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединившимися к ним шахсеванами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку. Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку «Красноводск»

для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете 22-го октября, подойдя к селению Чайнаки, повел наступление. В то же время с «Красноводска» по мятежникам был открыт оружейный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники и рассеялись. В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убито 26 и ранено 31»⁷¹.

Эсадзе писал: «Стремясь укрепить в гребенцах, заброшенных судьбой на далекую чужбину, связь с матерью-родиной, командир их, в сентябре 1912 г., возбудил ходатайство об отправке полка в Россию для участия в юбилейных торжествах по случаю 300-летия царствования Дома Романовых»⁷². Поскольку гребенцы были единственной сохранившей преемственность частью русских войск, принимавшей непосредственное участие как в избрании первого русского царя из Дома Романовых, так и в искоренении Смуты, инициативу Рыбальченко поддержал начальник 3-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант П.Л. Хелмицкий. Романовские юбилейные торжества должны были пройти на родине Ивана Сусанина в Костроме. Однако «особые условия службы гребенцов в Персии не позволяли вызвать в Россию не только весь полк, но даже отдельную сотню полностью. Поэтому решено было отправить в Кострому сводную сотню гребенских казаков, придав ей номер той сотни полка, из которой будет выбрано наибольшее число людей. Такая сотня и была сформирована под № 5 в г. Реште»⁷³.

Срочно было пошито новое обмундирование, и во главе трех офицеров и 134 казаков полковник Рыбальченко 7 мая 1913 г. прибыл на поезде в Кострому. «Их бивак, — писал Эсадзе, — сразу стал привлекать массу любопытных, стекавшихся отовсюду посмотреть на невиданных дотоле казаков, у которых, как и на Кавказе, музыка, пение и танцы сменяли конные учения, джигитовку и другие служебные занятия. Но гребенцы не стали терять время на одни развлечения, а партиями, при офицерах, отправлялись осматривать святыни и достопримечательности города, снимаясь группами в разных местах Костромы — у памятника Сусанину, у Троицкого собора и проч.»⁷⁴. Душой этих экскурсий был командир полка, стремившийся наглядно донести до казаков славные исторические традиции служения российской государственности. Трогательные снимки и рассказ об участии в Романовских торжествах были впоследствии включены в «Памятку гребенца», составленную подполковником Эсадзе под непосредственной редакцией полковника Рыбальченко. На Высочайшем смотре гребенцы Рыбальченко своими нарядными новыми черкесками, белыми папахами, голубыми бешметами и башлыками, блестящим кавказским оружием и холеными лошадьми привлекли всеобщее внимание. Казаки приняли участие в параде, а затем поднесли императору Николаю II старинную шашку для Августейшего атамана казачьих войск наследника-цесаревича. Поблагодарив полковника Рыбальченко за подарок, император обратился к нему с вопросом: «Давно-ли командуете Гребенским полком?» «Второй год, Ваше Императорское Величество, имею счастье командовать этим старейшим полком Терского войска. Ранее же я служил более 30 лет в Хоперском полку Кубанского войска», — ответил командир полка. «Так Ваш бывший Шеф, Великая Княгиня Анастасия Михайловна здесь», —

заметил государь ⁷⁵. С Анастасией Михайловной Рыбальченко был знаком еще с 1904 года. «Представьте, какое совпадение, — сказала Великая княгиня Александру Григорьевичу, — вы служили в моем полку, а теперь командуете тем полком, в котором мой муж был шефом» ⁷⁶. Супруг Великой княгини Великий герцог Мекленбург-Шверинский состоял шефом 1-го Кизляро-Гребенского полка с 1879 по 1896 год. Рыбальченко являлся к тому же кавалером двух Мекленбург-Шверинских орденов.

Вернувшись в Персию, Александр Григорьевич в приказе по полку № 194 от 13 июля 1913 г. рассказал об участии в Романовских торжествах и передал казакам поклон и благодарность от монарха ⁷⁷. «Да сохранит же каждый из нас в своем сердце навеки незабвенные пережитые впечатления и чувства того высокого счастья, которое выпало на долю Гребенцов», — писал командир полка ⁷⁸.

С началом первой мировой войны 1-й Кизляро-Гребенской полк в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии отправился на Западный фронт ⁷⁹. 10 августа 1914 г. дивизия форсировала реку Серет, затем казаки сражались у Тарнополя и Золочева, в результате чего наступательный порыв 3-й австро-венгерской армии был сломлен, и она была отброшена по всему фронту. 21 августа казаки Рыбальченко вступили во Львов ⁸⁰. Осенью 1914 г. на Карпатско-Галицком театре разыгралось упорное Лимановское сражение. В ноябре 1914 г. полковник Рыбальченко был ранен, но остался в строю ⁸¹. За участие в этих боях полковник Рыбальченко в январе 1915 г. был награжден орденом Св. Владимира с мечами и бантом, получил мечи к ордену Св. Анны 2-й ст., а 15 февраля 1915 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами ⁸².

4 июня 1915 г. полковник Рыбальченко был назначен командиром 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии и отправился на Кавказский фронт. В ходе контрнаступления группы генерала Н.Н. Баратова Александр Григорьевич возглавил отряд из трех полков 1-й Кавказской казачьей дивизии, занявший селение Дутах. Высочайшим приказом от 21 января 1916 г. полковник Рыбальченко «за отличие в делах против неприятеля» был пожалован чином генерал-майора ⁸³. Весной 1916 г. в ходе наступления на Мосул Александр Григорьевич командовал Соуч-Булахским отрядом, который включал 1-й Полтавский и 3-й Кубанский полки Кубанского казачьего войска, 1-й Пограничный конный полк, 4-ю армянскую дружину Кери и Пограничную горную батарею. За успешные боевые действия 1 октября 1916 г. Александр Григорьевич получил мечи к имевшемуся у него ордену Св. Станислава 2-й степени.

30 января 1917 г. в приказе № 7 по 4-й Кавказской казачьей дивизии было объявлено: «Командир 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Рыбальченко назначен в распоряжение Наказного атамана Кубанского казачьего войска для формирования 4-й Кубанской казачьей дивизии, командовать которой он предназначается» ⁸⁴. Сдав Сулдузский отряд полковнику Земцову, Александр Григорьевич отправился к месту нового назначения ⁸⁵. В состав сформированной дивизии вошли 2-й Екатеринодарский, 2-й Черноморский, 3-й Запорожский и 3-й Полтавский конные полки ⁸⁶. В марте 1917 г. дивизия Рыбальченко выступила на Персидский фронт.

22 мая 1917 г. приказом по Армии и Флоту за бои 1916 г. генерал был награжден Георгиевским оружием.

В Персии в это время действовал Отдельный Кавказский конный корпус генерал-лейтенанта Баратова. Отрезанный от Родины, в условиях революционной анархии, он был полностью лишен всякого снабжения, а Временное правительство словно забыло о его существовании. Однако английское командование продолжало настаивать на наступлении и проведении Мосульской операции. 4-я Кубанская казачья дивизия не входила в состав корпуса Баратова, но действовала в координации с ним ⁸⁷. До 22 июня 1917 г. наступление русских войск развивалось успешно, они смогли разбить значительные силы противника и занять город Пенджвин. Но в дальнейшем туркам удалось нанести контрудар. В этих боях полки 4-й Кубанской казачьей дивизии понесли большие потери ⁸⁸. В середине августа наступление русских частей в Персии было приостановлено. Мосульскую операцию сначала отложили на начало октября, но из-за тяжелого положения в корпусе генерала Баратова и в других частях перенесли на весну 1918 года. 16 октября 1917 г. Рыбальченко принял командование Турджанским отрядом ⁸⁹.

Зимой 1917—1918 гг. Персидский фронт еще держался. Однако 31 января 1918 г. Главнокомандующий Кавказским фронтом сообщил: «Общая стратегическая обстановка во всем азиатском театре войны совершенно исключает необходимость какой-либо оперативной группы в Персии» ⁹⁰. Строевые части Кубанского и Терского казачьих войск постепенно возвращались с фронта и демобилизовывались. Приказом по Кавказскому фронту № 139 от 13 мая 1918 г. генерал-майор Рыбальченко был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. По сведениям И.Н. Дьякова, Рыбальченко готовил к изданию рукопись «На Кавказском фронте» ⁹¹, но что она из себя представляла — фронтовые записки или журнал военных действий — сегодня сказать сложно. Возможно, какие-то материалы сохранила супруга генерала Пелагея Варлаамовна, дожившая до начала 1950-х годов.

О дальнейшей судьбе генерала можно судить лишь по материалам Дьякова. Этот автор сообщает: «На Всесвятском кладбище (в г. Екатеринодаре. — *О.М.*) нашел свое последнее убежище военный историк и общественный деятель А.Г. Рыбальченко. Большевики называли его “красным генералом”, а белые — “предателем” и “отщепенцем”... Участник Первой мировой войны 1914—1918 годов, он хорошо знал цену солдатской и казачьей крови... Когда белые утвердились на Кубани, деникинская контрразведка обвинила генерала Рыбальченко в “измене русскому офицерскому корпусу” и предала его военно-полевому суду. Генерал А.Г. Рыбальченко был расстрелян в марте 1919 года. Его похоронили родные и близкие на том месте, где сейчас горит Огонь Вечной славы» ⁹². Подтвердить или опровергнуть эту информацию пока не удалось: поиски в Государственном архиве Краснодарского края и в Центре документации новейшей истории Краснодарского края не увенчались успехом. Возможно, дела военно-полевых судов Вооруженных Сил Юга России осели в Государственном архиве Российской Федерации или в Центральном архиве ФСБ России.

Таким образом, в биографии и в военно-историческом наследии генерала Рыбальченко остается еще много неоткрытых страниц. Несомненно одно: Александр Григорьевич беззаветно служил своей стране, активно способствовал сохранению исторической памяти казачества и преемственности поколений, нравственному и военно-патриотическому воспитанию казачьей молодежи. Вместе со своим народом он прошел через испытания войной и революцией, горько переживая, по-видимому, крушение мира, к защите которого он так страстно призывал в своих произведениях, и, одновременно, не желая участвовать в развернувшемся братоубийственном противостоянии. Хочется надеяться, что имя Рыбальченко будет возвращено из забвения и прочно войдет в пантеон российской славы.

Примечания

1. ХОХЛОВ И.В. Полковая историография русской армии в конце XIX — начале XX в. — Вопросы истории. 2008, № 2, с. 159—166.
2. КОЛЕСНИКОВ В.А. Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина. В кн.: Кубанский сборник. Т. I (22). Краснодар. 2006 и др.
3. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и Отечеству 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска и участия 5 сотни в юбилейных торжествах 300-летия царствования Дома Романовых в городе Костроме. Петроград. 1916, прил., № 1, с. 227.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГА КК), ф. 396, оп. 2, д. 135, л. 627.
5. Там же, ф. 252, оп. 1, д. 1299, л. 168об.
6. Там же, л. 168об.—169.
7. ЩЕРБИНА В.А. Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска. В кн.: Кубанский сборник. Т. III. Екатеринбург. 1895, с. 138—139.
8. ГА КК, ф. 396, оп. 2, д. 135, л. 625об.
9. Там же, д. 116, л. 218—219.
10. Там же, д. 135, л. 625об.
11. Там же, д. 86, л. 388.
12. Там же, д. 135, л. 627.
13. Там же, ф. 252, оп. 1, д. 1299, л. 168об.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 34об.
15. ЖЕЛОБОВ В.Н. Кубанское казачество в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Краснодар. 2015, с. 40.
16. БАБИЧ А.В. «Христианин, верноподданный, русский...» О воспитании военных кадров в Ставропольском юнкерском казачьем училище (1870—1898 гг.). В кн.: «Нам Богом и Царем дарованная честь...» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя). Материалы VII международных Дворянских чтений. Краснодар. 2011, с. 137.
17. Там же.
18. РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 34об.
19. ТОЛСТОВ В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696—1896. Пятигорск. 2007, с. 657.
20. Там же, с. 662.
21. ДУМИН С., ЧИКОВАНИ Ю. Дворянские роды Российской империи. Т. IV. М. 1998, с. 281.
22. РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 35об.
23. Там же, л. 42.

24. ДУМИН С., ЧИКОВАНИ Ю. Ук. соч. с. 288. Правда, составители росписи почему-то указали годом рождения Пелагеи Варлаамовны Яшвили 1883. По-видимому, это опечатка, княжна появилась на свет лет на 20 раньше.
25. РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 36.
26. Там же.
27. Там же, л. 37.
28. Там же, л. 38.
29. ГА КК, ф. 402, оп. 1, д. 77, л. 259об.
30. Там же, л. 4а, 16, 20, 24, 28, 99, 112, 116, 118, 124, 129, 131, 137—138.
31. Там же, л. 3—3об.
32. Там же, л. 3об.—4.
33. Там же, оп. 2, д. 136, л. 5.
34. Там же, л. 8.
35. Там же, л. 61.
36. Там же, л. 157.
37. РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 38.
38. Там же.
39. ДЪЯКОВ И.Н. Всесвятское кладбище. В кн.: Кубанский сборник. Т. IV (25). Краснодар. 2012, с. 451.
40. БАРАТОВ Н.Н. Ставропольское казачье юнкерское училище 1870/71—1897/98. Памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Тифлис. 1898.
41. Там же, с. 2.
42. РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 514, л. 39.
43. Там же, л. 42.
44. ГА КК, ф. 396, оп. 1, д. 91 816, л.1.
45. Там же.
46. Там же, л. 1об.
47. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910.
48. Там же, с. 1.
49. КОЛЕСНИКОВ В.А. Былое Невинного Мыса. К 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь. 2011, с. 59—60.
50. Там же, с. 73.
51. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска, с. 4.
52. КОЛЕСНИКОВ В.А. Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина, с. 47.
53. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска, с. 10—11.
54. Там же, с. 31.
55. Там же, с. 127.
56. Краткая историческая памятка Хоперских казаков. Баталпашинск. 1910, с. 15—16.
57. ГА КК, ф. 396, оп. 2, д. 860, л. 17об.
58. Там же, л. 18.
59. СТРЕЛЯНОВ (КАЛАБУХОВ) П.Н. Казаки в Персии. 1909—1918 гг. М. 2007, с. 376.
60. РЫБАЛЬЧЕНКО А. Гребенцы в Персии. — Разведчик. СПб. 8.X.1913, № 1197, с. 617—618.
61. Там же, с. 619.
62. Там же, № 1205, с. 745.
63. Там же. 22.X.1913, № 1199, с. 653.
64. Там же, с. 654.
65. Там же. 8.XII.1913, № 1205, с. 745.
66. Там же.
67. Там же. 24.XII.1913, № 1208, с. 797.

68. Там же.
69. Там же, с. 798—799.
70. Там же, с. 799.
71. Цит. по: СТРЕЛЯНОВ (КАЛАБУХОВ) П.Н. Ук. соч., с. 64—65.
72. Памятка гребенца, с. 143.
73. Там же, с. 144—145.
74. Там же, с. 149.
75. Там же, с. 186.
76. Там же, с. 193.
77. Там же, прил. № 9, с. 247
78. Там же, с. 248.
79. ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М. 2001, с. 131.
80. СТРЕЛЯНОВ (КАЛАБУХОВ) П.Н., КИРЕЕВ Ф.С., КАРТАГУЗОВ С.В. Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. М. 2007, с. 27.
81. <http://gia1914.info/index.php?title>.
82. Там же.
83. Приказ по Кубанскому казачьему войску № 144 от 27 февраля 1916 года.
84. ГА КК, ф. 396, оп. 5, д. 18, л. 16об.
85. ГА КК, ф. 396, оп. 5, д. 10, л. 11.
86. СТРЕЛЯНОВ П.Н. (КАЛАБУХОВ). Ук. соч., с. 200.
87. БУЗУН Ю.Г. «Во славу и защиту Отечества...». Кубанские казаки на фронтах Первой мировой войны. Краснодар. 2014, с. 263.
88. Там же.
89. ГА КК, ф. 396, оп. 5, д. 10, л. 298об.
90. Цит. по: СТРЕЛЯНОВ (КАЛАБУХОВ) П.Н. Ук. соч., с. 199.
91. ДЪЯКОВ И.Н. Ук. соч., с. 451.
92. Там же.

Усадебное хозяйство Мусиных-Пушкиных в XIX — начале XX в.

Ю.В. Ким

Аннотация. В 1817 г. родовое имение Мусиных-Пушкиных, принадлежавшее до этого времени государственному деятелю и археографу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, было разделено на две части (Иловна и Борисоглеб) и досталось его сыновьям. Наследникам старого графа удалось сохранить имение, сделать его экономически прибыльным, а после реформы выйти из кризиса и построить рыночно ориентированное хозяйство. Большая часть работы обращена к деятельности последнего хозяина имения Борисоглеб — Алексея Алексеевича Мусина-Пушкина, который владел им в 1889—1917 годах. В исследовании использовались статистические данные, которые позволили сравнить доходы Мусиных-Пушкиных и других землевладельцев, оценить их деятельность в контексте развития сельского хозяйства в Российской империи.

Ключевые слова: дворянство, усадьба, вотчинное хозяйство.

Abstract. The family estate of the Musin-Pushkins was owned by the famous statesman and an archeographer Aleksey Ivanovich Musin-Pushkin. After his death in 1817 the estate was divided into two parts (Ilovna and Borisogleb) and was inherited by his sons. The heirs of the old Count were able to keep the patrimonial property and make it economically profitable. The Musin-Pushkins overcame the crisis and established a market-oriented estate after the reforms. The main part of the work is devoted to the activity of the last owner of Borisogleb Aleksey Alekseevich Musin-Pushkin, who owned Borisogleb in 1889—1917. The study uses statistics that allows compare the income of the Musin-Pushkins with that of other landowners and evaluate the output of the estate in the context of agricultural development in the Russian Empire.

Key words: nobility, estate, patrimonial management.

В конце XVIII — начале XIX в. преимущество быть экономически независимыми имели лишь крупные усадьбы дворянской аристократии, богатство которых составляли огромные земельные угодья и тысячи крестьянских душ. Хозяйство в этих условиях можно было вести традиционным способом, не заботясь о рентабельности. В середине XIX в. происходит поворот: усадьба теперь все чаще представляет собой экономическое предприятие. Изменившиеся условия, модер-

---

Ким Юлия Владимировна — преподаватель истории. E-mail: Yvk22@yandex.ru.

Kim Yuliya V. — history teacher. E-mail: Yvk22@yandex.ru.

низация, крестьянская реформа, формирование рынка рабочей силы и рынка земли требовали применения деловых способностей владельца. Однако многие дворяне так и не смогли приспособиться к экономической ситуации. Сначала это выразилось в долговых обязательствах, а затем привело имения к разорению. Организация хозяйства Мусиных-Пушкиных показывает пример успешного решения владельцами задач времени. Если проследить за успешной трансформацией барского хозяйства, то одной из развитых отраслей деятельности, которые помогли выстоять в пореформенное время, было молочное скотоводство.

Нужно отметить, что в исторической литературе подходы к управлению имениями изучались, начиная с XIX в., и до настоящего времени. Исследователи уделяли внимание земледелию (в том числе зерновому хозяйству, выращиванию сахарной свеклы, картофеля и т.д.), лесным и речным промыслам, промышленному предпринимательству. Но тема животноводства и скотоводства как отрасли хозяйства в дворянских имениях освещена очень скупо. Некоторый всплеск интереса можно заметить в конце XIX — начале XX в. в связи с популярностью тематики прогресса, промышленного роста в стране и развития деревни. Итоги статистических обследований и обобщающие данные по имениям отражены в нескольких работах этого времени. В них включены сведения о развитии скотоводства в отдельных хозяйствах¹. После 1917 г. интерес к теме дворянского животноводства и скотоводства падает. Новые работы, где можно выделить, хоть и в небольшом объеме, информацию по данной теме дореволюционного периода, появляются с конца 1950-х годов². Выборочные сведения о скотоводстве в некоторых усадьбах содержатся в обобщающем труде А.М. Анфимова³. Небольшое количество современных исследований посвящено скотоводству в традиционно развитых в этой сфере районах, например, в Архангельской губернии, в сибирских частных владениях⁴. Однако практически не встречаются исследования, в которых рассматривается специфика скотоводства как отрасли усадебного хозяйства. В целом можно сказать, что тема, затрагиваемая в данном исследовании, находилась на обочине исторических изысканий. Поэтому очень интересно обратить внимание на развитие скотоводства в одном из крупнейших помещичьих хозяйств Европейской России — имении Мусиных-Пушкиных.

В конце XVIII — начале XX в. Мусины-Пушкины входили в круг крупнейших дворян-землевладельцев. В частности, союз родственников, условно названный Л.П. Минарик «группой Мещерских», включал в себя 13 семей, среди которых были Мещерские, Дурново, Родзянко, Клейнмихели, Канкрины, Струковы, Кривошеины, Апраксины, Строгановы, Мусины-Пушкины. Этой группе принадлежало, по оценке Минарик, 2 млн 700 тыс. десятин земли⁵. Большая часть земель Мусиных-Пушкиных располагалась в Мологском уезде Ярославской губернии.

Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817 гг.), археограф, собиратель древностей, открывший миру «Слово о полку Игореве», в 1816 г. владел 7582 крестьянами мужского и 8081 женского пола только в Ярославской губернии⁶. В начале XIX в. площадь графских земель составляла не менее 70 тыс. десятин земли. Географичес-

кие и почвенные условия обусловили специфику экономики усадьбы. Роскошные леса позволяли развивать лесное дело. Близость к реке давала возможность заниматься рыбным промыслом, традиционно доходной была сдача в аренду пристаней, а также строительство барок. Земледельческие работы сильно зависели от разливов р. Мологи. Управляющий именем Мусиных-Пушкиных, Владимир Петрович Шляхтенков, 10 июня 1812 г. докладывал хозяину усадьбы, что «в Иловне и в прочих местах слава Богу благополучно... ныне вода очень продержала, не запомнят такой продолжительной; из крестьян около Борисоглеба на сих днях пашню только еще кончили»⁷. Хороши и богаты были луга, это имело значение для развития скотоводства (традиционно доходной отрасли усадебного хозяйства Мусиных-Пушкиных). Скотоводство в имении было развито настолько, что скот из Иловны регулярно перегоняли в Подмосковное имение Валуево⁸. Разводили и английских коров: «в Борисоглебском дворе из находящихся аглицких коров одна очень нездорова, той же болезнью, что минушею осень в Иловне аглицкая корова умерла, кашляет чрезвычайно и зубы ослабли; пробовали лечить, но не помогает», — сообщал Владимир Шляхтенков⁹.

В 1817 г., после смерти Алексея Ивановича, родовое имение Мусиных-Пушкиных было разделено на две части (Иловна и Борисоглеб) и досталось двум его сыновьям — Ивану Алексеевичу и Владимиру Алексеевичу. Вдова, графиня Екатерина Алексеевна, которая на первых порах управляла имениями, распорядилась «скотину на заведение брать из тех мест, где ее больше, т.е. не разбирая, что сие не той части принадлежит»¹⁰. Причем по ее задумке предполагалось разводить преимущественно крупный рогатый скот, а не птиц (кроме кур)¹¹.

В Борисоглебе, которым в 1820—1850-х гг. владел младший сын графа Владимир Алексеевич (1798—1854 гг.) и его потомки, продолжало развиваться скотоводство. Но в 1830-х гг. оно не было ведущей отраслью, доход от этой отрасли не выделялся как значимый в хозяйственных книгах до середины XIX века. Средний и мелкий скот давал шерсть (производство шерсти составило 16 пудов 26 фунтов, напрядено было 4 пуда 39 фунтов шерстяной пряжи), а также шел на продажу (в течение 1832 г. было продано: 1 баран, 39 ягнят, 99 поросят). поголовье крупного рогатого скота было большое: в конце 1831 г. всего 1018 голов. Кроме того, в 1832 г. уродилось 253 головы, 52 было куплено. Но и падеж был высоким — 228 голов. Но уже к концу 1832 г., несмотря на расходы на нужды имения, продажу и падеж скота, его гибель в результате пожара в селе Мусине (76 голов), поголовье крупного рогатого и мелкого скота в имении Борисоглеб составляло: 233 быка разного возраста и 701 корова; 8 баранов, 63 овечки и 22 ягненка; 10 боровов и 19 свиней, 3 поросенка; 38 индеек; 20 гусей и 8 уток; 6 петухов, 120 кур и 22 цыпленка¹².

У нас нет информации о каком-либо большом коммерческом доходе от животноводства, но в бухгалтерской документации фиксируется большой расход для личных нужд хозяев Борисоглеба. Владимир Алексеевич любил жить широко, и большое количество молочной и мясной продукции уходило на стол хозяев. Еще в 1830 г., согласно отчету Борисоглебской конторы, «к приезду их сиятельств»

было убито для стола господ и для господина главноуправляющего «14 некладенных телят, 3 кладенных барана, 1 овца, 3 барашка, 1 свинья, 4 боровка, 1 индейский цыпленок, 19 гусят, 11 утят, 3 курицы, 65 цыплят»¹³.

С середины 1830-х гг. продукция шла как на продажу, так и на внутреннее потребление: за 1835 г. из 567,7 пудов чухонского (соленого) масла 550 пудов пошло на продажу, но сметана, которой получено было 36 фунтов, была полностью «съедена» в усадьбе — на Пасху, за столом главноуправляющего и в господском доме. Все пресное молоко (16 ведер в 1835 г.) отдавалось малолетним детям. Из 384 ведер кислого молока было продано 42 ведра, 344 ведра пошли на обеспечение питания «застольным» людям (рабочим и служащим, дворовым), находившимся в усадьбе, скотникам и скотницам. Творога в том же году было заготовлено 735 ведер, из них продано — 393, остальное отдано дворне и слугам при усадьбе¹⁴.

К 1839 г. поголовье крупного рогатого скота составляло более полутора тысяч голов, из них — 458 дойных коров. Продукции по молочному скотоводству было получено: русского (топленого) масла — 2 пуда 28 фунтов, чухонского масла — 373 пуда 11 фунтов, сливочного масла — 2 пуда 8 фунтов, сметаны — 1 пуд 18 фунтов, сливок — 244 бутылки, кислого молока — 442 ведра, пресного молока — 54 ведра, творога — 1074 ведра¹⁵. Доход давала продажа чухонского масла: 345 пудов 1 фунт продукта продали за 5726 руб. 31 копейку. От продажи творога и кислого молока было выручено только 37 руб. 59 коп., продано было 81 ведро кислого молока и 64 ведра творога. Для пропитания слуг, людей, которые находились на застольном положении (в имении при господах было более 80 дворовых и примерно столько же скотников и скотниц, работников на мукомольных мельницах и стеклянном заводе¹⁶) было выделено: 1 пуд 7 фунтов русского масла, 19 пудов 6 фунтов чухонского масла, 361 ведро кислого молока и 794 ведра творога, а для «продовольствия малолетних детей» было отдано 50 ведер пресного молока. Еще 24 пуда 26 фунтов чухонского масла, 2 пуда 3 фунта сливочного масла и 31 фунт сметаны было израсходовано для стола хозяев, а 2 пуда 30 фунтов чухонского масла, 1 пуд русского масла и 5 фунтов сливочного масла получили управляющие.

Из мясной продукции для «застольных людей» было потрачено 110 пудов 23 фунта говядины. Для стола семьи Мусиных-Пушкиных было израсходовано 12 пудов 33 фунтов говядины, а 27 пудов 39 фунтов ушло к столу управляющих. Не обошли и крестьян: для угощения было выделено 20 фунтов сметаны. А на Пасху скотницам и скотникам было подарено: 21 фунт русского масла, 12 фунтов чухонского масла, 7 фунтов сметаны, а дворовым людям — 15 пудов 11 фунтов говядины. Всего же в имении в 1839 г. было «съедено» примерно 79 пудов чухонского масла, 24 пуда русского масла, 2 пуда сливочного масла, 58 фунтов сметаны, 361 ведро кислого молока, 814 ведер творога (и еще 173 осталось в конце года) и около 167 пудов (это примерно 2735 кг) говядины¹⁷.

С 1846 г. в Борисоглебе скотница ежедневно отпускала в господский дом по 2 бутылки чистых сливок (до этого она отпускала для господ по три ведра молока для сливок). А 31 декабря того же года

для графского стола было отпущено: говядины — 13 фунтов, телятины — 4 фунта, рябчиков — 1, сливок — 1 бутылка, масла чухонского — 3 фунта, говядины — 13 фунтов, 1 гусь. До этого, 29 декабря, был заказ, в котором значились сметана и молоко, творог, тетерева (2 шт.), рябчик, бутылка сливок и 36 фунтов говядины ¹⁸.

После крестьянской реформы 1861 г. доходность имения формировалась за счет оброка и прибыли от лесоводства: в марте 1866 г. чистый годовой доход с имения составил 48 806 руб., при этом оброка было собрано 26 562 руб. (почти на 6 тыс. меньше, чем было заложено в бюджет, из-за «неурожая хлеба»), за проданный лес и дрова было получено 21 073 рубля. «Доход по землепашеству» был значительно меньше — всего 1 872 рубля. Скотоводство после реформы оставалось более успешной отраслью, чем земледелие, хотя и давало сравнительно небольшой доход — 4 468 рублей. Сюда включен доход от продажи скота (1221 руб.), от продажи масла (3162 руб., часть масла продавалась напрямую в Петербург), творога, молока, сметаны и сливок. Алексей Владимирович не проводил так много времени в усадьбе, как его отец, меньше затрат требовал господский стол в Борисоглебе. Теперь продукция животноводства шла на продажу, по сравнению с 1830 и 1832 гг. уменьшилось поголовье, в имении было всего 113 дойных коров ¹⁹.

В 1967 г. поголовье еще больше сократилось из-за эпидемии сибирской язвы. В июле «пало разнога скота до 100 шт.», было даже 9 смертных случаев среди людей. Алексей Владимирович просил определить двух ветеринаров и «на счет губернских сборов двух докторов с фельдшерами для больных людей» ²⁰.

В отчетном 1870/71 г. доход имения немного вырос, за вычетом расходов чистый доход составил 52 070 рублей. Скотоводство дало 7 291 руб. (правда и расход был высок, он «съедал» половину дохода — 3 018 рублей). В имении было 458 голов крупного скота, 144 из них — дойные коровы, за год было накоплено 229 пудов чухонского масла и 252 пуда сливочного масла. На каждую дойную корову в имении выходило около 3 пудов 25 фунтов масла, которое поставлялось в Москву и Петербург ²¹.

После смерти графа А.В. Мусина-Пушкина в 1889 г. имение наследовал его сын, граф Алексей Алексеевич Мусин Пушкин (1870—1942 гг.). Алексей Алексеевич, будучи членом Мологского земского уездного собрания, пользовался поддержкой земства и трижды избирался мировым судьей Мологским уездным земским собранием (в 1902, 1905 и 1908 гг.), а в 1906 и 1911—1916 гг. он уже почетный мировой судья. В 1908—1916 гг. А.А. Мусин-Пушкин — кандидат в предводители дворянства Мологского уезда.

Алексей Алексеевич и его жена, Варвара Васильевна, большую часть времени проводили в Санкт-Петербурге, бывая в Борисоглебе наездами, в теплое время года. Однако супруги вкладывали средства и силы в культуру края, занимались благотворительностью и опекой в сфере образования. Алексей Алексеевич в начале XX в. был попечителем нескольких одноклассных начальных и церковно-приходских школ (в 1906—1911 гг.), четырех женских училищ (в 1911 г.); Варвара Васильевна состояла попечителем женского одноклассного училища (в 1906—1911 гг.). Супруги Мусины-Пушкины в 1903—1906 гг. (а

Алексей Алексеевич и в 1900 г.) были действительными членами Ярославской губернской ученой архивной комиссии²². Алексей Алексеевич внимательно относился к сохранению и строительству храмов: «С кирпичного завода, принадлежавшего А.А. Мусину-Пушкину, кирпич вместо обычной стоимости от 15 до 17 рублей за 1000 штук отпускался на строительство храма на 5—8 рублей дешевле»²³. Известно, что художник В. Серов, который в 1895—1898 гг. писал портреты супругов Мусиных-Пушкиных, провел лето 1898 г. в Борисоглебе, где увлекся гравированием на станке, предоставленном ему Алексеем Алексеевичем²⁴.

Алексее Алексеевичу удалось вывести хозяйство Борисоглеба из пореформенного кризиса, и не просто вывести, но и достичь успехов, которые даже позволили завоевывать награды на российских сельскохозяйственных выставках. В Борисоглебе разводили французский и австралийский овес, делали «масло сладко-соленое из кипяченых сливок» и «парижское сладкое в формах»²⁵, коровы давали рекордные удои, и дела были поставлены так неплохо, что желающие поработать в имении писали управляющему: «Не могу терпеть только и думаю каждый день когда поеду к Вам служить»²⁶.

Согласно описанию 1903 г., имение было расположено по обоим берегам реки Мологи и занимало площадь в 51 786,55 десятин, из которых лесная полоса — 37 267,60 десятин. В имении было четыре усадьбы (Борисоглебская, Алексеевская, Мусиновская и Екатерининская), в которых велось полевое и молочное хозяйство. Имение отстояло от Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (ст. Харино) на 60 верст.

К 1903 г. хозяйственная деятельность в имении Алексея Алексеевича Мусина-Пушкина была отмечена несколькими наградами:

- на Краснохолмской сельскохозяйственной выставке 12 сентября 1875 г. за чухонское и сливочное масло была получена малая серебряная медаль, а «за разного рода хлеб» — похвальный лист;
- на Ярославской губернской хозяйственно-промышленной выставке 1886 г. за рожь ярицу Саксонку — большая серебряная медаль;
- на Всероссийской молочной выставке в Петербурге в 1900 г. — большая серебряная медаль за парижское сладкое масло;
- на губернской выставке сельских произведений — бронзовая медаль.

На «Выставке Северного края» в 1903 г. от Борисоглеба было выставлено 189 экспонатов, включая 20 изделий, изготовленных крестьянами (например, улей системы Джерзона, улучшенный Берлепшем, работа Борисоглебских мастерских)²⁷.

К медалям и наградам относились бережно, они хранились в рамках вместе со свидетельствами и похвальными листами в Борисоглебской конторе²⁸.

По-прежнему важное место в экономике Борисоглеба занимало скотоводство. После упадка отрасли, вызванного крепостной реформой, удалось вывести скотоводство на новый уровень доходности. В течение 1870—1890-х гг. были построены железные дороги, соединяющие Ярославль и Рыбинск с Москвой и Санкт-Петербургом. Молочная продукция из Борисоглеба стала отправляться на продажу в Рыбинск или Санкт-Петербург²⁹.

В усадьбах были построены огромные скотные дворы и телятники, а также конюшня в Борисоглебской усадьбе ³⁰.

До 1890 г. в имении содержался местный улучшенный скот, «освежаемый покупкой на стороне»: в 1866 г., например, «приобретено было в Великом Селе до 150 голов». С 1890 г. разводились иностранные породы: Симментальская (швейцарская) порода — с 1890 г., Голландско-Холмогорская — с 1891 и Холмогорская — с 1896 года. Все-му стаду три раза (в 1901, 1902 и 1903 гг.) была привита вакцина сибирской язвы. В 1903 г. рогатый скот был проконтролирован туберкулином ³¹, то есть, проведена диагностика туберкулеза по совершенно новой методике В.Г. Гутмана, разработанной в 1890-х годах ³².

В 1903 г. в Борисоглебе насчитывалось 350 дойных коров и 350 голов молодняка. На «Выставке Северного края» были представлены экспонаты (всего 12 по скотоводству), среди которых, например, были: корова «Знатная», красно-пестрая, 4 года, удои за семь месяцев 194 ведра; корова «Харьеза», годовой удои за 4 года: 217, 266, 221 и 231 ведер; бычок «Адмирал» Холмогорской породы, черный со звездочкой ³³.

Нужно отметить, что выставочные коровы давали рекордные удои: если стандартное ведро на начало XX в. — это примерно 12,3 л, то годовые удои коровы Харьезы из имения Борисоглеб за четыре года, предшествовавшие выставке 1903 г., — 2669 л, 3271,8 л, 2718,3 л, 2841,3 литра. Для сравнения, средние удои в России в 1887 г. составляли около 850 л, в 1913 г. — около 875 литров ³⁴.

В целом, по сравнению со среднегодовыми удоями в Российской империи, годовые удои коров Мусиных-Пушкиных были очень высоки. Среднегодовые показатели в Российской империи в конце XIX в. в Архангельской губернии, где выращивался хороший холмогорский скот, составляли 150 ведер. В экономически благополучных Олонецкой, Вологодской, С-Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской, Пермской, Московской и Прибалтийских губерниях — 100 ведер. В остальных губерниях — 60 ведер ³⁵.

Хозяйство Мусиных-Пушкиных было среди российских имений, успешно развивавшихся в изменившихся условиях. Нужно отметить, что и другие представители рода Мусиных-Пушкиных были связаны с развивавшимся скотоводством. Екатерина Владимировна, в девичестве Мусина-Пушкина (старшая графская ветвь, потомки Ивана Алексеевича) и ее супруг Дмитрий Васильевич Голицын, владельцы усадьбы Вяземы, в начале XX в. достигли в этой отрасли впечатляющих успехов: разводили крупнорогатый скот оренбургской породы (надои достигали около 350 ведер в год; известно, что молоко продавали в московские больницы), участвовали в с/х выставках ³⁶.

Даже по сравнению с западноевропейскими странами годовые удои у коров в имении Мусиных-Пушкиных выглядят впечатляющими. Так, в конце XIX в. коровы в США и Норвегии в среднем давали 120 ведер, во Франции — 100, в Дании и Бельгии — 150, в Германии — 160—170, в Голландии — 175 ведер ³⁷.

Однако не все было благополучно в Борисоглебе, в 1909 г. согласно докладной записке «специалиста по молочному хозяйству», в помещении для животных зимой не поддерживалась необходимая температура, скотный двор был «старый, сырой, холодный», корма не взвешивались, а у скота имелись различные заболевания ³⁸. Объек-

тивность сведений, изложенных инспектором, мы не можем проверить. Но нужно отметить, что по хозяйственной документации незаметно, чтобы плохое состояние скота, если оно было, привело к ухудшению дел. Напротив, в дальнейшем скотоводство по-прежнему приносило большую прибыль³⁹. Можно проследить динамику развития скотоводства в имении Борисоглеб. По данным А.М. Анфимова, в 1899 г. здесь было 230 дойных коров, молока получено 39 тыс. пудов, масла — 1067 пудов. В 1913 г. дойных коров — 229, получено 44 тыс. пудов молока и 1330 пудов масла⁴⁰.

В отчетном 1913—1914 г. при общем доходе с имения в 142 718 руб. (были велики расходы, поэтому чистый доход составил всего 21 538 руб.) скотоводство Мусиных-Пушкиных дало 26 563 руб. при расходе 5 808 рублей⁴¹. Овцеводство и свиноводство давали гораздо меньшую прибыль, не более 400 рублей⁴².

В том же году от 320 коров уродился приплод в 280 голов, от которого с учетом падежа и продажи осталось 110 голов. Скотоводство по-прежнему носило молочный характер⁴³: в 1903 г. было произведено до 1300 пудов масла, которое затем продавалось в Петербурге⁴⁴. С конца XIX в. масло из имения Борисоглеб покупал поставщик императорского двора К.В. Чистяков. В 1909 г. сливочное масло по-прежнему отправлялось К.В. Чистякову, например, «в 12 ящиках, весом нетто 24 пуда, на сумму 420 р.», согласно счету-фактуре от управляющего О. Капустина⁴⁵. Продажа масла (1295 пудов) в 1913—1914 гг. дала 22 248 руб. 75 коп. прибыли, кроме того, еще 40 пудов было израсходовано на нужды имения⁴⁶.

В 1916 г. в «ведомости о доходах от недвижимого имущества» по всем имениям (Харьковской, Кутаисской и Ярославской губ.) Алексей Алексеевич указал доход: 55 400 руб. ежегодно от животноводства; 25 600 руб. от земледелия; 11 200 руб. от сдачи земли в аренду; 209 700 руб. от продажи леса на сруб и разработку дачи на собственные средства. Все это в целом составляло огромную (даже с учетом почти четырехкратной инфляции) сумму общего дохода — свыше 300 000 рублей. Чистый доход составил 127 360 руб. 18 коп.; в общей сумме чистого дохода Борисоглебское хозяйство давало 94% — 119 696 руб. 88 копеек⁴⁷.

Но уже в 1917 г. ситуация ухудшилась, кризис отразился даже на традиционно доходном скотоводстве. В 1917 г. Борисоглебская контора представила сведения об удоях молока, скопе масла, прибыли и убыли скота: в Борисоглебе 185 голов крупного рогатого скота, 46 лошадей, 45 свиней; все поголовье в Мологских имениях Алексея Алексеевича, включая Мусино, Алексеевскую и Екатерининскую усадьбы, — 459 голов, 107 лошадей и 3 жеребенка, 66 свиней, 29 баранов и овец, 69 ягнят. В это время в скотоводстве дела шли плохо — скот был заражен туберкулезом. Начался падеж среди телят⁴⁸.

С 1918 г. имения Мусиных-Пушкиных были реквизированы — произошла национализация.

Имение Борисоглеб в Мологском уезде Ярославской губернии находилось в русле общих тенденций экономического развития этой местности. Важную роль в развитии промышленности сыграло строительство Северных железных дорог, начатое в 1859 году. В результате появившейся возможности быстро сбывать продукцию произхо-

дило бурное развитие маслодельной промышленности в Вологодской, Череповецкой и Ярославской губерниях. В 1902 г. в Ярославской губернии было 334 маслодельных и 86 сыроваренных заводов. Особенно выделялся Мологский уезд Ярославской губернии, в котором около 50% заведений составляли мельницы, маслобойные и маслодельные заводы⁴⁹. Масло поставлялось в Петербург и Рыбинск. В Рыбинске в 1906 г. существовало две английских и одна датская масляные конторы, которые занимались скупкой масла (в течение 1906 г. в Лондон и Копенгаген из Рыбинска было отправлено 150 000 пудов сливочного масла на сумму около 2 млн рублей)⁵⁰. Таким образом, имение Борисоглеб при Алексее Алексеевиче Мусине-Пушкине — это типичный и характерный образец рационального ведения хозяйства в изменившихся условиях, хозяин умело использовал открывшиеся благодаря экономическому развитию края возможности.

В то же время успехи скотоводства в хозяйстве Мусиных-Пушкиных начала XX в. позволяют сделать вывод, что владельцам имения удалось справиться с пореформенным кризисом, вывести имение в число прибыльных, развить важную и перспективную отрасль хозяйства, занять прочную нишу в складывавшихся рыночных отношениях Российской империи. Остается сожалеть, что эти достижения обратились в прах после революционных бурь 1917 года.

Примечания

1. РАДЦИГА А.А. Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах. СПб. 1899; Первая всероссийская выставка рогатого скота 1869 года: Отчет о первой всероссийской выставке рогатого скота 1869 года, составленный с соизволения Его Императорского высочества Государя Великого князя Николая Николаевича старшего комиссиею по устройству выставки. СПб. 1870; ЧЕРНОПЯТОВ И.Н. Скотоводство в северных и средних губерниях России и меры к его улучшению. М. 1872; СТЕБУТ И.А. Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию: 1857—1882 г. М. 1883; КУЛЕШОВ П. Сельскохозяйственный кризис и мясное скотоводство. М. 1895; ФИРСОВ В. Хлебопашество и скотоводство в Финляндии: рассказ о том, как финские крестьяне приспособились вести прибыльное хозяйство в своем холодном краю. М. 1899; КУЛЬЖЕНКО С.В. Киевская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1897 года и ее участники. Киев. 1898; Коневодство и скотоводство в 10 губерниях Царства Польского в 1907 году. В кн.: Труды Варшавского статистического комитета для десяти губерний царства Польского. Вып. XXXVI. Варшава. 1908; КУЗНИЦКИЙ С. Зимнее содержание подмосковного дойного скота (Опыты в Московском уезде в 1911—13 гг.). Оттиск из журнала «Вестник животноводства». М. 1914. В кн.: Экономическо-статистический сборник. Вып. XVIII. Молочное хозяйство в Московском уезде. М. 1914, приложение.
2. КЕККОНЕН А.П. Молочное хозяйство и кормопроизводство в Финляндии. М. 1958; ДРУЖИНИН Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.). В кн.: Исторические записки. Т. 89. М. 1972, с. 187—230.
3. АНФИМОВ А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX — начало XX века. М. 1969.
4. БОЧАНОВА Г.А. Животноводство в Сибири конца XIX — начала XX вв.: улучшение содержания и породности крупного рогатого скота. В кн.: Опыт природопользования в Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск. 2001, с. 115—150; ТУШКАНОВ И.В. Скотоводство в частновладельческих хозяйствах Саратовской губер-

- нии в конце XIX — начале XX в. В кн.: История России: на перекрестке мнений: материалы II межвузовских исторических чтений, посвященных памяти профессора Б.С. Абалихина, Волгоград, 20 ноября 1998 г. Волгоград. 2001, с. 145—150; МИРОНОВ Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб. 2015, с. 788.
5. МИНАРИК Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М. 1971, с. 21—23.
  6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1270, оп. 1, л. 898, л. 5; д. 912, л. 6об.
  7. Там же, д. 692, л. 1.
  8. Там же, д. 706, л. 7; д. 10 285, л. 3.
  9. Там же, д. 692, л. 1об.
  10. Там же, д. 955, л. 1—1об., 4—4об.
  11. СОСНИНА-ПУЦИЛЛО Е.В. Иловна и ее обитатели. В кн.: Мусины-Пушкины: книга-альбом. Ярославль. 1996, с. 20.
  12. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 2492, л. 13а—14, 27об.—28.
  13. Там же, д. 2246, л. 9об.—10.
  14. Там же, д. 3108, л. 1—6.
  15. 28 пудов 32 фунта чухонского масла и 76 ведер творога осталось с 1838 года. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, л. 3914, л. 13об.
  16. Там же, д. 2455, л. 1—49.
  17. Там же, д. 3914, л. 2, 13об.—15, 18об.—19.
  18. Там же, д. 10 699, л. 36об., 126об., 135об.
  19. Там же, д. 7392, л. 1об.—18.
  20. Там же, д. 7500, л. 1—1об.
  21. Там же, д. 7828, л. 1—1об., 17—22.
  22. Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО), ф. 73, оп. 6, д. 74, л. 49; Памятная книжка Ярославской губернии на 1903 г.: Издание Ярославского губ. стат. ком. Ярославль. 1903, с. 46, 160; Памятная книжка... Ярославль. 1905, с. 49, 140; Памятная книжка... Ярославль. 1906, с. 15, 225, 233, 235—238; Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г.: Издание Ярославского губ. стат. ком. Ярославль. 1908, с. 45; Справочная книга... Ярославль. 1909, с. 53; Справочная книга... Ярославль. 1910, с. 100, 103, 105—109; Справочная книга... Ярославль. 1914, с. 55—57; Справочная книга... Ярославль. 1915, с. 57—59; Справочная книга... Ярославль. 1916, с. 49—51.
  23. АЛЕКСЕЕВ Н.М. Мусины-Пушкины и Ярославский край. В кн.: 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве : материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России, 27—29 августа 2000 года, Ярославль-Рыбинск. Ярославль. 2001, с. 350.
  24. FERRAND J. Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. Paris. 1994, p. 149.
  25. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 9523, л. 3—4.
  26. Там же, д. 9188, л. 33—33об.
  27. Там же, д. 9523, л. 2, 4, 5, 9об.
  28. Там же, д. 9519, л. 2.
  29. См.: КАПЛАН А.А. Северные железные дороги и экономика районов, тяготеющих к ним: материалы к экономическому обследованию. М. 1924, с. 1, 8—9, 351, 355; Путеводитель по России: I. Железные дороги. СПб. 1870, карта.
  30. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 8624, л. 1—7.
  31. Там же, д. 9523, л. 3а.
  32. Гутман Вольдемар Георгиевич. В кн.: Биографический энциклопедический словарь. URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/1548723_Gutman.
  33. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 9523, л. 3.
  34. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 788.
  35. РАДЦИГА А.А. Ук. соч., с. 5—68.
  36. ФОМИЧЁВА Е.А. Судьба Вяземы и ее последние владельцы: страницы истории. В кн.: 200 лет первому изданию..., с. 378.

37. Достижения скотоводства в Борисоглебе выглядят убедительными даже при сравнении с данными успешных европейских хозяйств середины XX в., когда молочное скотоводство в Нидерландах и Финляндии занимало лидирующие места среди стран Западной Европы. Среднегодовые удои коров в Финляндии в 1957 г. — около 2605 литров; среднегодовые удои коров в Нидерландах (ведущее место в мире) в 1950-х гг. — около 3800 литров. См.: БОЧАНОВА Г.А. Ук. соч., с. 115—150; КЕККОНЕН А.П. Ук. соч., с. 33, 41; РАДЦИГА А.А. Ук. соч., с. 5—68; ФИРСОВ В. Ук. соч., с. 26.
38. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 229.
39. Согласно некоторым исследованиям конца XIX — начала XX в., оспаривалась необходимость содержания крупного рогатого скота зимой в теплых помещениях. На холодных скотных дворах содержался скот в Сибири, на этот же счет есть рекомендации агрономов начала XX в.: содержание скота в теплых помещениях зимой может приводить к простудным заболеваниям из-за разницы температур вне скотного двора и внутри него. См.: БОЧАНОВА Г.А. Ук. соч., с. 188—119, 121—122, 142; КУЗНИЦКИЙ С. Ук. соч., с. 18.
40. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 229.
41. Но основной доход с конца XIX в. давали лесоводство и продажа леса, в расчетный 1913/1914 г. он составил 96 835,5 руб. при расходе в 22 тыс. рублей.
42. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 10 083, л. 2—2об., 18—19, 28об., 48об.
43. Нужно отметить, что, согласно исследованию А.Н. Челинцева, в целом скотоводство в Ярославской (а также в Тверской, Смоленской, Владимирской, Рязанской и Прибалтийских губерниях) характеризовалось выраженным «молочным» направлением. См.: ЧЕЛИНЦЕВ А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М. 1928, с. 205, 213.
44. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 9523, л. 3—4.
45. ГА ЯО, ф. 714, оп. 1, д. 186, л. 2.
46. РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 10 083, л. 24.
47. Там же, д. 10 221 (по описи № 10 222), л. 1—2.
48. ГА ЯО, ф. 714, оп. 1, д. 95, л. 1об.
49. КАПЛАН А.А. Ук. соч., с. 8.
50. АЛЕКСЕЕВ Н.М. Молога — боль России (история и судьба древней русской земли). В кн.: Русский голос. М. 1991, с. 8—9.

Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть

С.Ф. Блуменау

Аннотация. Публикация посвящена эволюции взглядов либерального большинства Учредительного собрания эпохи Французской революции в отношении исполнительной власти. Перед натиском демократического движения политика отчуждения двух властей сменилась их сближением и взаимодействием.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Учредительное собрание, либеральное большинство, Конституционный комитет, исполнительная власть.

Abstract. The work is devoted to the evolution of the views of the Constituent Assembly liberal majority in the era of the French revolution in relation to executive power. Before the onslaught of the democratic movement politics of alienation between the two powers were replaced by their convergence and interaction.

Key words: French revolution of the XVIII century, Constituent Assembly, liberal majority, constitutional Committee, executive power.

Одной из главных проблем возникшего из Генеральных штатов Учредительного собрания стали отношения с центральной исполнительной властью, прежде всего, с королем и министрами. Истоки первоначальной позиции законодательного корпуса уходили в относительно недавнее прошлое.

К концу XVIII в. образ монарха в глазах населения несколько потускнел. Лепту в это внес длительный процесс «дехристианизации»¹, которому невольно помогала и сама власть, добивавшаяся замены религии в качестве стержневого элемента общественных ценностей на государственные интересы.

Своим поведением и образом жизни десакрализации монархии способствовали и отдельные представители династии Бурбонов. Они отказались от путешествий по стране и широкого общения с подданными, нерегулярно проводили обряд исцеления золотушных. Осо-

---

Блуменау Семён Фёдорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Брянского государственного университета. E-mail: blumenausf@mail.ru.

Blumenau Semion F. — doctor of historical sciences, professor, head of chair of the Bryansk State University. E-mail: blumenausf@mail.ru.

бенно навредил авторитету королевской власти Людовик XV, печально прославившийся огромными тратами на фавориток и влиянием последних на государственные дела, а также созданием своеобразного гарема из юных наложниц — Оленьего парка.

Молодой и добродетельный Людовик XVI вызывал совсем иные чувства. Но его супруга оттолкнула от себя французов из-за приверженности к Австрийскому дому. Неудачи короля в интимной жизни негативно сказывались, прежде всего, на имидже королевы.

Перед революцией представления населения о монархе отличались двойственностью. В умах миллионов простых людей Людовик еще не потерял ореола святости. Но в глубинах подсознания гнездились недобрые чувства к Марии Антуанетте, сомнения в мужской силе короля. Порой, это выплескивалось наружу в форме «поносных речей», обличительных памфлетов, оскорбительных карикатур.

Критические атаки философов, поддержанные «аудиторией Просвещения» в салонах, масонских ложах, провинциальных академиях, литературных обществах «заразили» французов стремлением к свободе и представительному режиму. Но ими отвергался абсолютизм, а не институт монархии и действующий король. Более того, после созыва Генеральных Штатов Людовиком XVI «царистские» настроения даже усилились.

Свидетельство тому — указы избирателей. Один из них был принят общегородским собранием третьего сословия Руана. Этот смелый документ передавал будущей Ассамблее не только решение налоговых и финансовых вопросов, но и настаивал на том, что «законодательная мощь принадлежит представленной в Генеральных штатах нации совместно с королем». Показательна концовка наказа, несколько контрастирующая с его общим тоном: «Собрание,веряясь... побуждению сердца представить королю новые свидетельства своей признательности и любви... умоляет Его Величество... принять от нации.... имя «Отца народа»².

А Олар, проследивший развитие демократических и республиканских тенденций в революции, не обнаружил (за одним исключением) антимонархических заявлений в 1789 году. И только для конца 1790 г. он установил наличие небольшой республиканской группировки, впрочем, названной им «партией». Но, как остроумно заметил сам исследователь, ее члены «могли бы почти все поместиться на одном диване»³. О внушительном республиканском движении можно будет говорить лишь после неудачного бегства короля в Варенн летом 1791 года.

Но, если монарха ограждали от нападок вера одних в Божественную природу королевской власти, пиетет других перед главой государства и страх всех быть обвиненными в оскорблении Величества, то с министрами не церемонились. Ненависть к последним вызывалась политикой оздоровления финансов, часто оборачивавшейся банальным и значительным ростом налогов и попытками таким образом перестроить управленческие структуры, чтобы ослабить парламенты (13 «высших судов», имевших право регистрации королевских эдиктов), сохранявшие известную автономию по отношению к государству. Министры-реформаторы сталкивались с упорным сопротивлением тех же парламентов и — шире — обладателей должностей (оф-

фисье), которые боялись их потерять. Корпоративная солидарность облегчала им «забастовки», способные помешать деятельности судебных и административных институтов.

Раздраженный их поведением Людовик XV нанес удар, избрав орудием своей воли жесткого и непреклонного канцлера Мопу. «Революция Мопу» предусматривала упразднение приобретенных должностей за выкуп, введение конкурсного отбора чиновников, зависящих от государства по службе и материально. Лишь смерть старого короля и воцарение Людовика XVI привели к восстановлению парламентов в прежнем виде. Но в сознании людей сохранилась недобрая память о «министерском деспотизме».

Между тем, проблемы, подталкивавшие власть к реформам, только обострились. Предложения министров — Калонна и его преемника Ломени де Бриенна — о бессловном налоге разбились о сопротивление привилегированных. Неудачей закончилась и попытка хранителя печати Ламуаньона обуздать высшие суды, отобрав у них право регистрации королевских актов.

С весны 1787 г. в стране сложился незримый, но действенный антиабсолютистский фронт, вобравший в себя разнородные силы — от части привилегированных до народных слоев — и возглавлявшийся парламентами. Его платформа не только отвергала нововведения властей, но также отстаивала свободы и идею созыва Генеральных штатов. Конфликт был исчерпан, когда король согласился с требованием собрать представительную Ассамблею. Гетерогенный по составу фронт распался осенью 1788 г. после выхода на первый план противоречий между третьем сословием и двумя другими из-за привилегий. Но недоверие и неприязнь к королевским министрам только закрепились в умонастроениях французов.

Резкие нападки на реформаторство властей, решительное осуждение «министерского деспотизма» стали общим местом в публицистике, связанной с кампанией по выборам в Генеральные штаты. Основательную и развернутую критику дал в сочинении «Советы депутатам, которые будут представлять нацию в Генеральных штатах» литератор и этнограф Ж.-Н. Деменье. Показательно, что слова «министр», «министерский» использовались в тексте 16 раз и почти всегда в отрицательном смысле. «Плохие министры», «извращенные министры» — такие эпитеты применял автор ⁴.

Одна из сторон этого образа — министр — расточитель и коррупционер. Речь шла как о неэффективном использовании государственных средств, так и об их прямом присвоении. Публицист негодовал по поводу «возмутительных» личных состояний министров и в связи с тем, что казенные деньги попадали в карманы их жадных куртизанов ⁵.

Профессиональные качества власть имущих также представлены в самом неприглядном виде. Подчеркивались произвольность их решений, нежелание консультироваться с обществом, отсутствие контроля со стороны представительных учреждений. Вместе с министрами публицист атаковал и представителей центральной власти в провинциях — интендантов. По его словам, они себя не утруждали: подписывали, не читая, ордонансы, да устраивали пышные балы. Интендант — «существо... легкомысленное, поверхностное», но совсем не безобидное. Это — «слепое орудие деспотизма», угнетающее

магистратов, настаивающее на регистрации «разрушительных законов», проводящее в жизнь «самые суровые приказы»⁶.

Оценки представителей высшего эшелона власти страдали негативизмом и упрощенностью. Ведь нередко это были люди, проникшие духом Просвещения. В диатрибах же Деменье сквозили пристрастность и «партийность». С позиций антиабсолютистской коалиции он выказывал солидарность с ее лидером — парламентами, а цели в общего врага — «министерский деспотизм».

С особенной силой политический писатель обрушивался на недавно смещенных министров — Ломени де Бриена и Ламуаньона. В сердцах он восклицал, что «увидел свою родину жертвой двух подлых злодеев». Как считал публицист, эти министры спровоцировали народ в разных регионах на выступления, и солдаты, чей долг — оборона отчизны, вынуждены были «проливать кровь граждан»⁷.

Разоблачениям Деменье созвучны суждения руанского адвоката Ж.-Г. Туре, изложенные в «Обращении добрых нормандцев к их братьям добрым французам всех провинций и сословий», который писал о «двойном бедствии»: «гидре злоупотреблений, порожденной финансовыми беспорядками» и «губительным презрением Правительства»⁸. Второй тезис обретал далее конкретные контуры. Автор напоминал о совместной борьбе разных социальных сил против планов создания «Общей палаты», против попыток Ламуаньона отобрать у парламентам право регистрации королевских актов.

Критически относился к всемогуществу министров и более известный соотечественник двух сочинителей — крупный юрист и академик Г.-Ж.-Б. Тарже. Он был среди тех, кто еще защищал парламенты от их разгона Мопу при Людовике XV. В его публицистике кануна революции содержалось знаменательное обобщение. Тарже обозначил двух врагов нации: «министерский деспотизм» и «аристократию привилегированных»⁹.

Самым известным политическим писателем сделался в то время аббат Э.-Ж. Сийес. В брошюре «Взгляд на средства осуществления полномочий, которыми смогут располагать представители Франции в 1789 г.» он размышлял, в частности, над тем, как оградить будущие Генеральные штаты от министерского произвола. Именно министров и двор, но не короля обвинял аббат во всех злоупотреблениях¹⁰.

Ненависть к министрам стала элементом политических настроений французского общества перед революцией. Многие адвокаты, судейские, «люди таланта», нападавшие на этих представителей власти, избрались в Генеральные штаты. Глубокую неприязнь к министерскому корпусу они принесли в законодательный орган. Показательно выступление от имени только что сформировавшегося Конституционного комитета Ассамблеи Ж. Мунье, связанного с самой умеренной частью «патриотов» (сторонников преобразований) — группировкой «монархистов», преобладавшей в новой влиятельной структуре. В его речи от 9 июля 1789 г., проникнутой пиететом к монархии и призывавшей начертать сначала декларацию прав Короля и только потом перейти к правам французского народа, министры вновь «назначались крайними» за «грехи» Старого порядка. «Дерзкие министры часто злоупотребляли своей властью»¹¹, — напоминал оратор.

Каким стало положение министров в начавшейся революции? Внешне мало что изменилось. Декларировалось, что «высшая исполнительная власть сосредотачивается в руках короля». Министры должны были действовать под его руководством. Их оставалось, как прежде, шестеро. Они назначались и отстранялись только монархом. Сохранялись те же направления работы. Хранитель печати сделался министром юстиции, генерального контролера финансов тоже назвали министром. Остались министерства иностранных дел, военное и военно-морское. Появился министр внутренних дел. Должность премьер-министра отсутствовала, и деятельность министерств, как и при абсолютизме, практически не координировалась.

С введением в революционной Франции системы разделения властей роль исполнительных структур заметно ослабла. Приоритет отдавался законодателям, на чем нередко настаивали в документах и выступлениях. Так, в одном из «Проектов декларации прав» подчеркивалось, что «всеобщая воля, каковой является законодательная мощь, должна руководить деятельностью правительства или исполнительной власти»¹².

Одной из задач депутатов стало отстранение короны и ее представителей от участия в законотворчестве. Требуя постоянного, а не периодического функционирования законодательного органа, парламентарии стремились исключить любые перерывы в его работе. Они опасались, что парламентские каникулы позволят королевской власти издать до начала ближайшей сессии временные законы или интерпретировать уже принятые Собранием декреты. В этой связи и появилось следующее решение: «король не может издавать законов, даже временных»¹³. Затем монарха и его министров лишили права предлагать законы: «инициатива законов принадлежит исключительно законодательному корпусу»¹⁴.

Министры вызывались в Ассамблею лишь для ответов на запросы депутатов. По логике же вещей, главных агентов короля следовало привлекать к выработке декретов, ибо, с одной стороны, они отлично знали предмет дискуссий, а, с другой, — были заинтересованы в хороших законах, которые им надлежало выполнять. Подобные соображения и имел в виду граф Мирабо, когда 29 сентября 1789 г. озвучил следующее: министры могут помочь Собранию советами и административным опытом¹⁵. Речь шла о том, чтобы дать им совещательный голос при обсуждении парламентом будущих законов. Но это заявление не встретило поддержки депутатов.

К указанному вопросу вернулись 6 ноября. Рассуждая в тот день о финансовых трудностях государства, Мирабо объяснял их во многом противоречиями между министрами и Учредительным собранием. Выбор виделся в совместных действиях двух ветвей власти, и он вновь предложил предоставить агентам короны возможность участия в парламентских дискуссиях с правом совещательного голоса. На сей раз доводы графа, казалось, нашли понимание у депутатов, аплодировавших ему.

Но замысел Мирабо был далеко идущим: он добивался министерского портфеля, надеясь сохранить при этом влияние на Ассамблею. Прецедент с министрами, взятыми из депутатской среды, уже имел место. Ранее Людовик XVI назначил на министерские посты двух депутатов — Шампюна де Сисе и Лефрана де Помпиньяна.

Основная полемика вокруг предложения Мирабо состоялась на следующий день. Депутатский корпус, с одной стороны, находился под воздействием традиционных представлений о «министерском деспотизме», с другой, — выражал негодование в связи с недавними возмутительными акциями Двора в отношении революции и ее символов. Законодатели не стремились контактировать с королевскими министрами, занимавшими гораздо более умеренные позиции, чем либерально настроенная часть парламентариев. Принцип разделения властей трактовался последними догматически жестко, что означало в реальности обособление законодательного органа от исполнительных структур. В ходе дискуссии одни ораторы предполагали, что приглашенные министры овладеют ходом прений и навяжут Собранию свои взгляды, другие заявляли: даже факт нахождения в зале вместе с представителями королевской власти подвергнет депутатов сильному искусству коррупции. Выступившие «монархист» Монлозье и деятель конституционалистского парламентского большинства Ланжюине упрямо твердили, что предложение Мирабо противоречит самой идее разделения властей.

Но был и другой момент, определивший поведение оппонентов великого трибуна в еще большей степени, чем приверженность принципам. Депутаты опасались талантов и властолюбия графа. Ланжюине сказал об этих тревогах прямо и ярко: «Красноречивый гений увлекает вас за собой и подавляет вашу волю. Можно себе вообразить, что он сделает, став министром?»¹⁶ В результате была принята убийственная для надежд Мирабо поправка: «Ни один депутат не может состоять в правительстве во время нынешней сессии»¹⁷.

Между тем, сотрудничество властей и возможность формировать правительство, в том числе из парламентариев, способствовали бы укреплению нового либерального режима перед лицом политических атак с разных сторон. Но трепет перед демонической фигурой Мирабо и приверженность догме подтолкнули законодателей на другой путь. Они сделали выбор в пользу фактического отчуждения властей друг от друга. Порой, это задевало интересы и амбиции самих депутатов. Показательна отмена ими собственного решения о том, что Собрание может представить королю замечания о поведении министров и заявить, что те утратили его доверие¹⁸.

Основной сферой деятельности министров являлось собственно управление страной. В связи с административной реформой возникла проблема контроля центра над новой местной властью. Конституционный комитет, в котором преобладала группировка «левый центр», склонялся к балансу властей и отмечал значение исполнительной ветви. Для ее функционирования следовало построить исполнительную вертикаль. «Чтобы привести администрации (департаментов, дистриктов, коммун. — С.Б.) в движение, необходимо расположить их одну над другой», — указывал Деменье, подчеркивавший обязательное «подчинение дистриктов и департаментов королю»¹⁹.

Но депутаты не понимали, что система заработает лишь при наличии «приводного ремня» между центральной властью и управленческими структурами административных единиц. Раньше такую роль выполняли провинциальные интенданты, воспринимавшиеся населением как составная часть «министерского деспотизма». Революция

не только упразднила этих служителей Старого порядка, но и не собиралась искать им замену. То была принципиальная позиция, подтвержденная законом: «Между администрациями департаментов и высшей исполнительной властью не должно быть никаких посредников...»²⁰

Могли ли стать своеобразным связующим звеном комиссары короля? Они направлялись министром внутренних дел для организации местных выборов и контроля над ними. Но и при выполнении столь ограниченных функций сталкивались с сильным сопротивлением должностных лиц в провинции. Комиссары вышли из духовного сословия, дворян рабы, верхушки буржуа и симпатизировали «монархистам», тогда как администраторы на местах происходили из более демократических слоев и придерживались весьма радикальных политических взглядов. Любопытен эпизод, случившийся 14 марта 1790 г. в Труа, где муниципалитет города отказался от присутствия здесь королевских комиссаров и сообщил об этом всем коммунам страны. Подчеркивалось, что посланцы монарха никем не избраны и потому не могут приказывать легитимным выборным властям²¹.

Нередко администрации на местах действовали в обход исполнительной власти, жаловались на министров и комиссаров в Учредительное собрание, которое шло им навстречу, вступало в переписку, присылало декреты и другие материалы. Ассамблея представляла себя арбитром в споре сторон: она защищала исполнительную власть от прямых нападков местных администраций, но одновременно поощряла их сопротивление министерствам. На деле многие депутаты подстрекали муниципальные и департаментские органы к неповиновению главным агентам короля. Тон задавал предводитель «левых» в парламенте и тогдашний лидер Якобинского клуба Барнав: «Огромная опасность... — допустить согласованность, слаженность, договоренность исполнительной власти с директориями или советами департаментов»²².

В результате особенно осмелели муниципалитеты — с одной стороны, нижняя ступенька исполнительной вертикали, но, с другой, — автономная власть, руководившая деятельностью общины. Чувствуя поддержку законодателей, коммуны перестали считаться с исполнительной властью. Министр Бертран ле Моллевиль писал в этой связи: «Сорок восемь тысяч муниципалитетов организовали столько же маленьких независимых республик, реально не подчиняющихся высшей центральной власти»²³. На неповиновении этих органов — «муниципальную анархию» — указывал и американский наблюдатель Моррис²⁴.

Ситуация озадачила ответственных людей и политиков — членов Конституционного комитета. 2 марта 1791 г. Деменье упрекнул муниципалитеты и администрации дистриктов в том, что в их письмах и постановлениях содержались выпады против центра. «Это нарушает принципы представительного правительства и ведет прямо к анархии»²⁵, — сокрушался законодатель. 6 марта он потребовал предоставить королю и министрам право приостанавливать полномочия административных ассамблей²⁶. Высшая исполнительная власть могла не только отменять решения, принятые на местах, но и временно отстранять местных функционеров.

И все же права законодателей и здесь оказались шире. Они имели возможность перечеркнуть решения исполнительных структур и, наоборот, вообще распустить провинившиеся администрации и направить дела на них в суд. На практике перевес депутатского корпуса проявлялся еще зримей. Так, из 12 случаев аннулирования постановлений и отстранения местных администраций только в одном инициатива исходила от исполнительной власти, а в 11 — от парламентариев ²⁷.

Недоверие депутатов к министрам, неприязнь к ним, уходившие корнями в конфликты судейских с властью при Старом порядке, проявились с начала революции и в законодательстве, касавшемся юридической сферы. Подобный подход встретился уже в «Проектах декларации прав» и схожих документах, подготовленных некоторыми депутатами. Так, в тексте, исходившем от Тарже, было высказано намерение подчинить «исполнительную силу» «законодательному могуществу» с тем, «чтобы агенты Верховного Главы не могли безнаказанно преступать Закон» ²⁸. Будущий коллега упомянутого депутата по Конституционному комитету Туре выступил за надзор над исполнительной властью и привлечение ее представителей к ответственности в случае должностных преступлений ²⁹.

В дальнейшем подозрительность в отношении назначенцев короля только нарастала. Так, например, Деменье настаивал: за министрами надлежало «беспрестанно присматривать, следить, наблюдать» ³⁰. Выступая 29 сентября от имени Конституционного комитета, он предложил текст постановления о финансовой и юридической ответственности правительственных чинов ³¹. Тарже поддержал эту меру, полагая, что она «защитит нацию от вторжения (министерского. — С.Б.) деспотизма» ³². Специальный пункт о преступлениях министров и их ответственности внесли в конституцию. Материалы о нарушениях ими законов направлялись в самую высокую судебную инстанцию страны — Верховный Национальный суд. Роль парламента в этом являлась решающей: именно депутаты, и только они, по собственной инициативе принимали постановления о передаче дел на министров в этот высокий суд. В последний включались пять членов, назначенных законодателями. Из своей среды депутатский корпус выбирал двух прокуроров для поддержания обвинения.

Король же был бессилен в таких делах. «Королевский указ, устный или письменный, ни в коем случае не может освободить министра от ответственности» ³³. Сам монарх располагал иммунитетом и не подвергался уголовному преследованию за свои решения. Все его распоряжения обязательно подписывались соответствующим министром, который и нес за них ответственность по закону. Таким образом, во Франции стало действовать правило контрсигнатуры, введенное прежде в Англии.

Положение министров было незавидным. Они имели мало возможностей влиять на ход дел в стране. «Правительство стеснено таким образом, что его агенты, которые ответственны за все, не могут воздействовать ни на что» ³⁴, — констатировала мадам де Сталь. Исполнительная власть «еле дышала». Отовсюду раздавались жалобы на ее бездействие. «Министерство, со временем отслужившее, истрепанное, уничтоженное Ассамблеей, атакованное Мирабо, обвиненное

якобинцами, ненавистное роялистам, оставленное Лафайетом, не могло сопротивляться этим ударам»³⁵, — заключал А. Ламартин.

Отношение законодателей с исполнительной властью существенно изменилось после неудачного бегства короля в Варенн. Известие о случившемся вызвало в столице стихийные «иконоборческие» выступления: горожане разбивали бюсты Людовика, вымарывали слово король и производные от него. Прежде малораспространенные республиканские настроения получили сильную подпитку.

В связи с выяснением обстоятельств побега и бурной реакции парижан ужесточилась позиция Собрания и его Конституционного комитета. Выступая от имени последнего 22 июня 1791 г., Деменье грозно предупредил: «Если король не объявит, что его увезли мятежники, то он изобличит себя перед миром как клятвопреступник»³⁶. По результатам обсуждения королевские полномочия временно приостанавливались, а исполнительная власть переходила в ведение Собрания.

Но в долгосрочном плане цели парламентариев были иными. Они резонно опасались, что, если вынуть хоть один «кирпичик» из «здания» конституционной монархии, то оно обрушится. Большинство конституционалистов это чувствовало, а Барнав — самый глубокий ум Ассамблеи — сказал в знаменитой речи от 15 июля: «Нам причиняют великое зло, увековечивая это революционное движение, которое разрушило все то, что надо было разрушить, и привело нас к той точке, где нам следует остановиться... Из этого вытекает та великая истина, что если Революция совершит еще один шаг, то она не сможет совершить его безопасно; это значит, что еще один шаг по пути свободы означал бы низвержение королевской власти; это значит, что еще один шаг по пути равенства означал бы уничтожение собственности»³⁷.

Мало было сохранить конституционную монархию, следовало оставить на троне и действующего короля. Родные братья не могли заменить его, поскольку эмигрировали и были против революционной Франции. Кузен — герцог Орлеанский, солидарный с революцией, — не вызывал, однако, доверия общества. Сам же Людовик был покладист, а неудача с побегом сделала его еще уступчивей.

Отсюда — готовность многих депутатов вернуть монарху высокие полномочия. Барнав откровенно писал: «Предъявлять королю обвинения было бы неразумно, политически недальновидно»³⁸. «Я всегда полагал, что при монархическом правительстве свобода народа во многом зависит от неприкосновенности главы (государства. — С.Б.)», — формулировал Тарже³⁹. Уже 15 июля Учредительное собрание объявило короля невиновным в измене и восстановило его во власти.

После Варенна выявилось растущее сближение реформаторских сил парламента. До этого группировки «левых», «левого центра», сторонников Лафайета («файетистов»), «монархистов» выступали с заметно различавшимися взглядами, прежде всего, по вопросу о роли короля в новой политической системе. Теперь же наметилось и стремительно осуществлялось сплочение всех либеральных сил. Это демонстрировали лидеры группировок; явление немедленно сделалось достоянием прессы. «Парижские революции» отмечали, что «патриоты, за исключением Робеспьера, Петiona, Бюзо и еще некоторых,

консолидировались после неудавшегося побега Людовика XVI: Малуэ аплодировал Барнаву, Лафайет стал близким другом Ламета, больше не нужно было краснеть за разговоры с Шапелье, д'Андре, Деменье и другими. Произошло невероятное, немислимое объединение, примирение!»⁴⁰

Тенденция к единению усилилась под натиском протестного движения, вылившегося в требование отрешения тогдашнего короля от власти. Активность «братских обществ», Клуба кордельеров, значительной части якобинцев, журналистов-радикалов заставила Собрание окончательно определиться. Оно выступало за Конституцию, ограниченную монархию и сохранение трона за Людовиком XVI. Либерально-реформаторское крыло Ассамблеи повело борьбу на два фронта: и против контрреволюционеров, и против радикально-демократических общественных кругов.

Расстрел на Марсовом поле 17 июля 1791 г. сделал разрыв между конституционалистами и демократией окончательным и непреодолимым. Одним из последствий этого события стал принципиальный пересмотр отношения либерального руководства законодательного корпуса к королевским министрам. Для того, чтобы противостоять демократическим силам, консолидация конституционалистско-реформаторского большинства Собрания была недостаточной; следовало расширить базу сопротивления радикалам благодаря подключению к ней исполнительной власти.

Отсюда — задача реабилитации последней. Лидер «левого центра» Туре заявил: «После долгих лет деспотизма своим главным врагом нация считала исполнительную власть, так как она угнетала народ. Но эту власть нельзя уничтожать и притеснять. Скорее, наоборот, следует возобновить ее деятельность, но уже в новом качестве. Она должна способствовать возрождению государства, учреждению конституции и истинного правительства»⁴¹. Оратор настаивал, что законодатели и исполнительная вертикаль в равной мере представляют фундаментальные основы государства. Его поддержал Барнав, еще недавно оставлявший за королем лишь церемониальные функции и третировавший министров. Теперь он и его единомышленники — «левые» — высказывались за равновесие двух властей, которое явится залогом стабильности «этой искусной, замысловатой комбинации» представительного и монархического правительства⁴².

Пересмотр взглядов на роль исполнительной власти в государстве вылился в новое отношение к министрам. Недоверие к ним, ограничение функций этих должностных лиц, угрозы уступили место осознанию их способности помочь в общем деле. Туре считал, что «министры монарха могут войти в законодательное Собрание, занимать там место и быть услышанными»⁴³. Барнав поддержал эту мысль: «Необходимо позволить министрам войти в Ассамблею для того, чтобы ответить на вопросы, которые могут быть им заданы, или, используя свои знания, осведомленность, высказать мнения по проблемам»⁴⁴. В результате предложение Конституционного комитета прошло, и в основном законе государства появилась соответствующая статья.

Перед лицом давления радикально-демократического движения либералы все отчетливее понимали необходимость и важность взаи-

модействия исполнительных и законодательных структур. Туре нацеливал на то, что обе власти должны пересекаться, сотрудничать, помогать друг другу и благодаря этому взаимно укрепляться. Политик говорил даже, что они «должны брататься»⁴⁵.

Прежде Ассамблея отвергала идею Мирабо о возможном рекрутировании министров из ее собственной среды. Более того, она запретила и отставным депутатам в течение двух лет занимать места в правительстве. Законодатели опасались коррумпирования депутатского корпуса королевской властью.

13 августа 1791 г. Туре выступил против вышеуказанного решения. Он говорил о невозможности конституционно оформить положение о том, что депутатский мандат несовместим с министерским постом. По словам оратора, «исполнительная власть — это не только власть короля, но и власть народа. Следует позволить королю брать своих агентов среди представителей и друзей народа»⁴⁶. Один из лидеров «левых» — Дюпор — также подчеркивал, что люди, которые в течение двух лет трудились во имя свободы своей страны, имеют право быть выслушанными и в правительстве.

Конституционалисты подходили к мысли о возможности формирования важных исполнительных структур из деятелей парламентского большинства. Но противоестественная коалиция из «крайне левых», правых и молчаливого большинства отказалась от подобного подхода, справедливо опасаясь, что министерские должности достанутся известным всей Франции либеральным политикам.

Избранная в 1789 г. населением Ассамблея была носителем революционных принципов, тогда как агенты короля ассоциировались со Старым порядком. Учредительное собрание ограничило власть и возможности исполнительных структур, одновременно усилив ответственность за ошибки и злоупотребления. Ситуация изменилась после Варенна. Ответом на атаки демократического движения стала консолидация всех либеральных сил законодательного корпуса. Сближение и взаимодействие последнего с исполнительной властью явилось продолжением и развитием данной политики. Полученный к тому времени депутатами двухлетний опыт также диктовал лидерам Конституанты отказ от курса на отчуждения властей в пользу линии на их сотрудничество.

Примечания

1. О различных чертах и приметах дехристианизации см.: ШАРТЬЕ Р. Культурные истоки Французской революции. М. 2001, гл. 5.
2. Archives parlementaires de 1787 à 1860 (AP). Première série (1787—1799). T. V. Paris. 1862—1913, p. 597—598, 602.
3. ОЛАР А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. М. 1938, с. 69—70, 116.
4. DEMEUNIER J.-N. Avis aux députés qui doivent représenter la Nation dans l'Assemblée des États Généraux. Paris. 1789, s. 1, p. 3, 6—7.
5. Ibid., p. 14, 31.
6. Ibid., p. 28—29.
7. Ibid., p. 1—12.

8. THOURET J.-G. Avis des bons normands à leurs frères tous les bons Français de toutes les provinces et de tous les Ordres. Sur l'envoi des Lettres de Convocation aux États Généraux. Paris. 1789, s. 1, p. 5.
9. TARGET G.-J.-B. Les États Généraux, convoqués par Louis XVI. Paris. S.d., s. 1, p. 17—19, 36—37.
10. ТЫРСЕНКО А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени М. 2005, с. 83—84.
11. Документы истории Великой Французской революции. (Документы) Т. 1. М. 1990, с. 38—39.
12. Le projet de déclaration de Target (fin de juillet 1789). In: RIALS S. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Paris. 1988, p. 611.
13. AP, t. IX, p. 211.
14. Ibidem.
15. Ibid., p. 212.
16. Цит. по: КАСТР Р. де. Мирабо: несвершившаяся судьба. М. 2008, с. 296.
17. AP, t. IX, p. 715—718.
18. DESLANDRES M. Histoire constitutionnelle de la France. Т. 1. Paris. 1932, p. 119.
19. AP, t. XXIII, p. 632.
20. Документы..., т. 1, с. 73.
21. Courier de Provence. Т. VI, № CXXIV, p. 202.
22. AP, t. XXIII, p. 665.
23. MOLEVILLE B. Histoire de la Révolution de France, pendant les dernières années du règne de Louis XVI. Т. III. Paris. 1801, p. 39—40.
24. The diary and letters of gouverneur Morris, Minister of the United States to France, Member of the Constitutional Convention. Т. 1. N.Y. 1970, p. 394.
25. AP, t. XXIII, p. 631.
26. Révolution de Paris. № 87, du 5 au 12 mars 1791, p. 441.
27. GAUTIER B. Les relations entre le pouvoir central et les administrations locales sous la monarchie constitutionnelle (1789—1792) In: L'administration territoriale de la France (1750—1940). Actes du colloque d'Orléans (30.IX, 1, 2.X.1993). Orléans. 1998, p. 302.
28. Le projet de déclaration de Target, p. 612.
29. L'Analyse de Thouret (début d'août 1789) In: RIALS S. Op. cit., p. 635.
30. AP, t. VIII, p. 565.
31. Ibid., t. IX, p. 211.
32. Ibid., t. XII, p. 485.
33. Документы, т. 1, с. 126.
34. STAËL G. Considerations sur les principaux evenemens de la Révolution française. Т. 1. Paris. 1820, p. 360.
35. LAMARTINE A. Histoire des constituants. Т. IV. Paris. 1855, p. 176.
36. ЖОПЕС Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 1. Кн. 2. М. 1977, с. 330.
37. Там же, с. 334.
38. Oeuvres de Barnave. Т. 1. Paris. 1843, p. 132.
39. TARGET G.-J. Observations de Target sur le procès de Louis XVI. Paris. 1806, p. 2.
40. Révolutions de Paris. № 107, p. 119.
41. AP, t. XXIX, p. 399.
42. CHAGNY R. «Consommer la Révolution». L'évolution de la pensée politique de Barnave d'après ses interventions à l'Assemblée constituante. In: Terminer la Révolution. Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble. 1990, p. 137—138.
43. AP, t. XXIX, p. 445.
44. Assemblée Nationale. Journal des débats et des décrets. № 816, 15.VIII.1791, p. 6—7.
45. AP, t. XXIX, p. 400.
46. Ibid., p. 399.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«192»

Сербо-албанский конфликт осени 1913 г. и европейская политика

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена анализу ситуации в сербо-албанских отношениях накануне первой мировой войны в контексте балканской и европейской конфликтологии. Основное внимание уделено кризису осени 1913 г. между Сербией и Албанией и позиции России, а также других великих держав. Исследование базируется на неопубликованных документах из российских и зарубежных архивов

Ключевые слова: Албания, Сербия, Османская империя, Европа, Россия, великие державы, Балканы, международные отношения, первая мировая война.

Abstract. The Work is devoted to the Serbo-Albanian relations on the eve of World War I as a part of the Balkan as well as European conflictology. The author pays particular attention to the Albanian crisis of 1913 and the position of Russia and other Great Powers. The research is based on unpublished documents from Russian and foreign archives.

Key words: Albania, Serbia, Ottoman Empire, Europe, Russia, Great Powers, Balkans, international relations, World War I.

Балканский регион выступает в качестве одного из ключевых полигонов реализации различных сценариев межгосударственных, межнациональных, межконфессиональных конфликтов. Исторически присущая Балканскому полуострову межэтническая «чересполосица», сложности формирования государственности у проживающих здесь народов, вовлеченность великих держав — все это служило и продолжает служить питательной средой для разнообразных кризисов и конфликтов, как правило, угрожающих стабильности всей Европы. Одним из характерных примеров подобной модели развития событий стал сербо-албанский конфликт осени 1913 г., поставивший Европу на грань полномасштабной войны.

В развитие договоренностей, завершивших Балканские войны 1912—1913 гг., великие державы потребовали от Сербии вывести свои

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: turantz@land.ru.

Iskenderov Petr A. — MA, senior researcher of the Institute for Slavic Studies RAS. E-mail: turantz@land.ru.

войска из пределов предварительно определенных границ Албании, находившейся в то время под верховным управлением Международной контрольной комиссией. В ответ, 19 сентября 1913 г. сербское посольство в Санкт-Петербурге уведомило российский МИД о том, что «Сербия начала выводить войска их Албании, которые там остались только для того, чтобы лучше защитить сербскую территорию от нападений арнаутов (албанцев. — П.И.), пока в Албании не будут организованы нужные власти для обеспечения (так в тексте. — П.И.) порядка на границе. Между тем по всей линии границы царят самые большие беспорядки. Вооруженные арнауты массами нападают на сербские войска и сербские власти. Сербское правительство имеет также достоверное известие, что готовится организованное, серьезное нападение на нашу территорию и что в Албании пробуют призвать к этому нападению и арнаутов, находящихся на нашей территории, и которые до сих пор были спокойны¹.

Сербское правительство не может терпеть эту анархию распространяемую из Албании с каждым днем все больше.

Мы решили, с правом, запретить арнаутам всякое приближение к нашей границе и нашим рынкам пока не восстановится нормальное положение и пока арнауты не перестанут враждебно относиться к нашим пограничным властям.

Кроме этого Сербия всякое новое вооруженное нападение силою остановит и, эвентуально, если пограничные стычки примут большие размеры, сербские войска должны будут вновь оккупировать некоторые стратегические пункты на албанской территории, которые окажутся нужным для обеспечения нашей границы.

Также потребуем уплату за те потери и расходы, которые будем иметь из-за таких беспорядков»².

В кабинете сербского премьера Николы Пашича не сомневались, что албанские лидеры при поддержке монархии Габсбургов готовят широкомасштабное нападение на сербскую территорию с тем, чтобы вовлечь в орбиту антисербских выступлений, охвативших присоединенные к Сербии районы, и тех албанцев, которые до сих пор сохраняли спокойствие. Однако жесткие действия самих сербских военных властей в присоединенных областях мало способствовали нормализации обстановки. Как следствие — внутренний и внешний фактор сработали одновременно, и антисербское восстание в области Люма к юго-западу от Призрена было усилено вторжением извне в новые границы Сербии албанских отрядов. 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10 тыс. чел. пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, все еще находившиеся под контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые, согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав, были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джняковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди: Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и по-

обещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал Эссад-паша, проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда³.

Находившиеся на границе малочисленные и слабо вооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар — город с пятнадцатитысячным населением — был занят шеститысячным албанским отрядом, а сербские силы, численностью в две роты, отступили к Кичеву⁴. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными свидетельствами. В частности, говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО и в частности с Янетом Санданским, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании в сопровождении других лидеров ВМРО⁵.

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетини, Байрам Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Дзяковицей.

Совет министров Сербии 22 сентября издал распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушеваца и составили сводную дивизию⁶. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75 тыс. чел. личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию⁷.

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довело до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»⁸. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «все еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»⁹. Кроме того, в вину сербским властям было поставлено закрытие рынков в приграничных с Албанией городах — в первую очередь, в Дебаре и Дзяковице — которые албанцы «уже привыкли посещать и снабжаться на них тем, что им необходимо для жизни»¹⁰. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов — утверждало внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии¹¹.

Тем временем, 23 сентября российский МИД получил от сербского посольства в Санкт-Петербурге следующее описание событий: «Албанцы атаковали нашу границу вдоль всего фронта, сразу же пос-

ле того, как наши войска эвакуировали стратегические точки, которые мы занимали до настоящего времени, и которые мы оставили в результате вмешательства великих держав. Албанцы большими массами вторглись на нашу территорию и осадили Дибру (Дебар. — П.И.). Вслед за этим королевское правительство Сербии было вынуждено предпринять меры, упомянутые в предыдущем сообщении в адрес великих держав.

Одновременно королевское правительство обращает внимание императорского правительства на присутствие среди албанцев болгарских офицеров и считает желательным выступить с энергичными требованиями в адрес временного албанского правительства или отдать необходимые распоряжения европейским властям в Албании с тем, чтобы болгарские офицеры были немедленно удалены»¹².

23 сентября российский консул в Битоли — коллежский советник Н.В. Кохманский — телеграфировал на Певческий мост о новых успехах албанских отрядов: «Албанцы заняли город Дибру, покинутый сербскими властями. Сербские войска концентрируются и занимают доминирующие позиции, готовясь перейти в решительное наступление»¹³. На следующий день российский посланник в Белграде В.Н. Штрандтман сообщил, что «мобилизуется одна Моравская дивизия. Кроме нее к албанской границе выступили два полка мирного состава из Белграда и Крушеваца». А 25 сентября Кохманский дополнил картину: «Албанцы спустились по Дрину, остановившись перед Луковым. Местность Рекалар также занята ими. С запада замечены албанские банды, около двухсот человек, по хребту Ябланицы. Сербы насчитывают наступающих албанцев до двадцати тысяч, утверждают присутствие среди них австрийских офицеров и участие болгарских банд. Сербы готовятся к решительным действиям в Албании. Вновь назначенный командир будущей Битольской дивизии полковник Живанович примет командование»¹⁴.

В Македонии албанским вооруженным отрядам удалось занять, помимо Дебара и Струги, такие крупные города, как Охрид и Гостивар. Под ударами албанцев пали также Пешкопея и Жировица.

Как сообщал 23 сентября все тот же Кохманский, «большое число албанцев... заняли Пископи, в Дольной Дибре, вытеснив слабый сербский отряд, потерявший до двухсот человек. Спешно посылаются из разных центров войска; отсюда выступил батальон шестнадцатого полка с пулеметами. Ожидается серьезное столкновение при неблагоприятных для сербов условиях, ввиду полного переустройства управления на новых началах»¹⁵.

В сложившейся ситуации правительство Сербии призвало Международную разграничительную комиссию не спешить с отправкой «на место» «ввиду обнаруживающегося движения албанцев на южной границе, несомненно находящегося в связи с событиями в Дибре»¹⁶. Кроме того, от внимания сербов и российского консула в Битоли Кохманского не укрылось, что «в качестве драгомана австрийского делегата прибыл из Вены профессор албанского языка, албанский агитатор Покмез. Сербы сообщают нам, что под видом кавасов отправляются влиятельные беи»¹⁷.

Неспокойно было и на границах Черногории. 20 сентября — в день нападения албанских отрядов на Сербию — российский послан-

ник в Цетинье А.А. Гирс с тревогой сообщал в МИД о нижеследующем: «Судя по доходящим в миссию отрывочным сведениям, слух о постановленном на Лондонском совещании решении присоединить к Черногории пограничные малиссорские области Хоти и Груда вызвал среди населения этих областей некоторое брожение, выразившееся как в представленных им чрез свое духовенство петициях начальнику европейского оккупационного отряда в Скутари (Шкодер. — П.И.), так и в обычных для этих местностей приемах, а именно — в отдельных убийствах и грабежах.

Как я уже имел честь сообщить по телеграфу, черногорское правительство обратилось к здешним представителям держав с нотой, в которой ходатайствует о принятии соответствующих мер к прекращению создавшегося положения. Не исключена возможность, что, не дожидаясь принятия таковых мер со стороны европейских держав, черногорцы предпримут карательную экспедицию против племен хоти и груда.

Некоторым в этом отношении симптомом является производимая ныне мобилизация для сформирования 3000 отряда (по 60 человек из каждого черногорского батальона), который должен собраться в Подгорице 11 сентября (24 сентября по новому стилю. — П.И.). Впрочем, по официальной версии отряд предназначается для усиления гарнизонов в занимаемых черногорцами частях Санджака и, в особенности, в Дьяковице.

Что касается положения дел вообще в Албании, то и тут, помимо сложной работы по организации управления страной, предстоят немалые затруднения ввиду растущего антагонизма между принадлежащими к различным исповеданиям отдельными группами населения. Так, в г. Скутари и в других албанских городах замечается некоторое проявление вражды между католиками с одной стороны и православными и частью мусульман с другой.

За последнее время в императорскую миссию изредка поступали петиции от различных албанских общин. Петиции эти были отклонены с указанием, что со всеми подобного рода ходатайствами надлежит в настоящее время обращаться к европейским властям г. Скутари, а затем к представителям держав, которые будут в свое время назначены в Албанию, в том числе и к русскому.

Я имел тем более оснований относиться с осторожностью к этим ходатайствам, что, по многим признакам, они внушаются не истинными нуждами просителей, а подсказываются последними агентами заинтересованных европейских и балканских государств.

Создавшееся в Албании положение уже и теперь дает основание заключить, что державам и, в особенности, ближайшим образом заинтересованным из них, то есть Австрии и Италии, придется приложить немало усилий к установлению порядка и спокойствия в создаваемом новом государстве.

При этом, поскольку я могу судить по доходящим до меня сведениям из Скутари и других албанских центров, а равно и из бесед с моими австрийским и итальянским коллегами, соперничество между этими двумя государствами на почве албанских дел, пока еще несколько сдерживаемое, должно в ближайшем будущем проявиться с большею силою, что, по крайнему моему разумению, может до изве-

стной степени облегчить нашу собственную задачу в албанском вопросе, освободив нас от необходимости активного вмешательства в связанные с ним дела, последствия которого, при заинтересованности в них черногорцев и сербов, точному учету пока не поддаются.

В последнюю минуту перед отправлением курьера я получил доставленную вице-консульством в Скутари циркулярную телеграмму, с которой нотабли г. Дураццо (Дуррес. — П.И.) обратились к английскому адмиралу и к консулам всех держав. В телеграмме выражается ходатайство о перенесении резиденции правительства из Валоны (Влера. — П.И.) в Дураццо, об образовании нового кабинета, а также о скорейшем избрании князя и организации управления страной»¹⁸.

В тот же день Гирс послал в Санкт-Петербург еще более тревожную телеграмму — правда, речь в ней шла в основном о кадровых вопросах. Он «покорнейше» просил известить, «когда следует ожидать прибытия сюда Петряева. Развертывающиеся в Албании события требуют уже ныне пребывания в ней нашего представителя опытного и облеченного нужным авторитетом. Следить с успехом за ними отсюда миссия не имеет возможности»¹⁹.

После занятия Дебара албанские отряды продолжили продвижение вглубь Сербии. 29 сентября в Люме произошло ожесточенное сражение передовых сербских постов 10-го полка с албанскими отрядами, в ходе которого сербы потеряли более 20 солдат и были вынуждены отойти к Бицану, а вслед за этим — к Люмской-Куле, так как отряды дебарско-малиссийских албанцев обошли сербские части с фланга в районе Топояна и создали реальную угрозу их окружения. При этом, как сообщал российский вице-консул в Призрене Емельянов, «арнауты дьяковской малиссии пока спокойны; предводители их полковники Риза-бей и Байрам-Цура просят сербов о скорейшем проведении границы, что, будто бы, положит конец массовым нападениям албанцев на сербов».

Тем временем продвижение албанцев вглубь Сербии продолжилось. 1 октября, пройдя Топоян, они напали на роту сербов около Враничи, которой пришлось отступить с боем. Из Призрена в направлении Враничей было спешно отправлены три роты 18-го полка, а из Люмской-Кулы — три роты 10-го полка сербской армии. А 3 октября телеграф принес от находившегося в Призрене Емельянова еще более пугающее сообщение: «Восстали момляне и хасняне. Все усилия албанцев направлены к захвату с. Журы, где находится полевая батарея и пехота, защищающие подступ к Призрену. Артиллерийская стрельба не прекращается все время. В случае захвата с. Журы Призрену грозит серьезная опасность. Войск для защиты города недостаточно».

В Вене сообщения о военных успехах албанцев вызвали неподдельную радость. Местная пресса восхваляла героизм албанских отрядов и требовала пересмотреть выработанную в Лондоне пограничную линию в соответствии с изменившейся военной ситуацией. Австро-венгерские дипломаты настаивали на том, что никакого вторжения извне не было, вооруженное выступление против сербских властей вспыхнуло в границах Сербии, и уже потом было поддержано албанцами с территории собственно Албании²⁰.

Воодушевленный подобной поддержкой Исмаил Кемали потребовал исключить занятые албанцами земли из состава Сербского ко-

ролевства и даже предложил провести по этому вопросу референдум среди населения приграничных районов. В качестве гарантов его законности и демократичности он предложил использовать самих вооруженных албанцев.

Однако плебисциту на штыках не суждено было осуществиться. В начале октября две сербские дивизии выступили из Скопье. Они остановили албанские отряды у села Маврово и вытеснили их за пределы Королевства. Вслед за этим сербские войска пересекли «лондонскую» сербо-албанскую границу в целях их преследования ²¹.

Тем не менее, потери сербской армии оказались значительными, вследствие высокой технической оснащенности албанских отрядов, имевших на своем вооружении артиллерию и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь, Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями зашифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе) через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны ²². Одновременно на сербское правительство произвело весьма благожелательное впечатление доверительно сообщенное маркизом А. ди Сан-Джулиано сербскому поверенному в делах в Риме пожелание его правительства, чтобы Сербия обнародовала заявление об отсутствии у Королевства каких-либо агрессивных намерений в отношении Албании. По мнению итальянского министра иностранных дел, подобное заявление, с одной стороны, предоставило бы великим державам возможность успокаивающим образом воздействовать на правительство Австро-Венгрии, а с другой — облегчило бы для самой Сербии занятие тех районов Албании, которые она считает жизненно важными для обеспечения безопасности своей границы. Сербское правительство последовало данному совету, и 2 октября 1913 г. было опубликовано его заявление ²³.

Разгромив вторгшиеся на территорию Сербии албанские отряды, королевское правительство распорядилось о закрытии для албанцев рынков в приграничных сербских городах — в первую очередь, в Дебаре и Джяковице. Как сообщал из Белграда Штрандтман, сербское правительство «считает эту меру необходимой не только для действий против албанцев, но и ввиду брожения среди сербских мусульман» ²⁴. По словам военного министра М. Божановича, имевшего встречу со Штрандтманом, обстановка в районе боевых действий сложилась весьма серьезная, и она может потребовать новой крупномас-

штабной экспедиции в Северную Албанию. Он, также как и ранее Спалайкович, выразил уверенность в том, что Австро-Венгрия выдержится от каких-либо враждебных в отношении Сербии шагов, так же как и ослабленная недавней войной Болгария. Одновременно министр иностранных дел Сербии попросил Штрандтмана довести до сведения российского внешнеполитического ведомства, «что Моравская дивизия, двинутая против албанцев, по мере возможности не переступит линии Черного Дрина. Остальные мобилизованные войска предназначаются для охраны порядка в стране»²⁵.

Озабоченный сложившейся ситуацией, а также судьбой оказавшегося под угрозой сербского займа министр финансов Сербии Л. Пачу, временно исполнявший обязанности председателя Совета министров, призвал находившегося в отпуске Пашича немедленно вернуться к исполнению своих обязанностей в надежде, что он найдет выход из создавшегося положения и сумеет избежать нежелательных в данный момент политических осложнений²⁶.

Однако антисербская кампания, инициированная державами Тройственного союза, уже набирала обороты. 3 октября российский поверенный в делах в Берлине Броневский телеграфировал: «Из разговора с Яговым по поводу албанских дел узнал, между прочим, что германский посланник в Белграде сделал там в дружественной форме аналогичное с австрийским и итальянским представителями заявление о необходимости для Сербии не сходить с почвы Лондонских постановлений. В том же смысле высказался он и здешнему сербскому поверенному в делах, уехавшему ныне на несколько дней в Белград».

В тот же день наметилась определенная ясность и в перспективах деятельности Международной разграничительной комиссии. Ее председатель, российский военный агент в Черногории, генерал-майор Н.М. Потапов сообщил в Цетинье, что «на основании доклада топографов и по обсуждению общего положения дел на месте комиссия постановила испросить одобрения правительств на решение ее начать работы от Охриды». В связи с этим, все делегаты направили в свои страны идентичные телеграммы следующего содержания: «Комиссия, изучив вопрос о пункте, с которого она начнет свои работы, большинством голосов предлагает выбрать таковым южную часть границы Охридского озера. Она решила, что каждый из делегатов телеграфирует своему правительству и испросит, не имеется ли возражений против этого проекта с точки зрения политической ситуации. Комиссия будет готова покинуть Скутари к 10 октября (по старому стилю. — П.И.). В случае принятия ее проекта комиссия просит известить Сербское правительство и заинтересованные власти».

Говоря об австрийском, итальянском и болгарском факторах в обострении обстановки на сербо-албанской границе, следует упомянуть и о факторе греческом. В секретной телеграмме от 25 сентября 1913 г., посвященной данному вопросу, российский поверенный в делах в Белграде Штрандтман писал:

«Сербский поверенный в делах в Афинах сообщает, что Венизелос (глава греческого правительства. — П.И.) весьма озабочен ходом переговоров с Турцией об островах, известиями о мобилизации в Малой Азии и выговоренным себе Турцией правом оккупировать еще в течение двух месяцев отходящие к Болгарии территории, чтобы иметь

непосредственный доступ к греческой границе. Объявленная в Греции приостановка демобилизации вызвала сильное неудовольствие населения. Венизелос поэтому обращает внимание сербского правительства на желательность соблюдения осторожности в албанском деле, но с своей стороны принимает меры к отпору албанцев в случае их движения на юг и разрешил перевозку сербских войск по железной дороге через Салоники на Битоли»²⁷.

С другой стороны, в беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся в Вене 4 октября 1913 г., Пашич следующим образом недвусмысленно резюмировал позицию своего правительства в отношении событий на сербо-албанской границе: «Во всяком случае, стратегические пункты мы займем, а там увидим»²⁸. Характерным проявлением подобного подхода явилось открытие, правда, без прямого указания самого Пашича, на албанской территории вблизи Охридского озера, сербского таможенного поста²⁹.

Помимо негативной реакции в правительственных кругах великих держав, в первую очередь, в Австро-Венгрии, резкое обострение ситуации на сербо-албанской границе вызвало новую волну критики в адрес Сербии на страницах европейской, прежде всего, австро-венгерской и германской, печати. По словам центрального органа австрийской Христианско-социальной партии газеты «Райхспост», «порядки на сербо-албанской границе царят возмутительные, если великие державы не заступятся заблаговременно за неприкосновенность Албанского государства, то кровопролитие примет угрожающие размеры. Ведь нельзя же признать уничтожение албанцев сербами за нормальный порядок в Албании»³⁰. А газета «Дойче тагесцайтунг» полагала, что обострение сербо-албанских отношений могло повлечь за собой серьезное обострение всего комплекса международных отношений в Европе, в силу того, что балканские государства, по ее словам, весьма неохотно очищают «временно оккупированные ими территории»³¹.

Через несколько дней в номере от 27 сентября 1913 г. газеты «Райхспост», которая еще раз привлекла внимание своих читателей к проблеме сербо-албанских отношений, подчеркивалось, что «во вновь завоеванных сербами областях господствует небывалое и возмутительное отношение к католическому населению»³². По мнению газеты, которое имело достаточно широкое распространение в общественно-политических кругах Австро-Венгрии, сербское правительство стремилось заключить соглашение с Ватиканом исключительно в целях борьбы с австро-венгерским покровительством по отношению к католическому населению присоединенных к Королевству областей³³.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе, в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия из соседней Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находившихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии, которое предупреждалось о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждалось к восстанию в случае появления болгарских войск на территории Сербии. В результате, сербское правительство было вынуждено, предвидя мас-

совые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу, еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75 тыс. чел. с соответствующими артиллерийскими частями ³⁴.

В это же время значительно усилились антисербские настроения в Турции, на что сербскому поверенному в делах в Берлине указал германский имперский канцлер Т. Бетман-Гольвег, еще раз настоятельно посоветовавший Белграду не вмешиваться в албанские дела ³⁵.

В самой Сербии, в связи с вышеуказанными событиями, общественное мнение и политические круги пришли в сильное возбуждение и призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев, что привело к возникновению серьезного внутриполитического кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время выделить необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника воеводы Путника генерала Ж. Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км ³⁶. Король Петр издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоявшего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость ³⁷.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоявшие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, создать судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой, — и этот взгляд превалировал — среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании и, что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы» ³⁸.

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывала энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вы-

нуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в этой стране, что Австро-Венгрия ищет удобный повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям ³⁹.

Европа была не просто шокирована непрекращающимся кровопролитием на Балканах, только-только переживших две разрушительные войны. Сами европейские дипломаты уже слишком устали от многомесячных дискуссий вокруг принципов сербо-албанского разграничения и не были намерены вновь погружаться в эту проблему. Пройдет несколько месяцев, и британский министр иностранных дел Э.Грей 4 июня 1914 г. заявит своему посланнику в Риме, что Сербии нечего искать в Албании — по крайней мере «до тех пор, пока уважается граница Албании, установленная международным решением» ⁴⁰. Сербо-албанский конфликт миновал свою острую фазу, правда, ненадолго...

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

1. Документи о спољној политици Краљевине Србије. К. VI. Св. 3. Београд. 1984, с. 306.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2091, л. 20—21.
3. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903—1914. К. VI. Св. 3. Београд. 1986, с. 347, 351, 359, 378, 379, 406, 418.
4. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 254; д. 531, л. 346, 348.
5. Документи..., к. VI, св. 3, с. 537. К. VII. Св. 1. Београд. 1986, с. 191—192, 335—336, 478.
6. БАТАКОВИН Д. Есад-паша Топтани и Србија 1915 године. In: Србија 1915 године. Београд. 1986, с. 305.
7. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 3341, л. 370; ф. Канцелярия. 1913, оп. 470, д. 113, л. 370, 371.
8. Документи..., к. VI, св. 3, с. 356.
9. Ibidem.
10. Ibidem.
11. Ibidem.
12. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2091, л. 31.
13. Там же, л. 35.
14. Там же, л. 45.
15. Там же, л. 34.
16. Там же, л. 50.
17. Там же.
18. Там же, л. 23.
19. Там же, л. 24.
20. Документи..., к. VI, св. 3, с. 407—409.
21. ХРАБАК Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање. 1988, с. 52—64.

22. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 113, л. 386.
23. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 168—170; д. 531, л. 367.
24. Там же, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 113, л. 371.
25. Там же, л. 378.
26. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 167. Заключенный правительством Сербии с консорциумом французских банков контракт на пятипроцентный заем в 250 млн франков сроком на 50 лет был подписан 8 сентября 1913 года.
Согласно данному документу, размер немедленного аванса составил 20 млн франков, причем 8 млн должны были быть выплачены уже 9 сентября. С сербской стороны заем был гарантирован доходами сербских государственных монополий, дававших в течение предыдущих лет до 13 700 000 франков чистого свободного остатка, который и должен был послужить основой для покрытия годовых взносов по заключенному займу, предусмотренных в размере 12 500 000 франков по процентам и 1 200 000 франков по платежам (там же, л. 153). Однако сам процесс котировки займа затянулся до начала 1914 г., в первую очередь, вследствие осложнения внешнеполитического положения Сербии из-за ее политики в албанском вопросе. Там же, д. 531, л. 467.
27. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 113, л. 373.
28. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 2907, л. 4.
29. Там же, д. 531, л. 360, 369.
30. Reichspost. 24.IX.1913.
31. Deutsche Tageszeitung. 24.IX.1913.
32. Reichspost. 27.IX.1913.
33. Ibidem.
34. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 170; д. 531, л. 349.
35. Там же, д. 531, л. 362.
36. Там же, д. 530, л. 171, 180а.
37. Там же, л. 163.
38. Там же, д. 531, л. 350.
39. Там же, л. 352.
40. Цит. по: ЕКМЕЧИН М. Ратни циљеви Србије 1914. Београд. 1973, с. 31.

Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в.

Н.А. Жерлицына

Аннотация. В работе исследуются причины формирования российской позиции по отношению к французским колониальным захватам в Северной Африке в XIX — начале XX века. Последовательное рассмотрение истоков, хода и последствий французского проникновения в Алжир, Тунис и Марокко позволяет определить значение этого региона в европейской политике в указанный период. Российский политический интерес к странам Магриба был связан с ожесточенной борьбой европейских держав, прежде всего Франции, Великобритании и Германии, за укрепление там своего влияния, а также Турции за сохранение сюзеренитета над варварийскими провинциями. Россия, не имея никаких притязаний на Магриб, тем не менее, вынуждена была корректировать свою политику с учетом колониального фактора, который имел ощутимые последствия для всей системы международных отношений. основополагающим моментом в определении российских политических позиций по колониальным захватам Франции в Магрибе являлся общеевропейский фактор, борьба держав в рамках Восточного вопроса. Помимо анализа официальной позиции правительства Российской империи по данному вопросу в публикации рассматривается реакция российского общественного мнения на события в Магрибе. Работа базируется на архивных источниках — документах АВПРИ и публикации архивной российской прессы XIX в.

Ключевые слова: французский колониализм, Российская империя, Алжир, Тунис, Марокко, Восточный вопрос, соперничество великих держав, российско-французский союз.

Abstract. In the work the reasons of formation of the Russian position in relation to the French colonial conquests in North Africa in XIX — the beginning of the 20th centuries are investigated. Consecutive consideration of sources, the course and consequences of the French penetration into Algeria, Tunisia and Morocco allows to define value of this region in the European policy during the specified period. The Russian political interest in the countries of the Maghreb has been connected with fierce fight of the European powers, first of all France, Great Britain and Germany for strengthening of the influence, and also Turkey for preservation of domination over Barbarian provinces. Russia, without having any claims to the Maghreb, nevertheless, has been forced to correct the policy taking into account a colonial factor which had notable consequences for all system of the international relations. The fundamental moment in definition of the Russian political positions on colonial conquests of France in the Maghreb was the all-European factor, fight of powers within the «Eastern Question». Besides the analysis of an official position of the government of the Russian Empire on the matter, in article reaction of the Russian public opinion to events in the Maghreb is considered. Work is based on archival sources — documents of the Archive of foreign policy of the Russian Empire and publications of the Russian press of the 19th century.

Key words: French colonialism, Russian Empire, Algeria, Tunisia, Morocco, East question, rivalry of great powers, Russian-French union.

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, доцент РУДН. E-mail: ns_inafr@mail.ru.

Zherlitsina Nataliya A. — PhD, candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, associate professor of the PFUR. E-mail: ns_inafr@mail.ru.

Основы двусторонних отношений России со странами Северной Африки были заложены в Екатерининскую эпоху. Победы русского оружия в войнах с Турцией обеспечили империю правом свободного плавания по Черному морю, выходом в Средиземное, а оттуда через Гибралтарский пролив — в Атлантический океан. В экономическом плане это означало многократное расширение международной торговли страны. Уже с конца XVIII в. Россия, не имея никаких притязаний на Магриб — удаленную от границ России область мусульманского мира — как великая держава, неизменно стремилась к обеспечению мира и стабильности в данном регионе, устанавливая и развивая добрые отношения с правителями и народами Северной Африки. Варварийские регентства — Алжир и Тунис — российское правительство рассматривало как формально принадлежащие Османской империи. Интерес к ним был связан с ожесточенной борьбой европейских держав, прежде всего Франции и Великобритании, за укрепление там своего влияния, а также Турции за сохранение сюзеренитета над варварийскими провинциями. Марокко, хотя и сохраняло независимость весь XIX в., но также было объектом соперничества европейских держав.

В XVIII в. одновременно шли три процесса: усиление России, вышедшей к границам с Османской империей, ослабление османов, вследствие внутреннего кризиса империи, и экспансия западных держав, под чью власть и переходили утраченные турками земли. Уже в начале XIX в. взаимоотношения Порты с рядом подвластных ей территорий становятся объектом международных отношений. Весь XIX в. российская внешняя политика была занята разрешением Восточного вопроса, как дипломатическими, так и военными методами. Хотя в течение этого времени отношение России к перспективе расчленения Османской империи неоднократно менялась, в основе российской политики лежало стремление не допустить чрезмерного укрепления какой-либо из великих держав в Средиземноморье, что могло пагубно сказаться на российских национальных интересах в этом регионе.

Вторжение французов в Алжир в 1830 г. положило начало широкой колонизации Африки и Азии. Франция воспользовалась тем, что Османская Порта была ослаблена вследствие русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Международная обстановка также благоприятствовала такому захвату. В большинстве европейских стран, за исключением Англии, возможное нападение армии Бурбонов на Алжир рассматривалось как своего рода новый крестовый поход. Испания и мелкие итальянские государства, в дополнение к этому, рассчитывали навсегда избавиться от угрозы пиратства и возрождения османской гегемонии в Средиземном море. Имела значение нейтральная позиция Австрии и России. Во Франции рассчитывали на быстрый захват Алжира, так как знали, что большинство его населения не поддерживает дея Хусейна, опиравшегося на штыки турецких янычар. 14 июня 1830 г. 37-тысячная французская армия высадилась в Сиди-Ферруше, небольшой бухте западнее г. Алжира «без каких-либо помех»¹. Слабое войско дея было дважды разбито: первый раз под Стауэли, где алжирцы потеряли 2500 чел. убитыми и ранеными, и под Сиди-Халефом. Столица регентства была взята уже через две недели после начала боевых действий. Но на этом успехи французов

закончились: все попытки продвинуться вглубь территории вызывали упорное сопротивление свободолюбивого населения. Борьба за независимость длилась около полувека, за это время власть французов неоднократно оказывалась на грани падения. Лишь огромная по тем временам стотысячная армия, тактика военного террора и запугивания населения поддерживали французское владычество.

Только через четыре года после начала оккупации, в 1834 г., правительство Османской Порты предприняло некоторые дипломатические шаги, направленные на возвращение Алжира в состав империи. При этом оно рассчитывало на поддержку Англии, России и Австрии, которые намеренно, но голословно, поддерживали надежды Порты. Турецкие послы в Париже и Лондоне обращались за советами к российскому и австрийскому послам. Турецкий посол в Лондоне Нури-эфенди спрашивал российского поверенного в делах К.О. Поццо-ди-Борго, что нужно делать, чтобы вернуть Алжир. Русский дипломат советовал вручить официальную ноту французскому правительству и убедить английское правительство оказать помощь. Порта выжидала, когда столкнутся интересы европейских держав и можно будет заставить Францию вернуть Алжир силами ее возможных противников. Но такой момент, как известно, не наступил. В 1847 г. в перечне вилайетов Османской империи впервые не был указан Алжир. Это означало, что султан отказался от прав на него. Захват Алжира вовлек Францию в запутанный клубок дипломатических интриг, в котором были замешаны интересы Англии, Турции и Египта. После четырехлетних колебаний Луи-Филипп решился все же окончательно «проглотить» Алжир, превратив его в 1834 г. в генерал-губернаторство с подчинением военному министру.

После захвата Алжира Францией в 1830 г. Российская империя в течение трех десятилетий воздерживалась от официального признания этого факта, предпочитая выжидать. В основе такой позиции российской дипломатии лежало стремление избежать нарушения баланса сил в Средиземноморье и опасение чрезмерного усиления позиций Франции в регионе. В Санкт-Петербурге внимательно отслеживали развитие ситуации в Алжире: донесения поступали из российского посольства в Париже. В одном из них временный поверенный в делах России во Франции А.И. Медем так характеризовал обстановку в новой французской колонии: «За девять лет, как длится завоевание, французы сумели утвердиться лишь на побережье, в таких пунктах, как Оран, Алжир, Бужи, Стора и Бон; внутри страны они занимают только Константину и Сетиф; но уже на небольшом расстоянии от городов страна находится во власти арабских племен»².

Скепсис официальных представителей российской дипломатии относительно прочности позиций Франции в Алжире вполне разделяло русское общественное мнение. Российские путешественники и публицисты отмечали, с какими трудностями продвигался процесс покорения арабской страны, и избыточную жестокость французских «цивилизаторов». Так, журнал «Отечественные записки» неоднократно обращался к теме колонизованной «Алжирии»: «в Африке колонисты должны бороться с климатом и вместе — с туземцами. Эмигранты не могут ни улучшить почву, ни покорить арабов»³. «Алжирия, которую Франция взялась колонизовать, а вместо того на самом

деле это не колония, а только военная стоянка... французы явились туземцам не как колонизаторы, но как завоеватели... Без всякого спора, главнейшее препятствие колонизации Алжирии заключается в военном ее управлении... Военное управление не ставит ни во что все, находящееся вне его круга, считает туземцев никуда негодную сволочью... Следствием этого военного деспотизма и сознания своего превосходства — дурное обращение французов с туземцами. Противная сторона платит также глухим нерасположением и даже иной раз ненавистью»⁴, «эта новая французская провинция приносит мало пользы французам... война с фанатическими племенами бедуинов и кабиллов стоила громадных жертв деньгами и людьми...»⁵ «После двадцати лет испытаний и пожертвований Алжирия дошла до того, что еле сводит концы с концами... Неужели для такого слабого приобретения Франция пожертвовала столько золота и крови?»⁶ Профессор Академии генштаба В.М. Аничков, лично побывавший в Алжире, также оценивал ситуацию в колонии как напряженную и неблагополучную: «В Алжире только ленивый не бьет араба... на лице каждого встречного кабила можно было прочесть затаенное, подавленное силою чувство мести... война будет длиться, пока колонию управляют генералы и маршалы»⁷. Аничков считал, что военное насилие в стране полностью лежит на совести французов, «ибо если война не составляет промысла кабиллов, то она есть ремесло правителей колонии»⁸. Еще более резко о политике Франции в Алжире высказывается корреспондент «Московских ведомостей» В. Горлов, побывавший в Алжире в 1881 г.: «...происходит усмирение или скорее истребление туземного населения, чтоб иметь возможность захватить их земли...»⁹

О том, что симпатии российского общественного мнения были на стороне алжирцев, свидетельствует и тот факт, что в российской публицистике XIX в. сложился положительный, уважительный образ Абд аль-Кадира, лидера антиколониальной борьбы алжирского народа. Впервые о нем написал журнал «Москвитянин» в 1841 г., отмечая его военный талант, храбрость и проницательность. Российский ученый Э.И. Эйхвальд в книге «Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г.» также высоко оценил воинские и человеческие качества «дерзкого предводителя арабов»¹⁰. Русский военный историк М.И. Богданович характеризовал Абд аль-Кадира как «необыкновенного человека, противостоявшего французам в течение более десяти лет и заставившего их действовать в Алжирии сотысячной армией... Обстоятельства благопрятствовали ему, а личные свойства его служили залогом успеха. Он соединял с приятной наружностью высокие душевные качества — великодушие, неустрашимость, бескорыстие, умеренность...»¹¹ Традиция сочувственного отношения к алжирскому сопротивлению колонизации прослеживается в большинстве российских публикаций того времени. Примечателен факт награждения Абд аль-Кадира российским орденом Белого орла в 1860 году. Так, российское правительство отметило не только непосредственную заслугу эмира — спасение восточных христиан от резни в Сирии, но и продемонстрировало симпатию по отношению к алжирскому народу.

Лишь после поражения в Крымской войне 1853—1856 гг. и в результате ухудшения политического положения страны среди «концерта наций» Российская империя вынуждена была пойти навстречу

Франции и признать де-факто оккупацию Алжира. В 1859 г. в Алжире было учреждено российское вице-консульство. Но неустойчивость и напряженность внутренней ситуации в колонии препятствовали развитию российско-алжирских отношений: французы всячески ограничивали контакты местного населения с внешним миром. Российское консульство в Алжире было закрыто в 1862 г. и возобновило работу лишь в 1884.

Покорение Алжира завершилось в целом при Наполеоне III. Французы продвинулись вглубь Сахары и усмирили восставшую Большую Кабилию — северный район Алжира. В 1848 г. метрополия провозгласила Алжир французской территорией, в 1870 г. объявила алжирских мусульман французскими «подданными», но не дала им политических прав. Быстрыми темпами развивалась европейская колонизация Алжира: в 1860 г. там проживало уже 200 тыс. французов. В сентябре 1860 г. император совершил путешествие по Алжиру. После поражения России в Крымской войне «восточные амбиции» Наполеона III еще более возрастали. Он всячески пытается представить себя другом и покровителем арабов. «Я, — говорил Наполеон III во время посещения Алжира, — император арабов точно так же, как и французов»¹².

«Наполеоновская идея превратить Средиземное море во “французское озеро” нашла свое выражение, помимо оккупации Алжира, в наших вмешательствах на Ближнем Востоке и в Тунисе», — заметил французский историк А. Бле¹³. Действительно, история Туниса в XIX в. в значительной степени определялась внешними факторами. Уже в первые годы XIX в. регентство стало подвергаться систематическому давлению со стороны европейских стран, которым независимый курс тунисского бея мешал развивать собственную торговлю и проводить экспансионистскую политику в Магрибе. Закрепление Франции на западной границе Туниса побудило французское правительство более внимательно следить за происходящим в регентстве, ведь любое потрясение в соседней стране отражалось и на их новой колонии. Франция делала все возможное для роста своего влияния в Тунисе и для ослабления его связей с Турцией, «ибо она наверно знала, что оппозиция Порте заставит Тунис отдаться в руки французской политики»¹⁴. Этой политике более других держав противодействовала Англия, озабоченная сохранением паритета сил в районе Средиземноморья.

Взятие Алжира «произвело настоящую сенсацию и стало причиной глубочайшей озабоченности всех мусульман Туниса, включая членов правительства»¹⁵. Их озабоченность получила реальное обоснование, когда 8 августа 1830 г. из Алжира в Тунис прибыла французская эскадра, и бей был поставлен перед необходимостью подписания нового договора с Францией. Этот договор имел определяющее значение для дальнейшей истории Туниса. В первой его статье говорилось об окончательном уничтожении пиратства. Во второй — запрещалось обращать в рабство христиан. Статьи 4 и 5 навязывали Тунису изменение экономической политики в сторону ее интернационализации. Все монополии, введенные тунисским правительством на продовольственные товары, упразднились, декларировалась полная свобода торговли. Франция объявлялась привилегированным партнером бейского правительства, на которого распространялись всевоз-

возможные льготы и преимущества. Все эти льготы должны были предоставляться французским подданным всего лишь по запросу французского консула в Тунисе. Внештатный российский консул в Тунисе С. Ниссен так характеризовал укрепление Франции в регентстве в 1830-х гг.: «Влияние, которое Франция приобретает в Тунисе, заставляет внимательно следить за проникновением сюда французских агентов. Такими средствами французы скоро подчинят себе все провинции, которые еще не захвачены ими при помощи оружия»¹⁶. Договор 1830 г. был первым в серии неравноправных договоров, приведших к установлению колониального правления в 1881 году. Его непосредственными результатами стали ограничение автономии власти бея, уничтожение государственной монополии, открытие внутреннего рынка для иностранного проникновения.

За ростом французской активности в Тунисе ревниво следили Турция и Англия. Порта старалась избежать тех ошибок, которые она допустила в свое время в отношении Алжира. Она постоянно подчеркивала верховное право султана на эту провинцию. После того как в 1835 г. турки оккупировали Триполи, они намеревались вернуть под свой сюзеренитет и Тунис. Султан направил флот в тунисские воды, но Франция также послала свою эскадру, чтобы «защитить» бея. По сообщению консула Ниссена на имя российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева, эта эскадра состояла из четырех линкоров, двух корветов и одного бригаа под командованием адмирала барона Югона¹⁷. В январе 1836 г. французы объявили Порте, «что любые ее шаги, направленные на установление ее доминирования в Тунисе, натолкнутся на сопротивление с нашей стороны»¹⁸.

В 1837 г., едва турецкий флот покинул тунисские воды, Франция под предлогом пограничных споров предприняла попытку вторжения в Тунис. Но вскоре под давлением Англии ее войска были вынуждены очистить тунисскую территорию. Англия, довольно легко примирившаяся с французской оккупацией Алжира, в Тунисе оказывала серьезное противодействие французским планам. Это объяснялось, прежде всего, стратегическим расположением Туниса в наиболее узкой части средиземноморского бассейна. Англичане энергично укреплялись здесь, захватили о. Мальту и не хотели допустить, чтобы в этом районе были созданы французские базы.

Испытывая сильное внешнее давление, бей Туниса был вынужден «искать спасения в соревновании держав»¹⁹. Благодаря этой тактике тунисским правителям удалось выиграть несколько битв: Ахмад бей парировал британское давление, оказанное на него в 1838 г., с целью заставить признать торговую конвенцию, заключенную между Великобританией и Османской империей. Он избежал проведения реформ танзимата в Тунисе, на чем настаивала Порта. А французское правительство так и не дождалось от него разграничения соседних с Алжиром территорий. И хотя правительство Туниса осознавало риск такого балансирования между Францией и Османской империей, никакой лучшей альтернативы не было. Тунис мог бы обратиться к поддержке Великобритании, как могущественному противовесу Франции, но Англия предпочитала защищать права Османской империи на Тунис, считая такую политику наиболее эффективной в борьбе с Францией. Другие же европейские страны или были недо-

статочны влиятельны, или же не имели прямой заинтересованности в выживании хусейнидского Туниса, как, например, Россия.

С 1803 г. российские послы при Высокой Порте получали регулярные донесения от семейства голландских консулов в Тунисе Ниссенов, которые представляли в Тунисе интересы российских подданных. В 1867 г. Генрих Ниссен был назначен нештатным консулом России в Тунисе. Официальные консульские отношения между Российской империей и регентством Тунис были установлены 19 декабря 1869 года.

В 1870-х гг. в европейское соперничество в Тунисе вступила и Италия: «Внимательно наблюдая за тактикой, которой сегодня следуют Представители Франции и Италии в своих отношениях с Правительством Его Высочества Бея Туниса, можно, не преувеличивая, сказать, что между Правительствами этих стран разгорается серьезная борьба за сферы политических и экономических интересов в этой стране». Но «пробуждение Правительства Италии явно запоздало, если учесть, что уже долгое время Франция преобладает во всех сферах деловой жизни этой страны»²⁰. Раздражающим моментом во франко-итальянском соперничестве в этот период стало строительство французами железнодорожной ветки, связывающей Тунис с Алжиром. Французское консульство с 1876 г. «убеждало» бея согласиться на этот проект, и в 1878 г. он начал воплощаться в жизнь. Консул Ниссен сообщал Гирсу: «Строительство железной дороги, которая в скором времени соединит Тунис с границей Алжира, стало, так сказать, последним ударом для других держав, которые стремились к захвату этого Регентства»²¹.

Напряжение взаимного соперничества европейских держав в Тунисе побудило российского консула обратиться к послу Н.П. Игнатьеву за инструкцией по курсу, которому ему надлежит придерживаться в таких условиях. Ответ Игнатьева от 2 июня 1876 г. состоял в следующем: «Единственная линия поведения, которой я порекомендую Вам придерживаться в этом вопросе — это старательное воздержание от всех демаршей, которые могут поставить нас в щекотливое положение по отношению к Правительству Его Высочества. У России нет прямых интересов в Тунисе и нет никакого желания принимать участие в борьбе враждебных влияний в этой стране»²².

Захват Туниса Францией в 1881 г. имел ощутимые последствия для всей системы международных отношений, затронув интересы и тех держав, которые не принимали участия в разделе африканского континента. К последним относилась и Россия, оказавшаяся перед угрозой значительного усиления противостоявшего ей блока европейских держав — превращения двойственного германо-австрийского союза в тройственный германо-австро-итальянский.

В борьбе за Тунис скрестились интересы Франции и Италии, большое влияние на исход их соперничества оказала позиция Германии и Англии. Непосредственно заинтересованной стороной была также Турция — формальный сюзерен Тунисского регентства. Захват Египта был той ценой, которую установила английская дипломатия за молчаливое содействие французской интервенции в Тунисе.

Как писал парижский корреспондент русской газеты «Голос», «генерал Бреар навязал договор бею, пристав с ножом к горлу». Другой

российский журнал «Дело» оценил произошедшее сходным образом: «туниССкого властелина взяли таки-сказать за горло и заставили под-писать под видом договора о союзе трактат о порабощении»²³. Бардоский договор состоял из 10 статей. В соответствии с ним, между Францией и Тунисом устанавливался «союз», бей давал свое согласие на оккупацию территории страны французскими войскам.

С французской точки зрения, режим, установленный в Тунисе в соответствии с Бардоским договором, был более простым и выгодным по сравнению с аннексией, как это было в Алжире. Он имел несколько преимуществ: сохранил за беем видимость власти, что успокаивало великие державы, желавшие поддержания статус-кво в регионе. Он облегчал принятие внутри страны нового порядка вещей местным населением, что, в свою очередь, помогло избежать военных расходов. Глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери сказал по этому поводу: «Режим протектората в Тунисе позволил нам сэкономить на религиозной войне»²⁴.

Реакцию России на захват французами Туниса можно охарактеризовать как стремление уклониться от какого-либо вмешательства, чтобы не осложнять отношения с Францией — возможным союзником против австро-германского блока. Первые обращения Порты к России носили характер дипломатического зондажа. В апреле 1881 г. премьер-министр Турции Саид-паша и министр иностранных дел Ассим-паша в беседах с русским послом в Константинополе Новиковым просили его донести до российского правительства позицию Порты в туниССком вопросе. На что посол отвечал, что «Тунис слишком удален от нас и может представлять для нас только второстепенный интерес». Турецкие министры ответили на это: «Тунис находится далеко от вас, но Турция все-таки ваш сосед»²⁵. Похожий ответ получил и турецкий посол в Петербурге Шакир-паша в беседе с управляющим МИД Гирсом, посоветовавшим турецкому правительству «не вступать в серьезную распрю с Францией». В депеше министра иностранных дел Порты Ассим-паши, направленной 12 июня 1881 г. послу этой страны Шакир-паше в Петербург, говорилось: «Я даю вам распоряжение представить эту информацию серьезному и благожелательному вниманию Его Превосходительства Министра Иностранных Дел России. Прошу вас заявить Министру, что Высокая Порта настаивает на своих правах на Тунис более чем когда-либо, и не в коей мере не признает за навязанным Паше Туниса договором никакой силы и ценности»²⁶.

Посол в Константинополе Новиков докладывал в Петербург: «Со своей стороны Порты также озабочена происходящим в Тунисе, который она считает частью Османской империи. Особое значение для Султана имеет тот факт, что туниССы являются мусульманами, и он в своем качестве Халифа правоверных скорее склонен уступить иностранной державе греков в Фессалии, чем мусульман в Африке». «ТуниССкий вопрос сильно беспокоит Султана не только как главу государства и Халифа, но и по причине распространения среди арабского населения Империи сепаратистских тенденций. Если он поступится Тунисом, связи Турции с арабским миром ослабнут еще больше»²⁷. В донесении в Петербург от 19 апреля посол Новиков сообщал о реакции правящих кругов Турции на происходящее в Тунисе. Османская

Порта намеревалась заявить Франции формальный протест. «А дальше? — спрашивали иностранные представители министра иностранных дел Порты, — а дальше, — ответил Ассим-Паша, — что мы можем сделать одни, если великие державы нас не поддерживают?»²⁸ Российский журнал «Отечественные записки» в майском номере за 1881 г. сообщал, что «желание Турции послать если не броненосцы в Тунис, то, по крайней мере, вспомогательные войска в Триполи, были пресечены в корне энергичным образом действий французским посланником в Константинополе Тиссо, объявившим, что он отнесется к этому, как к объявлению войны»²⁹.

25 апреля 1881 г. Гирс направил послу России в Константинополе Новикову депешу, излагавшую официальную позицию России по поводу французских действий в Тунисе: «К нам обратился Бей Туниса по поводу конфликта с Францией. Мы воздержались от ответа на это обращение. Германия и Австро-Венгрия поступили подобным образом. Я ответил Шакир Паше, что Тунис находится слишком далеко от нас и мы не имеем там национальных интересов. Для России представляется невозможным предпринимать какие-либо действия в этом отношении»³⁰.

Уже 16 июня 1881 г. Гирс направил российскому консулу в Тунисе Ниссену указания по работе в новых условиях — условиях французского управления. «Министр Иностранных Дел был проинформирован, что некоторые из держав, а именно Германия и Австро-Венгрия, уже ответили положительно на циркуляр Министра-Резидента Франции в Тунисе, в котором он призывает иностранных представителей в этой стране вступить с ним в официальные отношения. Мы считаем должным разрешить Вам действовать так же, если только у большинства Ваших коллег не возникнет с этим никаких проблем»³¹. То есть Россия признала факт перехода Туниса под управление Франции и согласилась с ним.

По крайней мере трижды — 26 апреля, 5 мая и 15 июля — бей Туниса Мухаммед ас-Садок направлял канцлеру России А.М. Горчакову телеграммы, прося о посредничестве в урегулировании отношений с Францией: «Мы обращаемся с призывом к нашему мудрому союзнику, Его Величеству, а также ко всем великим державам, подписавшим Берлинский трактат, выступить посредниками между нами и Правительством Республики». Протесты тунисского бея были оставлены без ответа. Александр III начертал на этих документах: «Нам, я думаю, просто ничего не отвечать», «Нам решительно все равно». Горчаков оставил на телеграммах тунисского бея следующие резолюции: «Пускай берут хоть весь Тунис, какое нам дело!», «Попробовали бы мы сделать подобную штуку, как бы вся Европа восстала!», «Посмотрим, что намерены сделать прочие державы? Нас оно мало касается и интересуется. Страшно надоели они со своим Тунисом!»³²

Вряд ли следует понимать все эти слова буквально. Правительство России было обеспокоено, и это раздражение чувствуется в вышеприведенных резолюциях, влиянием тунисских событий на международную обстановку в Европе и понимало, что захват Туниса приведет к серьезным изменениям в расстановке сил на дипломатической сцене в пользу австро-германского блока. Реакция России объяснялась тем, что после Берлинского конгресса одной из приоритетных задач внешней политики России стало укрепление сотрудничества со странами

Европы, и, в первую очередь, с Францией. Российскую позицию в тунисском вопросе определял общеевропейский фактор, стремление координировать свои действия с позицией европейских партнеров.

В ряде донесений русских дипломатов из Парижа и Рима рассматривается вопрос о международных последствиях французского вторжения в Тунис. В депеше от 30 марта (11 апреля) 1881 г. посол Д.А. Капнист писал, что «это дело останется всегда зародышем враждебности между Францией и Италией, которая может со временем стать фактором большой важности в политической игре в Европе». «Князь Бисмарк, — писал Н.А. Орлов, — побуждая французов идти в Тунис, достиг очень важной цели. Франция отныне поссорена с Италией»³³. Повлиял захват Туниса и непосредственно на русско-французские отношения. Российскую дипломатию беспокоило то, что крупные силы французской армии надолго останутся в Магрибе и «никакая держава не сможет в течение длительного времени рассчитывать на ее практическую поддержку»³⁴. Русский военный атташе в Париже полковник Л.А. Фредерикс указывал в донесениях, что к концу октября 1881 г. общая численность французских войск в Алжире и Тунисе составляла 123 тыс. чел., то есть более четверти всех вооруженных сил Франции, и делал вывод о значительном ослаблении военных позиций Франции в Европе.

Если само российское правительство по дипломатическим соображениям избегало открыто выражать свою обеспокоенность, то оно не препятствовало это делать российской печати, как правого, так и левого толка. Все крупные общественно-политические газеты России остро реагировали на происшедшее в Северной Африке. Тунисские события освящались в передовых статьях и международных обзорах, сообщениях заграничных корреспондентов, обзорах иностранной печати. Были опубликованы изложения и полные тексты дипломатических документов, информация о ходе военных действий и о полемике в парламентах и общественных кругах европейских стран по данной теме. Как писала газета «Порядок», «до Туниса есть дело французам, до Франции есть дело Западной Европе, а до Западной Европы есть дело и нам, русским». Отношение российской прессы и общественного мнения к французской агрессии в Тунисе было недружелюбным. Журнал «Дело» выразил общественное разочарование этими событиями: «Мы сожалеем о возвращении к политике завоеваний, в несколько дней померк нравственный престиж республики»³⁵. Мотивы критической оценки завоевательной политики Франции лежали в области международной политики. Газета «Русские ведомости» отметила, что «тунисским вопросом затрагивается вопрос о преобладании на Средиземном море, а тем самым и существеннейшие интересы почти всех европейских держав». Перспектива присоединения Италии к австро-германскому союзу и усиления германского влияния в Турции, обострение франко-итальянских и франко-турецких противоречий не могли не вызывать беспокойства в Петербурге. Захват Туниса был также прологом к установлению господства Великобритании над Египтом и Суэцким каналом, что напрямую затрагивало российские интересы в восточном Средиземноморье.

В 1881 г. в Северной Африке побывал корреспондент «Московских ведомостей» В.А. Горлов, который не мог не написать о происхо-

дивших в Тунисе событиях. Особенное его внимание привлекло восстание в Алжире и сопротивление в Тунисе французскому захвату. Горлов осуждал французскую агрессию: «Что бы ни говорили французы, единственная вина арабов состоит в том, что они борются за свое отечество». «Мне, которому пришлось видеть окровавленные головы, прибитые французами к воротам Туниса, и пришлось беседовать интимно с высшими командирами французских отрядов — мне хорошо известно, что следует подразумевать под словами гуманность и великодушные войны, ведомых Францией»³⁶.

После захвата Алжира и Туниса подчинение Марокко стало очередной целью Франции. Позиция России играла заметную роль в развитии и итогах марокканских кризисов. Договоры держав относительно Марокко были вплетены в сложную цепь международных отношений конца XIX — начала XX в.: «Соперничество держав в Марокко заметно усиливается, перейдя в область политических комбинаций общего свойства, и получает совершенно исключительное значение как ввиду оживившегося восточного вопроса, так и колониальной африканской политики европейских государств»³⁷. «Вопросы о предстоящих судьбах шерифского государства в течение двух последних лет (1904 и 1905 гг. — Н.Ж.) занимали всеобщее внимание, и правительства заинтересованных держав постоянно держали в курсе дела общественное мнение Европы» — так оценивали в российском дипломатическом ведомстве накалявшуюся в начале XIX в. ситуацию вокруг Марокко»³⁸.

В Марокко столкнулись интересы по крайней мере четырех европейских держав. Испания претендовала в первую очередь на средиземноморскую полосу. Франция, создавшая обширную колониальную империю в Северо-Западной Африке, окружила Марокко кольцом своих владений с юга и востока. Великобритания имела значительные интересы в Марокко, как экономические, так и политические. Среди иностранных держав именно Англия занимала первое место по торговому обороту с Марокко в 1901 г., опережая Францию почти вдвое. Противобоевая Франция, стремившейся захватить Марокко в монопольное владение, Англия выступала за доступ в Марокко всех европейских держав. Основным соперником Франции в борьбе за Марокко выступала Германия, вступившая в борьбу за колонии позже других держав и вынужденная выступать в роли догоняющей. С конца XIX в. германская дипломатия вела активную игру на Арабском Востоке и в Турции, стремясь обеспечить себе здесь преобладающие позиции, при этом активно используя исламский фактор. Наибольшую активность Германия проявляла в Марокко, где она поощряла антифранцузские настроения султана, надеясь включить Шерифскую империю в собственную сферу влияния. С франко-германским противоборством в Марокко связана серия так называемых марокканских кризисов, начатая «танжерским инцидентом».

31 марта 1905 г. на рейде Танжера появилась императорская яхта «Гогенцоллерн», на которой Вильгельм II совершал «морскую прогулку». Первыми словами кайзера, обращенными к встречавшим его марокканцам, были: «Я наношу мой сегодняшний визит султану как независимому суверену. Я надеюсь, что под суверенитетом султана свободное Марокко останется открытым для мирной конкуренции

всех наций, без монополии и без аннексии, на основе абсолютного равенства. Мой визит в Танжер имеет целью продемонстрировать желание сделать все, что в моей власти, для эффективной защиты интересов Германии в Марокко»³⁹. Заявление германского кайзера носило явно антифранцузский характер и вызвало соответствующую реакцию в Париже. В российском МИД германский демарш также оценили как направленный против Франции: «Посещение императором султана явилось ничем иным, как явно выраженным намерением Германии оказать нравственную поддержку шерифству в его скрытой борьбе с возрастающим влиянием Франции в Марокко»⁴⁰, «на деле германское правительство совершенно серьезно и с твердой настойчивостью задумало разрушить созданное усилиями Франции дело. Для этого оно пустило в ход все средства, коими оно располагало. Прежде всего, оно постаралось внушить в Фесе убеждение, что Германия поддержит независимость шерифского государства»⁴¹.

Борьба, происходившая вокруг Марокко, велась по сути из-за вопросов более глобальных, чем владение этой страной. Значимость страны для России определялась следующими факторами: «Значение Марокко для нашей государственной жизни определяется его исключительно важным географическим положением на страже свободного выхода из Средиземного моря в океан и слабостью его внутренней организации, которая... вызывает соперничество сопредельных с ним или иначе заинтересованных в нем держав»⁴². Русский дипломат, публицист В.А. Теплов давал сходную оценку: «Сам по себе незначительный марокканский вопрос имеет огромное значение для общеевропейской и даже мировой политики», он «способен заечь вселенную и, во всяком случае, коренным образом изменить взаимные отношения европейских держав, не исключая России»⁴³. Россия в первое десятилетие XX в. была связана с Францией не только союзными обязательствами, но и финансовыми интересами: шли переговоры о получении крупного займа на Парижской бирже, необходимость в котором возникла вследствие поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и нарастания революционной ситуации внутри страны. Французское правительство категорически обусловило предоставление займа России профранцузской позицией царского правительства в марокканском вопросе. По вопросу о предоставлении займа французский кабинет министров во главе с М. Рувье тянул до окончания Альхезирасской конференции, начавшейся в январе и продолжавшейся до апреля 1906 года.

На Альхезирасской конференции, созванной для разрешения международных противоречий по вопросам сфер влияния в Марокко, Россию представляли дипломат граф А.П. Кассини и российский министр-резидент в Марокко В.Р. Бахерахт. В инструкции министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа им предписывалось поддерживать французские требования, а также выступать в качестве посредника между Францией и Германией: «На нашей обязанности, как союзной державы, лежит принять все находящиеся в нашем распоряжении меры к тому, чтобы облегчить Франции достижение цели. Россия находится в этом отношении в особенно благоприятном положении. Ни с одним из основных вопросов, включенных в программу конференции, у ней не связано никаких личных пожеланий, и она может по-

этому оказывать в них неограниченную поддержку Франции»⁴⁴. Россия, не имевшая никаких притязаний на Марокко, была, тем не менее, весьма заинтересована в успехе конференции, «продолжительное и вялое течение которой становилось утомительным», — как писал посол в Париже Нелидов⁴⁵. При деятельном участии России конференция закончилась дипломатической победой Франции, а Российская империя получила предоставленный Францией заем, покрывший издержки на проигрыш войны и подавление революции. Русская дипломатия, занимавшая посредническую позицию в начале конфликта, вынуждена была примкнуть к англо-французскому блоку: «Без голоса России в пользу Франции французская политика мирного проникновения в Марокко встречала бы постоянные препятствия и обидные удары»⁴⁶. Даже в спорном вопросе о полиции в Касабланке российские дипломаты поддержали французскую сторону. Как следствие — ухудшились отношения с Германией, правительство которой запретило своим банкам принимать участие в русском займе. Распределение голосов на Альхезирасской конференции показало распределение международных сил. Итогом событий 1905—1906 гг. явилось образование Антанты.

Постановления Альхезирасской конференции носили компромиссный характер, способствовавший коллективному закабалению Марокко европейскими державами. Но ряд важных привилегий получили Франция и Испания: именно им была поручена организация полиции в открытых портах страны, что давало повод для постоянного вмешательства во внутренние дела Марокко. И сразу же после конференции началось нарушение принципов независимости и территориальной неприкосновенности Марокко со стороны европейских держав, создававшее почву для последующей атаки на суверенитет страны. Одновременно продолжалось политическое и экономическое закабаление Марокко международным финансовым капиталом.

После окончания конференции российская дипломатия вернулась к привычной позиции благожелательного нейтралитета, от которой отказалась на время разрешения марокканского кризиса вследствие конъюнктуры: «Но относительно дальнейшего нашего участия в судьбах Марокко... мы отнюдь не должны поступаться теми выгодами, которые создает для России, не связанной специальными приглашениями и своими собственными реальными интересами, возможность в достаточной степени самостоятельно распоряжаться своим голосом в глухом споре Франции и Германии на Магребинской почве», — гласила инструкция МИД российскому представителю в Марокко⁴⁷. Российский поверенный в делах в Танжере Е.В. Саблин выражал сходное мнение в письме министру иностранных дел Извольскому в 1907 г.: «Наложит ли со временем на Марокко руку Германия или Франция — это одинаково для нас невыгодно. В первом случае Германия, несомненно, проникнет в Средиземное море, во втором, убедившись, что Марокко неотъемлемо от Франции, она, естественно, станет искать других компенсаций, и быть может, нам не безразличных»⁴⁸.

К 1911 г. произошли существенные изменения в международной расстановке сил, что позволяло Германии надеяться на отсутствие единства действий Антанты в марокканском вопросе. Агадирс-

кий кризис 1911 г. начался как француско-испанский конфликт после захвата французами Феса, что было прямым нарушением соглашений Альхезирасской конференции. Реакцией Германии стал «прыжок «Пантеры»» — посылка германской канонерской лодки в марокканский порт Агадир для «защиты жизни и имущества германских подданных в Южном Марокко». Российский поверенный в делах в Марокко С.А. Лихачёв в донесении в МИД сообщал, что реальной причиной этого демарша является германское недовольство «слишком честолюбивыми замашками Франции»⁴⁹. Обостряя отношения с Францией, Германия надеялась на изоляцию соперницы. Цели Германии выходили за пределы колониального вопроса — главной целью было ослабить связи между членами Антанты.

В завязавшемся конфликте одним из важнейших вопросов было определение позиции России. Она действовала как союзница Франции и держава, подписавшая Альхезирасский акт. От готовности российского правительства поддержать французского союзника не только дипломатическим путем, но и в случае военного конфликта, зависела линия поведения Франции. Российское правительство твердо декларировало нежелание вмешиваться в конфликт и вступать в европейскую войну из-за французских интересов в Марокко. Она хотела подтолкнуть стороны к компромиссному разрешению конфликта. Российское правительство, не имевшее прямой заинтересованности в марокканских делах, желало мирного исхода конфликта из-за временного ослабления противоречий с Германией и, главным образом, из-за неготовности российской армии к войне. Для определения позиции России в марокканском конфликте 29 августа 1911 г. было созвано совещание у Николая II. На следующий день в телеграфной инструкции послу в Париже Извольскому говорилось: «Для французского правительства не может быть сомнений в том, что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения». Российское правительство рекомендовало Франции направить старания «к улаживанию конфликта в миролюбивом смысле»: «Мы с вами, но делайте все возможное, чтобы избежать войны: слишком рано»⁵⁰.

Война из-за Марокко в условиях неготовности главного союзника к войне была бы опасной для Франции. Россия склонилась французское правительство к принятию компромиссных предложений. И конфликт перешел в стадию улаживания и дипломатического торга. На этом этапе роль России также была значительна — русская дипломатия неоднократно сглаживала острые углы в борьбе французских и немецких планов и предложений. Соперники перешли к дипломатическому торгу, и его итогом стали две взаимно дополнявшие друг друга конвенции о взаимном обмене некоторыми колониальными территориями в Африке — о Марокко и Экваториальной Африке. Германия признавала Марокко находящимся под протекторатом Франции, а в обмен получала часть Французского Конго. Таким образом, было устранено главное препятствие на пути к осуществлению давней цели французской колониальной политики — захвату Марокко.

Посланник России в Марокко П.С. Боткин так оценивал франко-германское соглашение: «Оно открывает французам дорогу к протекторату над Марокко. Сколько лет Франция этого добивалась. Ка-

кие только соглашения она не заключала и с Испанией, и с Италией, и с Англией. Какие жертвы она не приносила — и все — империя шерифов ускользала от французов. Марокко нужно было купить у немцев»⁵¹. Но даже этот искусственный дипломат не мог не выразить личного отношения к произошедшему: «... когда в сделку в качестве предмета купли-продажи попадает третье государство, такого рода операции выходят из области внутренней политики. Марокко не принадлежит ни Франции, ни Германии. Как Франция, строго говоря, не имела права покупать султанат, так и Германию никто не уполномочивал продавать его»⁵².

30 марта 1912 г. был подписан Фесский договор об установлении французского протектората над Марокко. Он воспроизводил основные положения и принципы Бардоского договора 1881 г. между Францией и Тунисом. Султан сохранил трон и внешние атрибуты власти, утратив реальные рычаги управления. Но, в отличие от Туниса, договор о протекторате лишил Марокко не только независимости, но и целостности: Франция переуступила две зоны на севере и юге страны Испании, а город Танжер был выделен в особую зону. К началу первой мировой войны Франция располагала второй по размерам колониальной империей.

Таким образом, основополагающим моментом в определении российских политических позиций по колониальным захватам Франции в Магрибе являлся общеевропейский фактор, борьба держав в рамках Восточного вопроса. В случае захвата Алжира в 1830 г. Российская империя воздерживалась от поддержки Франции, чтобы избежать нарушения баланса сил в Средиземноморье. Когда в 1880-х гг. Франция приступила к покорению Туниса, российская дипломатия стремилась координировать свои действия со странами Европы. А общей позицией великих держав после берлинских договоренностей 1878 г. было невмешательство в колониальную стратегию Франции. Хотя Россия и признала переход страны под французский протекторат, подтвердились и наихудшие опасения российской дипломатии — захват Туниса был одной из причин, подтолкнувших Италию к вступлению 20 мая 1882 г. в австро-германский союз. Враждебный по отношению к России двойственный союз превратился в тройственный. Ближайшими последствиями разделения Европы на два противостоящих военных блока стали гонка вооружений и рост милитаризма в целом. Русско-французский союз, с учетом интересов которого российская дипломатия действовала во время марокканских кризисов в первое десятилетие XX в., помогал России решить одну из важных задач — сохранение статус-кво в ближневосточном регионе, «подмораживание» Восточного вопроса. Россия стремилась, по определению министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского, к «замораживанию» Восточного вопроса, так как не считала себя готовой к выгодному разделу Османской империи и новой войне.

Но помимо официальной прагматической позиции российского правительства по отношению к французским захватам Алжира, Туниса и Марокко существовало отчетливо выраженное российское общественное мнение, и оно, как правило, было на стороне покоренных народов. Причину осуждения русскими французского колони-

лизма удалось кратко сформулировать путешественнику и военному географу М.И. Венюкову: «Французы смотрят на Алжирию не так, как мы на Кавказ, Туркестан, Сибирь, то есть как на страну, составляющую органическую часть самой Франции. Она для них все еще колония, заморское владение, которое “нужно эксплуатировать”, страна для добывания дешевого сырья»⁵³.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 180, Посольство в Константинополе, оп. 517(1), 1829, д. 1536, л. 6.
2. ПОДЦЕРОБ А.Б., ШВЕДОВ А.А. Советско-алжирские отношения. М. 1986, с. 19.
3. Отечественные записки. СПб. 1842, № 7—8, с. 27.
4. БЕРЕЗИН И. Метрополия и колония. — Отечественные записки. СПб. 1858, № 5, с. 74, 85, 90.
5. Отечественные записки. 1869, № 7, с. 178.
6. Там же. 1855, № 1, отд. 7, с. 11.
7. АНИЧКОВ В.М. Очерки Алжирии. — Современник. 1857, № 11—12, отд. 11, с. 20.
8. Там же, с. 17.
9. ГОРЛОВ В. Из Алжира. — Московские ведомости. 7.III.1882, № 66. См. также о нем: НЕРСЕСОВ Г.А. Алжир в 1881—1882 гг. — Советская этнография. 1961, № 5, с. 140—145.
10. ЭЙХВАЛЬД Э.И. Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г. — Вестник Российского Императорского географического общества. СПб. 1851, ч. 2, кн. 3, отд. 7, с. 26.
11. БОГДАНОВИЧ М.И. Алжирия в новейшее время. М. 1849, с. 65.
12. HARDY G. Histoire de la colonisation française. Paris. 1928, p. 198.
13. BLET H. Histoire de la Colonisation Française. Grenoble-Paris. 1946, p. 176.
14. KRAIEM M. La Tunisie précoloniale. Tunis. 1973, p. 69.
15. MEZRI BDIRA. Relations internationales et sous-développement. La Tunisie 1857—1864. Uppsala. 1978, p. 32.
16. АВПРИ, ф. 180, Посольство в Константинополе, оп. 517(1), 1829, д. 1536, л. 16.
17. Там же, 1836, д. 1538, л. 2.
18. Там же.
19. Там же, ф. Политический архив, д. 1395, 1909, л. 8.
20. Там же, ф. 161, СПб. Главный Архив V-A2, оп. 181/2, 1878, д. 971, л. 4.
21. Там же, л. 5.
22. Там же, 1876, д. 969, л. 5.
23. Дело. СПб. 1881, № 6—7, с. 89.
24. SOUMILLE P. Européens de Tunisie et questions religieuses (1892—1901). Paris. 1975, p. 5.
25. АВПРИ, ф. 149, Турецкий стол (старый), оп. 502-а, 1874, д. 2883, л. 9.
26. Там же, ф. 151, Политархив, оп. 482, 1881, д. 1463, л. 8.
27. Там же, л. 26.
28. Там же, л. 27.
29. Отечественные записки. 1881, № 5, отд. 2, с. 72.
30. АВПРИ, ф. 149, Турецкий стол (старый), оп. 502-а, 1874, д. 2883, л. 13.
31. Там же, л. 18.
32. Там же, л. 15, 37, 41, 68.
33. НЕРСЕСОВ Г.А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. В кн.: Африканский сборник. М. 1963, с. 177.
34. Там же, с. 179.
35. Дело. СПб. 1881, № 12, с. 113.
36. НЕРСЕСОВ Г.А. Алжир в 1881—1882 годах (по письмам русского журналиста). — Советская этнография. 1961, № 5, с. 140.

37. АВПРИ, ф. Политический архив, оп. 482, 1906, д. 1387, л. 39—48.
38. Россия и Алжезирасская конференция. — Красный архив. 1930, № 4—5 (41—42), с. 7.
39. HARDY G. Op. cit., с. 282.
40. АВПРИ, ф. Отчеты МИД РИ, оп. 475, 1905, д. 137, л. 73—76.
41. Россия и Алжезирасская конференция, с. 9.
42. АВПРИ, ф. Политический архив, оп. 482, 1907, д. 2752, л. 1—4.
43. ТЕПЛОВ В.А. Марокко и Алжезирасская конференция. М. 1907, с. 7.
44. Россия и Алжезирасская конференция, с. 10.
45. Там же.
46. АВПРИ, ф. Политический архив, оп. 482, 1908, д. 1393, л. 72—74.
47. Там же, 1907, д. 2752, л. 1—4.
48. Там же, д. 1390, л. 50—53.
49. Там же, д. 1402, 1911, л. 122.
50. РАТИАНИ Ю. Агадирский кризис и позиция России. — Военно-исторический журнал. 1939, № 2, с. 52.
51. АВПРИ, ф. Политический архив, оп. 482, д. 1402, 1911, л. 226.
52. Там же, л. 230—231.
53. ВЕНЮКОВ М.И. Прогулка в Алжир и Тунис. — Русская мысль. 1887, № 7, с. 52.

«Растоптанный Февраль» (воспоминания).

А.Н. Сахаров

Аннотация. Воспоминания посвящены обсуждению статьи А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией» на круглом столе «Российской газеты» в феврале 2007 г., а также последующим публикациям в прессе по поводу смысла Февраля. В ходе острейшей полемики о роли Февральской революции в истории России, инициированной статьей Солженицына, была сделана попытка пересмотреть уже сложившееся в науке и в общественном сознании цивилизационное значение событий февраля-октября 1917 г., дать уничтожающую критическую оценку одного из крупнейших событий отечественной истории.

Ключевые слова: Февральская революция, Николай II, народ, Октябрьская революция, статья А.И. Солженицына.

Abstract. Memoirs are devoted to the discussion on the article by A.I. Solzhenitsyn «Reflections on the February revolution» at the roundtable discussion organized by «Rossiyskaya gazeta» on February 2007 and also to further discussion in media about the nature of February revolution. During heated debates on the role of February revolution in Russian history, inspired by Solzhenitsyn's article, there were made attempts to review the conclusions which exist now in historical science and social conscience about civilization meaning of February-October 1917, to destroy with criticism this event, one of the most essential in Russian history.

Key words: February revolution, Nikolay II, October revolution, article of A.I. Solzhenitsyn.

В двадцатых числах февраля 2007 г. мне позвонили из «Российской газеты» и от имени ее главного редактора В. Фронина пригласили принять участие 26-го числа в «круглом столе» газеты для обсуждения брошюры А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией».

Близился 90-летний юбилей февральско-мартовских событий 1917 г., и было ясно, что затевается какая-то очередная историко-идеологическая акция. О Февральской революции говорилось много

Сахаров Андрей Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: 095history@mail.ru.

Sakharov Andrey N. — correspondent member of Russian Academy of Science, doctor of historical sciences, professor. E-mail: 095history@mail.ru.

и уважительно. Идеалы Февраля, растоптанные и оболганные большевиками, сокрушившими Временное правительство в октябре 1917 г., казалось, прочно, хотя и с большим историческим запозданием — почти в семьдесят с лишним лет — возвращались в российскую жизнь и были даже утверждены в новой Конституции Российской Федерации. В учебниках истории Февральской революции отводилось весьма уважительное место. Отмечалась ее роль в невиданном для России прорыве к гуманизму, мировым цивилизационным ценностям, правам и свободам людей, достигнутым в передовых высокоразвитых демократических странах. Правда, не скрывались и мягкотелость, нерешительность режима, свергнувшего царизм, его неумение справиться с проблемами огромной, многонациональной, да к тому же воюющей уже четвертый год страны.

Казалось, что в год 90-летия «Февраля» можно было бы подчеркнуть всю историческую значимость тех событий и обсудить в новых исторических условиях демократической России горькие уроки поражения «февралистов», отдать должное их порыву, жертвенности и склонить головы перед их историческим подвигом. Так, по крайней мере, я воспринимал этот звонок и с радостью согласился на предложение газеты. Конечно, поинтересовался — каков будет состав участников обсуждения.

Оказалось, что кроме меня приглашены еще трое: жена А.И. Солженицына Наталья Дмитриевна, которой отводилась главная роль в презентации брошюры писателя; известный общественный деятель В.П. Лукин, бывший одним из организаторов партии «Яблоко», но к 2007 г. перешедший на государственную службу в качестве уполномоченного по правам человека при президенте РФ; известный режиссер А.С. Кончаловский. Люди все уважаемые, отличающиеся независимостью суждений, совершенно определенно демократически и гуманистически ориентированные.

Вскоре после этого телефонного разговора я получил и официальное приглашение, подписанное руководителями газеты, и текст роскошно изданной брошюры. Позднее выяснилось, что этот текст был размещен на сайте газеты и опубликован 27 февраля на ее страницах полумиллионным тиражом.

Я никогда не был поклонником художественного таланта Солженицына, хотя с огромным интересом и, прямо скажу, с наслаждением читал его «Один день Ивана Денисовича». В этой книге все было ново: запретный до этого «лагерный» сюжет, возврат к классическим формам хорошей русской прозы в отличие от пропагандистских агиток многих советских писателей, ядреный русский язык. С затаенным восторгом я буквально проглотил данный мне польским коллегой на одну ночь роман Солженицына «В круге первом» во время поездки в Польшу в начале 1970-х годов. Оставалось ощущение прикосновения к чему-то невероятно влекущему, новому, неизведанному. И, конечно, огромного уважения заслуживала работа писателя над эпопеей «Архипелаг Гулаг», вышедшей уже в новой России.

Но с течением времени все эти ощущения померкли. Уже в новых исторических условиях я заново прочитал недочитанный в Варшаве роман. Куда-то исчезло ощущение тайны, сюжетной новизны, стертые многочисленными публикациями конца 1980-х — 1990-х гг.,

разоблачавшими систему сталинских репрессий. Осталось невероятное многословие, размытость образов, неудачные, на мой взгляд, попытки так называемого словотворчества, зачастую вычурного и претенциозного, бесконечные философские отступления.

Закончив чтение, я с разочарованием отложил книгу в сторону. Такая же судьба постигла и другие ранее запретные и поэтому сладкие плоды творчества Солженицына. Он сразу встал для меня в ряд других писателей периода «оттепели». Его историсофские размышления о судьбах России, пронизанные патриархально-общинными мотивами, склонностью к возвеличиванию так называемых российских устоев и традиций, включая монархию, опубликованные до и после приезда в Россию, также ничем новым порадовать меня не смогли.

Что касается его «Архипелага» и исторического романа «Красное колесо», то при всей огромной авторской работе, масштабности привлеченного материала, тщательности в отборе источников эти сочинения, на мой взгляд, уже ничем не выделялись среди обилия изданных источников, в том числе мемуарной литературы, разного рода региональных изданий, касавшихся времени сталинских репрессий и событий Февральской революции. Интересна была лишь их авторская интерпретация, хотя, конечно, обаяние общественной фигуры Солженицына, его подвиг первопроходца в обличении ужасов и мерзостей сталинизма, его смелость и самопожертвенность были огромны. Он остался в нашем сознании живым демократическим и гуманистическим памятником эпохи расцвета и крушения коммунистической системы в России. Поэтому его слово о «Феврале» в канун 90-летия революции ожидалось как откровение.

Открыл первую страницу и возрадовался: как же хорошо и откровенно там было сказано: «В СССР всякая память о Февральской революции была тщательно закрыта и затоптана. (Праздник 12 марта, в который отмечалась годовщина Февральской революции, большевики упразднили уже в середине 1920-х годов). А между тем, именно Февраль трагически изменил не только судьбу России, но и ход всемирной истории. И так неотвратимо глубоко было забвение, что, вот, лишь 90-я годовщина Февраля может дать толчок нашей памяти, просвет к осознанию»¹.

Но, обвинив большевизм в намеренном замалчивании и извращении смысла Февральской революции, Солженицын не прояснил — в чем же концепционно разошлись «февралисты» с большевиками. Не сказал он ни слова об этом и далее. Это показалось мне поначалу просто странным. Но при последующем чтении брошюры выяснилась чудовищная для меня авторская мысль: большевики ненавидели «Февраль» потому, что это были не просто их, так сказать, «классовые враги», но и глашатаи и проводники тех цивилизационных ценностей — в экономической, политической, социальной, культурной, национальной областях — от которых начисто отказывались большевики, нацеленные на строительство своего, «нового мира», который с некоторыми модификациями существовал в России без малого семьдесят с лишним лет и, в конце концов, рухнул под напором этих самых цивилизационных ценностей, провозглашенных некогда в России в феврале-марте 1917 года.

Это умолчание в предисловии к брошюре (написанной в 1983 г. как итоговое размышление к роману «Красное колесо»), как оказалось, было вовсе не случайным, поскольку автор вовсе не принимал ни тех лозунгов, под которыми проходил «Февраль», ни методов управления страной со стороны «февралистов», ни их личного состава. И в этом смысле разницы между подходом к «Февралю» большевиков и Солженицына практически не было.

Так в чем же упрекал писатель советских коммунистических идеологов, «закрывших» «Февраль» для России на семьдесят с лишним лет? Ответа на этот вопрос нет. Зато Солженицын дает свою версию исторического отрицания «Февраля», которая на практике оказалась куда более критической, нежели большевистская.

Чем более я углублялся в содержание брошюры, тем более поражался этому неприятию автором всего, что совершила и недосвершила Февральская революция. Тем более, я недоумевал: с какой целью полумиллионным тиражом были опубликованы его «Размышления» в канун 90-летия Февральской революции и для чего предполагалось ширококомасштабное обсуждение этой работы с его последующей публикацией в газете.

Солженицын с возмущением нанизывал на свой нигилистический шампур всех, кто не сумел воспротивиться революционным токам в стране: слабовольного растяпу-царя, бездарное правительство, изменнический генералитет. На этом же идеологическом вертеле оказались и те, кто расшатывал власть, мешал ей защититься от натиска, в общем-то, ничтожных революционных сил — запасных батальонов, расквартированных в Петрограде и не желавших отправляться на фронт, и «толпишки», которая, возбудившись недостоверными слухами о нехватке продовольствия и в первую очередь хлеба, организовала беспорядки в столице. Это, прежде всего, Государственная дума, бездарная военная верхушка Петрограда, всякого рода интеллигенция. Правительство должно было проявить, прежде всего, силу, царь как Верховный Главнокомандующий обязан был объявить «мятежный город» в военное время «вне закона», и «быстро бы пересохла глотки у ораторов, они бы кинулись через финскую границу, а не толкали бы в Действующую армию “приказ № 1”». И, конечно, Николай II вместо того, чтобы мчаться в одиночку на спасение семьи, должен был возглавить верные ему фронтовые части и двинуть их на Петроград. «Слабый царь, он предал нас», — пишет Солженицын ².

Рисуя картину бессилия власти, отсутствия какой-либо поддержки трону со стороны основных общественных сил, особенно дружного выступления генералитета за отречение царя, автор практически подтверждает ставшую аксиомой точку зрения историков — и советских, и зарубежных, и современных российских — что антимонархизм был всеобщим, что общество в целом оказалось в фарватере мощных буржуазно-демократических настроений. Именно это и определило бессилие власти, которую никто не хотел защищать. В этом и была сила Февральской революции, скоротечно поддержанной страной, несмотря на то, что действительно в руках взявшего власть Комитета Государственной думы не было реальных военных сил. Поэтому и оказалась эта революция бескровной.

И еще раз Солженицын по существу признает победу всего общества над устаревшей монархией, когда с негодованием рассуждает о том, как в течение ста лет мужало в России некое либерально-радикальное «Поле» и, в конце концов, подчинило себе «все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его». На самом деле никакого такого либерально-радикального «и даже социалистического» «Поля» в России не было. А существовало «Поле» либеральное, предвосхищенное еще умеренной частью движения декабристов. Но было, используя терминологию Солженицына, и «Поле» радикальное, позднее радикально-социалистическое. Оба эти направления одинаково ненавистны автору. Но всю вину за разложение общества он возлагает на либералов, на интеллигенцию: «Столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила... Национальное сознание было отброшено интеллигенцией — но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе»³.

Смешав поначалу в одну кучу либеральное и радикальное движения, Солженицын далее пишет лишь о либералах-интеллигентах. Они овладели умами людей, в том числе и генералов, они сковали власть по рукам и ногам, они «не дали монархии защититься, не допустили ее прямого боя с революцией». А нужен был именно бой! Необходимо было снять войска с фронта и направить их на Петроград, чтобы восстановить монархический порядок. Это предотвратило бы грядущую общественную катастрофу. А кроме того — что совершенно поразительно — писатель признает, что все мыслящие элементы в России поддержали это либеральное «Поле», хотя и определяет эту поддержку в 1% населения России. Остальная масса, не затронутая просвещением, темные, «дремучие» слои народа оказались невосприимчивы к либеральным веяниям. Девять десятых населения «даже и не было пронизано либерально-радикальным “Подем”». Автор пишет о «дремоте страны», о ничтожном участии масс в Февральской революции⁴. Нигде, кроме Петрограда, «не было предрасположения к восстанию», и далее: «Если б революция была стихийной и всенародной — она происходила повсюду»⁵. Но разве бывает такое в истории — чтобы «стихийно» и «повсюду»?

Как раз в этом всенародном одобрении со стороны всего народа — и «просвещенного» и «совсем непросвещенного» — падения монархии и проявилась массовость и бескровность «Февраля».

За что же так бичует Солженицын Февральскую революцию, за что обрушивается на либералов-«февралистов»?

Главный упрек, адресуемый «Февралю», — это разрушение государственной системы в стране, приведшее к хаосу, сдаче власти Советам и, в конце концов, — к победе еще более ненавистного писателю большевизма⁶.

«Февралисты» уничтожили царскую администрацию, полицию «наружную» и секретную, всю систему Министерства внутренних дел — «это все учинили светлоумные российские либералы». Это было ужасно, и сделали это «круглые дилетанты», ничтожества, болтуны и пр., а февральская демократия представляла собой явление «незрелое» и «даже несостоявшееся». «Февралисты» после поражения, уже будучи в эмиграции, десятилетиями изображали свой «распад» «как

торжество свободного духа». «Очень помогло им и то, — заключает Солженицын, — что грязный цвет Февраля все же оказался светлей черного цвета злодейства коммунистов»⁷, но февральская атмосфера «была духовно омерзительна». Февральская революция, по мнению писателя, не достигла ни одной национальной задачи русского народа⁸. Одновременно Солженицын клеймит и демократию как таковую вообще: в февральской демократии «пророчески пронизалась вся близкая слабость демократий процветающих — их ослепленная безумная попятность перед крайними видами социализма, их неумелая беззащитность против террора»⁹.

Свою порцию критики получила и Русская Православная церковь за то, что не сумела поддержать монархию в России, не создала «противоположное духовное “Поле”» против общественного разложения, «не попыталась спасти, образумить страну»¹⁰.

Досталось и крестьянству, не сохранившему в своей среде прежние «патриархальные и богобоязненные» устои, потерявшему в душе Святую Русь. Часть крестьянства «разжигалась несправедливой жаждой к дележу чужого имущества» (так говорит писатель о борьбе крестьян за помещичью собственность), «без памяти о прежних устоях»¹¹. При этом Солженицын совершенно игнорирует тот факт, что в эту идеализированную «память о прошлом», входили «бессмысленные и беспощадные» бунты Степана Разина, Емельяна Пугачёва и многие другие, не столь масштабные социальные схватки крестьянства с властями, с помещиками. Эти схватки множились и ожесточались и после отмены крепостного права, превратив русскую деревню начала XX в. в пылающий костер помещичьих имений, независимо от «пропаганды образованных». Возврат к Святой Руси, к патриархальщине, к богобоязненности — вот к чему должны были стремиться в XX в. и священство, и крестьянство, поддерживая монарха, спасая страну от «катастрофы».

То, что написано Солженицыным по поводу Февральской революции, пронизано духом монархического, самодержавного охранительства, ненавистью к мировым демократическим ценностям, мечтой о самых жестких репрессиях против порыва людей к свободе. И все потому, что именно в условиях этой свободы и демократии, которые, конечно, не могли быть строго дозированы в условиях стихийного развития событий, произошел захват власти большевиками, еще более ненавистными писателю.

После прочтения брошюры подумалось, что не случайно именно в 2007 г., накануне крупных общественных событий в России был предпринят идеологический удар по либеральным идеалам прошлого. Цель этого удара, как выяснилось позднее, заключалась в исторической дискредитации либерального движения вообще — и не только в России, но и в мировом масштабе, в повороте к полной ревизии либеральных преобразований в России конца 1980-х — начала 1990-х гг., которые вызвали к жизни после десятилетий забвения идеалы Февральской революции.

Это был характерный для каждой большой революции закономерный реакционный откат, вызванный крахом многих революционных иллюзий, разочарованием людей в содеянном российскими лидерами 1990-х гг., когда наряду с важнейшими цивилизационными завоеваниями — права и свободы людей, возвращение системы

частной собственности и рыночной экономики — осуществлялся криминальный захват собственности, появились олигархический капитал и всевластие олигархов, сращивание политического и экономического «истэблишмента», безудержный разгул бюрократии на всех уровнях. Но это особая тема. Наступление на «Февраль» в 2007 г. стало лишь частью общей политической панорамы.

Первой взяла слово жена Солженицына Наталья Дмитриевна. Она рассказала историю создания романа «Красное колесо» и появления на свет «Размышлений» автора о Февральской революции, предложенных к обсуждению на круглом столе «Российской газеты».

Начала Наталья Дмитриевна так: «Советские люди о Февральской революции почти ничего не знали. Это была сознательная большевистская политика, что Февральская революция никакой роли не играла. Как вы, может быть, знаете, в самые ранние советские годы праздновалась ежегодно годовщина Февральской революции. Ее скороенько, конечно, закрыли. И, в общем, стерли из сознания населения нашей страны. Была только Великая Октябрьская революция». Александр Исаевич, с молодых лет мечтавший написать объективную историю Русской революции, уже в зрелом возрасте взялся за эту тему. Так появился многотомный роман «Красное колесо». И что же? Солженицын пришел к еще более резким оценкам Февральской революции, нежели это делали большевистские историки и пропагандисты: «Ему стало понятно, что корень не в “Октябре”. Что радикальные события, перевернувшие ход русской и мировой истории, случились именно в “Феврале”».

Далее Наталья Дмитриевна прокомментировала смысл массового выпуска брошюры: «Начнем учиться на собственных ошибках», «и в нашу перестройку мы повторили целый ряд ошибок Февраля, как власть, так и общество повторили их. Потому что Февральская революция, в конце концов, была некоторым завершением столетней дуэли между властью и обществом, которую власть как бы проиграла, но и общество не выиграло»¹².

Хочется спросить, какое общество имелось в виду? То, которое Солженицын называет «хоть сколько-нибудь тронутым просвещением, хоть начатками его», или то, о котором писатель говорит, как о необразованном, традиционном?

Подобный же выбор встал и перед так называемым «обществом» в 90-е гг. XX в., возродившим в стране «февральские» цивилизационные ценности. И снова «хоть сколько-нибудь тронутая просвещением» часть общества приняла эти ценности и пыталась их «адаптировать» к новым историческим условиям, а другая его часть — конечно, большинство — осталась к этим ценностям глуха и невосприимчива, что говорит лишь об одном: как «Февраль» пришел в Россию ранее ее цивилизационного созревания, так и революционные свершения конца 1980-х — начала 1990-х гг. пали все на ту же «незрелую» общественную почву, милую всем тоталитарным тенденциям, которые разрисовали эту почву своими узорами.

Солженицын сожалел по поводу того, что власти не хватило репрессивной мощи, чтобы задавить «февральский» хаос. В 1990-е гг. история повторилась: снова старая власть пала перед натиском либеральных ценностей, а попытка повернуть общество вспять в августе

1991 г. закончилась крахом. Но в обоих случаях «необразованное, тупое и традиционное большинство» сыграло свою историческую роль: в 1917 г. в виде прихода к власти большевиков, поддержанных, в конце концов, большинством «трудящихся», а на исходе XX в. в виде неторопливой, но неуклонной поступи авторитарного режима, с восторгом встреченного тем же, правда, поредевшим, несколько поумневшим, но столь же беспощадным по отношению к либеральным ценностям, российским большинством.

Отвлекаясь от этой полемики, замечу, что нигде и никогда революционные преобразования, основанные на либеральных ценностях, единственно обеспечивающих цивилизационный прогресс человеческого общества, не проводились большинством народа. Их движущей силой было и остается именно просвещенное меньшинство, усилия которого осваиваются в разные сроки и с разной степенью интенсивности уже всем обществом, не без цивилизационных откатов, останков, попятных движений.

Вторым дали слово мне. Отметив выдающуюся роль Солженицына, я затем сказал буквально следующее:

«Мне хочется начать с того, чем закончил предыдущий оратор, — с утверждения, что общество ничего не выиграло. Если коротко говорить о смысле Февральской революции, то, во-первых, она, а точнее Временное правительство впервые провозгласило Россию республикой. Это было великое событие в истории страны. А сама Февральская революция началась полной амнистией политических заключенных и отменой смертной казни. Свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек, отмена сословных, вероисповедальных, национальных ограничений, подготовка Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого тайного голосования — это все свободы и достижения, которых Россия не знала. Замена полиции народной милицией, ликвидация жандармерии, демократизация армии, ликвидация Сената, министерств и канцелярии Императорского двора, провозглашение автономии Финляндии, декларация о независимости Польши, подобающее устройство церковных дел — церкви вернули самоорганизацию и дали возможность самой устраивать и определять свою жизнь, нужды и судьбы. Россия, по общему мнению тогдашних политиков (в том числе и В.И. Ленина, высказанная в «Апрельских тезисах»), стала самой свободной страной в мире. Это чего-нибудь стоит в российской и мировой истории! Надо сказать, что Февральская революция практически поставила точку в том длинном ряду дуэлей между обществом и властью, о котором говорила здесь Наталья Дмитриевна Солженицына. Начиная с реформаторов XVIII в., Сперанского, великих реформ 1860-х гг., попыток 1905—1907 гг. сдвинуть Россию к становлению на пути гражданского правового общества удавалось только частично. А Февральская революция открыла простор для всего этого. Она действительно сделала страну свободной, демократической буржуазной республикой, сохраняя основные рычаги цивилизационного развития мира — рыночную экономику, частную собственность, уважение прав и свобод личности.

Я думаю, что мы должны уже по новому стилю праздновать в России победу Февральской революции и всемерно подчеркивать это великое событие в нашей российской истории.

Если мы здраво оценим нашу сегодняшнюю жизнь, то увидим, что идеалы, провозглашенные Сперанским и другими реформаторами, а также Февральской революцией, у нас до сих пор еще не проведены в жизнь, не осуществлены. Почему? И мы до сих пор еще вырабатываем гражданское общество. Мы только на пути к этому и многого еще не достигли. И именно Февральская революция явилась историческим провозвестником всех тех событий, которые грянули в конце XX века. В 1990-е гг. практически мы вернулись к февралю 1917-го и от него начали движение и — хорошо ли, плохо ли — продолжаем его сегодня ...

Если говорить об общих оценках, Александр Исаевич говорит о “грязном” цвете Февраля, за которым последует мерзостный цвет Октября. Но мы же не можем зачеркнуть, например, опыт Великой французской революции, несмотря на жестокий террор якобинцев и ужасающую диктатуру Наполеона, подчинившего себе пол-Европы. И также с Февральской революцией в России — я бы не придерживался обвинительной позиции. События в России развивались в соответствии с духом ее цивилизации так, как они развивались. Я считаю, что мы должны сегодня не зачеркивать, а возвышать события 90-летней давности. Я думаю, что это была не «духовно омерзительная», а нормальная революция переходного периода, когда вся система была в кризисе и наступала эпоха совершенно нового развития страны в условиях индустриализации, буржуазной демократии. Тогда огромная многонациональная, многоконфессиональная Россия была буквально втянута в жернова мирового цивилизационного развития...

Ряд характеристик “Размышлений...” у меня как у историка вызывает сомнение. Мне трудно поверить, что все было так плохо от того, что в России тех времен не обнаружилось “Святой Руси” — пошатнулась вера, не “работала” церковь, и все это, в конце концов, привело к неверию, безбожию, аморальности — люди стали хвататься за топоры и косы, общество стало разваливаться, и все закончилось Октябрем. Я думаю, что это не совсем так. И советую вспомнить знаменитые слова Белинского о том, что русский народ в своей сути народ атеистический. Да, эта “Святая Русь” вырезала сотни тысяч людей во времена восстаний — Разина и Пугачева. Патриархальная, общинная, отсталая, доведенная до ужасающего состояния крепостная Русь жестоко сводила счеты со своими угнетателями. А как Пушкин говорил о народном бунте — ужасном, стихийном, страшном, а это все было в тот период, когда Русь, по мнению Солженицына, была еще “святой”»¹³.

На следующий день в отчете «Российской газеты» мое выступление было охарактеризовано как «неожиданное» и «несрежиссированное». Автор обзора Е. Яковлева отмечала, что «для него (то есть для меня) смысл Февральской революции как раз в противоположном — в том, что она возвела Россию на недосягаемую для того времени высоту свобод, сделала ее, выражаясь современным языком, “мировым демократическим лидером” своего времени¹⁴... “Именно от февраля 1917 года мы начали свое движение в 90-е годы”, — подчеркивал неисчерпаемое одним веком величие событий историк. Наталья Дмитриевна Солженицына стоически внимала интересному оппоненту, хотя и не собиралась отказываться от выстраданной в великих трудах исследования и самой совести позиции мужа»¹⁵.

В своем заключительном слове, которое, однако, не вошло в стенограмму, Наталья Дмитриевна с удивлением назвала мое выступление «незапланированным».

Я пишу об этом не для того, чтобы как-то акцентировать внимание на своей персоне, а для того, чтобы прояснить общую ситуацию с обсуждением «Размышлений» Солженицына. Совершенно ясно, что это была заранее идеологически и пропагандистски спланированная акция. И что самое печальное — и писатель, и его жена были об этом хорошо осведомлены, не говоря уже об организаторах «круглого стола». Я это понял уже в ходе самого обсуждения. Правда, со мной на эту тему никто не говорил, так как люди, причастные к этой акции, были убеждены: бюджетный работник скажет так, как надо власти, тем более, что мои выступления по телевидению и радио до этого времени вовсе не шли в противоречие с общими установками. Впрочем, они действительно были таковыми, так как у меня не было каких-либо сомнений, что власть, несмотря на некоторые начавшиеся зигзаги в сторону советских коммунистических ценностей и очевидных электоральных расчетов и подстроек под антилиберальное большинство народа, является все-таки порождением революционных перемен в обществе и базируется в основном на тех идеалах, которые легли в основу крупных цивилизационных свершений начала 1990-х гг. и были зафиксированы в Конституции 1993 г., несмотря на всю общественную грязь и криминальную составляющую, которые закономерно являлись сопровождением каждых больших революционных перемен в мировой истории, в том числе и российской.

Но нет. Намечался кардинальный поворот, опять же закономерный, общественный откат, присущий уже прожитым человечеством революциям, откат, в который встраивались личные амбициозные, далеко рассчитанные цели власти, направленные на становление авторитарного общества, естественно, с «ручным управлением». Либеральные ценности, в частности, принцип разделения властей, был бы на этом пути закономерным препятствием. Сколько раз цивилизационное движение человечества к духовному и материальному совершенствованию личности становилось жертвой таких откатов, вдохновляемых людьми, рвущимися к личной власти — не счесть им числа! Запрос общества тут же выдвигает на авансцену истории таких людей на время действия этого отката. Это тоже, видимо, один из законов истории.

Становилось очевидно, что мы, сидя в уютном зале за «круглым столом», являемся историческими свидетелями этого исторического поворота. Я не знаю, что думали по этому поводу мои коллеги по обсуждению — Владимир Лукин и Андрей Кончаловский — но было видно, что они тоже несколько смущены. Впрочем, они были настроены довольно критически к тому общественному хаосу, который обычно рождали революции, в том числе и Февральская — этот «трагический срыв» «в процессе перехода страны из состояния традиционного, старого в состояние новое»¹⁶.

По мнению сторонников размышлений Солженицына, Россия должна была ждать, отказавшись от «февральских» свобод, применив против либералов жестокие репрессии. И все только для того, чтобы не дать большевикам возможности взять власть. Думаю, что цена

такого рода действий была бы намного страшнее для цивилизационного развития страны, чем большевизм, хотя и то, и другое исторически ужасно. «Февраль» дал просвет в будущее, предвосхитил демократическую революцию 1989—1993 гг., хотя вскоре его последователи снова столкнулись с авторитарными силами. Движение исторических «качелей» России продолжается.

Но на этом дискуссия не закончилась. В адрес редакции поступило письмо-отклик на «Размышления» Солженицына от известного журналиста и историка Н.К. Сванидзе, раскритиковавшего концепцию писателя.

Не слабую царскую власть, не безвольного Николая II, не его мелких и ничтожных помощников винил Сванидзе в том скатывании в общественный беспредел, который наступил в 1917 году. Эта власть пала при малейшем на нее нажиме всего народа, и «февралисты» здесь не причем. В последующем общественном хаосе виновата слабость и нерешительность Временного правительства, не сумевшего пресечь в корне поползновение большевиков на власть, нежелание либеральных деятелей «пустить кровь» в борьбе за удержание своей власти. И здесь автор ставит вопрос чрезвычайной важности: что можно и что нельзя делать для удержания власти, для исполнения своих честолюбивых целей, утверждения личных амбиций и удовлетворения комплексов. Спасая Николая II от разъяренного народа, 7 марта А.Ф. Керенский заявил перед рабочими в Моссовете: «Сейчас революция протекала бескровно, я не позволю вам ее омрачить». Это был принцип. По мнению Сванидзе, он являлся слабостью «февралистов», поскольку они имели дело с беспощадным, циничным, наглым и абсолютно аморальным противником.

Гуманистический цивилизационный облик Временного правительства автор характеризует теми беспримерными для России демократическими преобразованиями, которые оно провело в жизнь за свою недолгую жизнь. Историк считает, что эти люди руководствовались в своих действиях в первую очередь народным благом, они искренне любили страну, «власть не была их страстью», в частности, они не пошли на выход России из войны, имея в виду геополитические цели страны в преддверии общей с союзниками победы, и тем самым обрекли себя на незащитность перед антивоенной и антигосударственной по сути пропагандой большевиков среди уставших от войны солдат. Большевики в противовес «февралистам» согласились на Брестский мир, отдали Германии огромные территории и обязались выплатить контрибуцию, изолировали себя от победителей, но удержали собственную однопартийную власть, быстро превратившись в диктатуру сначала партии, а затем вождя.

Солженицын же, по мнению Сванидзе, желал вернуть страну в «монархическое, традиционное, общинное» русло и не допустить ее движение по пути «либерального западного цивилизационного» развития. Февральская революция вслед за Великими реформами 1860-х гг. сделала попытку цивилизационного прорыва. В этом ее великая историческая заслуга.

Это письмо участники обсуждения получили вместе с его стенограммой. Оно не было опубликовано и даже нигде не было упомянуто в итоговом обзоре газеты по результатам обсуждения.

«Круглый стол» завершился. Общественный камертон относительно оценки Февральской революции был задан.

5 марта 2007 г. в газете «Известия» выступил некто Виталий Иванов, заместитель гендиректора Центра политической конъюнктуры России со статьей «К юбилею национального позора», имея в виду 90-летнюю годовщину Февральской революции.

Этот человек заявил, что «Февральская революция была едва ли не самым позорным событием отечественной истории, с которым может “конкурировать” разве что утверждение в Москве в 1604 г. Лжедмитрия I или призвание польского королевича Владислава на царство со вступлением в Москву поляков в 1610 году ¹⁷.

Очевидно, автор не знал, что Лжедмитрия I привело в Москву широкое народное движение, что вскоре после восшествия на престол он удалил из Москвы своих польских споспешников и потребовал у Речи Посполитой возвращения исконных русских земель. В России прекратились репрессии, царь вышел к народу, встречаясь с торговцами, ремесленниками, впервые зашла речь о посылке русских людей на учебу за границу и т.д.

Что касается приглашения боярской верхушкой Владислава, то оно было обставлено рядом жестких условий, в том числе переходом королевича в православие, женитьбой на православной, очищением русской земли от польских отрядов, бесчинствовавших от имени разного рода самозванцев. При этом польские войска должны были снять осаду Смоленска, с Польшей предполагалось заключить мир. Но самое главное — фактическая власть в стране переходила к Боярской Думе, которая становилась органом, контролирующим действия нового царя. С самовластием монарха в России предполагалось покончить. Патриарх Гермоген поддержал эти намерения Боярской Думы. Что касается входа польского отряда в Москву, то бояре искали у поляков защиты от осадившего Москву Лжедмитрия II. Общими усилиями войска Думы и польский отряд отогнали самозванца. Поляки же, сорвав переговоры, использовали вошедшие в Кремль войска в своих военно-политических целях, сделали заложниками и жителей Москвы, и пригласивших их бояр. Это была драматическая страница русской истории. Надо было просто взять в руки хотя бы соответствующий том Н.М. Карамзина или С.М. Соловьёва и прочесть, что там написано по этому поводу, не говоря уже о современных работах.

По мнению Иванова Николай II должен был предпринять жесткие меры, «жесткую зачистку» оппозиции, осуществить «малое кровопускание» против «наглевшей на глазах оппозиции», против «заговорщиков» для укрепления «собственного режима» ¹⁸. Не сумев употребить власть, царь отдал страну в руки бездарных деятелей, уничтоживших старый аппарат власти, разваливших фронт и тыл и ввергнувших «страну в пучину революционного хаоса, незаконных буйств отвязавшейся черни и уголовного беспредела» ¹⁹. И это о народе, подавляющее большинство которого с удовлетворением восприняло падение самодержавного режима и водворение в России буржуазно-демократических прав и свобод.

Замечу, что и Солженицын, и его сторонники, обвиняющие Николая II в бессилии, пассивности, безволии в отношении противников режима, вовсе не правы. Мы знаем, что в начале войны радикальные элементы подверглись жестким репрессиям: большевистс-

кие депутаты Государственной думы были арестованы и отправлены в Сибирь. По этому же адресу последовали многие большевистские лидеры и эсеровские активисты. К началу февральско-мартовских событий 1917 г. социал-демократические и эсеровские организации были разгромлены, а их лидеры находились либо в эмиграции, либо на каторге, либо в ссылке. Но в отношении либеральной оппозиции режим не пошел на подобного рода репрессии.

Что касается борьбы за личную власть, то члены Временного правительства, за исключением А.Ф. Керенского, сдавшего страну ради удержания личной власти Ленину в период «мятежа» генерала Корнилова, как раз не отличались властолюбием. Это были образованные, состоятельные, независимые люди. В этом была их колоссальная моральная историческая сила и это же, в условиях противоборства с беспринципным большевизмом, оказалось их слабостью.

В июне 2009 г. все в тех же «Известиях» была помещена статья Е. Бажанова «Китай той поры не был готов к демократии». Речь шла о либерализации китайской молодежи, о времени начала китайской экономической «перестройки» наследниками Дэн Сяопина, о духе свободы, который охватывал китайское общество и о требованиях политических реформ²⁰.

Дело, как известно, закончилось расстрелом китайской молодежи на площади Тяньаньмэнь. Бажанов убеждал читателей, что только так можно было спасти страну от революционного взрыва, который грозил развалом Китаю: «Я верю китайским руководителям, которые говорят: страна не была готова к демократии».

В этих словах видится полный аналог оценок Февральской революции современными охранителями: Россия не была готова к демократии; царизму следовало организовать свой «Тяньаньмэнь», тогда все было бы в порядке.

При этом сторонники подобного подхода забывают простую историческую истину: революции потому и происходят, что власть предрешающие считают ту или иную страну не готовой к демократии. И кто может определить степень этой готовности и запланировано и спокойно «вводить» демократию, то есть отказываться от своего авторитарного правления? Слов нет, эволюционный путь развития общества, насыщенный коренными реформами, назревшими в обществе, гораздо гуманнее и безболезненней, нежели революционные взрывы. Но для этого эти реформы должны проводиться последовательно и бесповоротно. Бескровная революция, поддержанная подавляющим большинством общества, — это тоже не самый катастрофический для общества вариант, что и продемонстрировала Февральская революция.

На исходе 2009 г. в прессе появились новые уничтожающие оценки, как Февральской революции, так и либерализма в целом, под лозунгами которого проходил «Февраль». Круг замкнулся. К началу второго десятилетия XXI в. понятия «Февральская революция», «либерализм» стали в российском политическом лексиконе понятиями ругательными, почти криминальными.

Россия идеологически и политически вступила в новый период своей истории, открытый в том числе и обсуждением брошюры Солженицына «Размышление над Февральской революцией» в 2007 году.

Примечания

1. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. Размышления над Февральской революцией. М. 2007, с. 5.
2. Там же, с. 37, 46.
3. Там же, с. 50—52.
4. Там же, с. 57, 76—77.
5. Там же, с. 75.
6. Там же, с. 58.
7. Там же, с. 71, 92—94.
8. Там же, с. 94.
9. Там же, с. 92.
10. Там же, с. 89.
11. Там же, с. 91.
12. Сайт «Российской газеты». 27.II.2007. Стенограмма обсуждения статьи Солженицына «Размышления над Февральской революцией», с. 1—2.
13. Там же, с. 3—5.
14. Российская газета. 27.II.2007, с. 1, 3.
15. Там же, с. 3.
16. Стенограмма, с. 5.
17. Известия. 5.III.2007.
18. Там же.
19. Там же.
20. БАЖАНОВ Е. Китай той поры не был готов к демократии. — Известия. 4.VI.2009.

Промышленно-финансовая буржуазия и богатейшие фамилии русской аристократии в 1890—1914 гг.

Е.Е. Юдин

Аннотация. В работе дается сравнительная оценка благосостояния русского финансово-промышленного класса и землевладельческой аристократии в так называемую «индустриальную эру» 1890—1914 годов. Последняя представлена тремя богатейшими фамилиями крупных землевладельцев — Юсуповыми, Шереметевыми и Строгановыми. Приводятся сведения о размерах и составе личных состояний представителей этих двух социальных классов.

Ключевые слова: аристократия, буржуазия, собственность, доходы, благосостояние, «индустриальная эра».

Abstract. The article gives a comparative assessment of the welfare of the Russian financial-industrial class and landowning aristocracy in the «industrial age» 1890—1914. The last is represented by three richest families of large landowners — Yusupovs, Sheremetevs and Stroganovs. Also the article provides information on the size and composition of the personal fortunes of members of these two social classes.

Key words: the aristocracy, the bourgeoisie, property, income, wealth, «industrial age».

Значительный рывок, совершенный Россией в 1890—1914 гг. в экономике, способствовал ускоренному оформлению крупных личных капиталов в промышленности, в торговом предпринимательстве и банковской сфере. Традиционно считается, что новая буржуазная элита, добившись экономического доминирования, неизбежно должна была составить конкуренцию в социальной и политической области землевладельческой аристократии. В этой связи интересно рассмотреть соотношение размеров и динамику благосостояния этих двух классов российского общества в так называемую «индустриальную эру» 1890—1914 годов. В одной из своих работ Ю.А. Петров отмечает, что размер личного состояния является важнейшим показателем, характеризующим как процесс капиталистического накопления в целом, так и формирования слоя богатейших предпринимателей. Величина же состояния, основным источником которого служит предпринимательская

Юдин Евгений Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета. E-mail: evgeny_yudin@mail.ru.

Yudin Evgeny E. — candidate of historical sciences, associate professor of the Moscow Pedagogical State University. E-mail: evgeny_yudin@mail.ru.

прибыль, отражает ту долю совокупного общественного продукта, которую предпринимательский класс оставляет за собой в качестве платы за организацию и управление производством. При этом, подчеркивает Петров, в России, как и в других экономически развитых странах начала XX в., отсутствовала официальная статистика богатств¹. Как можно предположить, размеры доходов и благосостояния новой российской буржуазии должны были именно в этот период значительно опередить богатства традиционного землевладельческого класса. В то же время не следует думать, что формирование новой финансовой и промышленной элиты означало падение благосостояния аристократии. Более корректно говорить, что накопление личных капиталов этих двух социальных групп шло параллельно, но разными темпами. Именно опережение со стороны конкурента, а не собственное разорение, вызывало беспокойство и сословную ревность в среде русской землевладельческой аристократии.

В 1890—1914 гг. несколько десятков русских аристократических фамилий могли продемонстрировать динамику роста своего капитала. Ведущие позиции в этом отношении занимали семьи Юсуповых, Шереметевых и Строгановых. Миллионные состояния этих аристократических фамилий в абсолютных цифрах были вполне сравнимы с капиталами крупнейших российских частных банков и компаний. Так, монопольное предприятие «Нобель» в 1913 г. имело акционерный капитал в 30 млн руб. и резервные капиталы в 31 млн рублей². Московский купеческий банк, крупнейший банк Москвы и второй по величине коммерческий банк в империи к 1900 г., обладал основным капиталом в 18 млн рублей. Почти 16 млн руб. в нем приходилось на долю менее 40 семей предпринимателей. В числе крупнейших долеладельцев находились наследники Малютина, Морозовы, Лямин, Вишняковы, Хлудовы³. В 1907 г. паевой капитал Товарищества Никольской мануфактуры Морозовых составил 15 млн рублей⁴. Основной капитал Московского банка, принадлежавшего Рябушинским, равнялся 26 499 000 рублей⁵.

Сложнее определить и подсчитать размеры личных состояний представителей крупной российской буржуазии. Учитывая, что они, как правило, инвестировали свои средства одновременно в несколько компаний, их собственные капиталы должны были оцениваться в сравнимых цифрах, то есть достигать сумм в миллионы и даже десятки миллионов рублей. Определенные данные на этот счет уже давно приводятся в исследованиях. Например, в 1921 г. в Париже объединением российских предпринимателей, осевших в Англии, Германии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Болгарии, Сербии, было проведено анкетирование. Удалось собрать данные 315 членов предпринимательских организаций (одна треть всех участников). Помимо капиталов в акционерных компаниях 63 чел. владело 105 домами (стоимость 93 из них — 82,7 млн руб.), 42 чел. владели 64 сельскохозяйственными имениями (из них 30 стоили 102,7 млн руб.) и 12 — городскими участками. Из 105 домов (доходные дома и домовладения) свыше половины находилось в С.-Петербурге, около 20 — в Москве, по 10 — в Харькове и Киеве. 315 анкетированных участвовали в управлении и контроле над 547 акционерно-паевыми предприятиями, владели 205 неассоциированными предприятиями, имели в собственности 159 объектов недвижимости⁶. В 1914 г. в Российской империи 50

акционерных банков с 778 отделениями имели на своих балансах 6 285 млн руб. в сравнении с 4 624 млн руб. в государственных банках. К 1914 г. 71 российская промышленная компания была зарегистрирована на парижской фондовой бирже. Их общая стоимость составляла 642 млн рублей ⁷. Для сравнения, по уточненным данным американских исследователей П.Грегори и А.Кагана, стоимость сельскохозяйственных производственных фондов в России к 1914 г. равнялась 13 089 млн руб., промышленных — 6 528 млн руб., железнодорожных — 6 680 млн руб., фондов торговли — 4 565 млн рублей ⁸.

Стоимость земель, находившихся в руках дворянства в 50 губерниях Европейской России составляла (по более ранним данным на 1905 г.) 4 040 млн руб., что на 60% превышало общую массу акционерных капиталов в стране ⁹. При этом следует учитывать, что к 1914 г. в руках дворянства оставалось около 15% земель в Европейской России, а значительная часть промышленных, железнодорожных и банковских фондов находилась в руках государства. В целом же можно говорить о сравнимом объеме капиталов, принадлежавших крупной буржуазии и аристократии.

Первые попытки дать оценку капиталам, доходам и благосостоянию русской буржуазии были сделаны еще И.Ф. Гиндиным на примере известного предпринимателя А.И. Путилова. Согласно отчетам крупнейшего в России Русско-Азиатского банка, его акционерный капитал составлял в 1910 г. 35 млн, а в 1916 г. — 55 млн рублей. Доходы председателя правления этого банка А.И. Путилова в 1916 г. состояли из жалования (42 тыс. руб. в год) и дивидендов от прибыли банка (924 тыс. руб.). Однако в этом году Путилов являлся председателем или членом правления 45 предприятий. Сверх его начального заработка в Русско-Азиатском банке в 924 тыс. руб. одни оклады в этих компаниях должны были принести ему 700—800 тыс. руб. и дивидендами самое меньшее такие же суммы ¹⁰. В.Я. Лаверычев также полагал, что пореформенное предпринимательство способствовало «баснословному обогащению» русской крупной буржуазии. Так, товарищество нефтяного производства братьев Нобель возникло с акционерным капиталом в 3 млн руб., а уже в 1884 г. основной капитал предприятия составил 26,7 млн рублей. Известный предприниматель А.К. Алчевский, располагавший в середине 1870-х гг. капиталом в 3—4 млн, в 1890-х гг. имел уже около 30 млн рублей. Выходцы из Австрии, сахарозаводчики Бродские, в конце XIX в. располагали капиталом в 35—40 млн рублей. Представители внешнеторговых фирм в Одессе также обладали огромными богатствами. Состояния Анатра, Масса и др. оценивались более чем в 10 млн руб. каждое, а Ралли — в 25—30 млн рублей. Известными миллионерами являлись владельцы фирм Кнопа и Вогау — варшавские дельцы Блюх и Кроненберг. Они обладали крупнейшими в империи состояниями. В С.-Петербурге помимо Нобелей еще 9 семей имели многомиллионные капиталы. Большая часть из них действовала в сфере экспортной торговли (Кларки, Брандты, Колли, Миллеры) и располагала суммами в десятки млн рублей. Такими же состояниями обладали Штиглицы и Мейеры (банкиры и владельцы Петербургского металлического завода) ¹¹. По свидетельству крупного чиновника Министерства финансов и Государственного банка Е.Э. Картавцева, помимо наследников Штиглица и его родственников Винкенов в конце XIX в. 8 семейств иностранного происхождения в С.-Петербурге имели многомиллионные состояния. Личные капиталы Нобелей и Утеманна оценивались Е.Э. Картавцевым в пределах одного десятка милли-

онов рублей. Состояния наследников Штиглица, Мейеров и других экспортных фирм составляли десятками миллионов. И.Ф. Гиндин отмечает, что все эти цифры основаны на оценках личных состояний в деловых кругах, на конфиденциальных сведениях об имущественном положении, которые требовали от клиентов Государственного банка ¹².

Оставшееся после смерти в 1888 г. крупнейшего железнодорожного магната и банкира С.С. Полякова имущество оценивалось в 31 425 546 руб., из которых на недвижимость приходилось 532 150 руб. (очевидно, стоимость дома на Английской набережной в С.-Петербурге). Наличных денег было всего 8 943 руб., в то время как стоимость процентных бумаг достигала 30 895 553 рублей. Общая сумма наследства, подлежащая оплате пошлиной, составила 16 360 200 рублей. Именно эта цифра была названа при публикации в прессе и стала известна широкой публике ¹³. Интересно, что позднее, во время обострения кризиса в банкирском доме Л.С. Полякова, его владелец был вынужден согласиться на проведение ревизии чиновниками Государственного банка и Особенной канцелярии по кредитной части. В результате этой ревизии Министерство финансов имело уже на 1 декабря 1901 г. полную и достаточно точно отражавшую положение дел картину состояния дома Полякова. При собственном капитале в 5 млн руб. банкирский дом Полякова владел преимущественно в виде банковских и промышленных акций ценными бумагами на сумму 39 млн руб. и недвижимым имуществом на 4,2 млн рублей. Кроме того, промышленным предприятиям было выдано по учету их векселей и в виде ссуд свыше 6 млн рублей. Необходимые для этих затрат средства лишь в незначительной части были получены в виде вкладов (4 млн руб.), а в основном в результате залога ценных бумаг (31,5 млн) и недвижимого имущества (2,3 млн), а также позаимствованы у собственных предприятий (5,5 млн рублей) ¹⁴.

После смерти Надежды Филаретовны фон Мекк (1831—1894), унаследовавшей от мужа, Карла Фёдоровича фон Мекк (1821—1876), крупного предпринимателя и «железнодорожного короля», его состояние, ее имущество за вычетом долгов оценивалось в 5 млн 252,2 тыс. руб., из которых на недвижимость приходилось 240 тыс. руб. (дом в Москве на Рождественском бульваре, дача, земельные владения в Московской губ., в том числе имение Плещеево). Наличные деньги и стоимость ценных бумаг исчислялись в размере 7 млн 301,6 тыс. руб., в том числе акции общества Московско-Казанской железной дороги (5 млн 694,7 тыс.), акции Волжско-Камского банка (1 млн 095 тыс.), акции пароходного общества «Ока» (445 тыс. рублей). Долги банкам по залoгу акций составили 2 млн 289,4 тыс. руб. (в том числе Московскому купеческому банку — 485 тыс., Волжско-Камскому банку — 310 тыс. рублей). Согласно духовному завещанию, наследниками состояния Надежды Филаретовны были объявлены ее дети — Николай, Александр, Максимилиан, Владимир, Александра, Юлия, Лидия, Софья и Людмила ¹⁵. Состояние фон Мекков уже к 1880-м гг. превышало 10 млн руб. и в дальнейшем значительно выросло.

Большой интерес представляют размеры личного состояния крупнейшего представителя финансовой олигархии предреволюционной России Карла Иосифовича Ярошинского ¹⁶. В период предвоенного промышленного подъема (1909—1913 гг.), а затем и в ходе мировой войны Карл Ярошинский и его брат Франц сильно разбогатели. Владея предприятиями по производству и сбыту сахара, они выдвинулись в

число крупнейших сахарозаводчиков России. Установив контроль над Киевским частным коммерческим банком, Ярошинские перешли к операциям с петербургскими банками. Здесь более всего преуспел К.И. Ярошинский, купивший в апреле 1916 г. при участии крупнейшего столичного банка — Русско-Азиатского — одно из ведущих российских финансовых учреждений — Русский торгово-промышленный банк. Состояние Ярошинского на март 1916 г. оценивалось им самим в 26,1 млн руб., а в следующем месяце его размер еще более увеличился за счет спекуляций ценными бумагами различных банков и промышленных компаний. Шведский финансист У. Ашберг, который вел в то время с Ярошинским дела, вспоминал в этой связи: «Сначала он занимал нужные средства, чтобы установить свой контроль над одним банком, а когда прибирал его к рукам, покупал акции другого банка и без труда мог ликвидировать их, заложив в первом банке. Овладев акциями и контролем над вторым банком, он покупал акции третьего банка, осуществляя платежи через второй банк и т.д.»¹⁷. К тому времени этот российский Каупервуд уже переехал в Петроград, поселившись в одном из самых богатых дворцовых особняков на фешенебельной Морской улице (52), в доме Половцова. Тот же Ашберг вспоминал: «Он переехал в Петроград и купил великолепный дворец, который с роскошеством обставил. Через Распутина завязал мощные связи среди русских аристократов, поговаривали, что он должен жениться на одной из царских дочерей». В июне 1916 г. при содействии Ашберга Ярошинский пытался заключить договор о крупном займе, согласно которому некая группа американских капиталистов представила бы группе русских промышленников, возглавляемой им самим, капитал в размере до 100 млн руб. сроком на 5 лет¹⁸.

Благосостояние московской буржуазии в рассматриваемый период также достигло значительных размеров. Основываясь на документах о наследстве 65 крупных московских капиталистов, скончавшихся с 1878 по 1917 гг., Петров приводит сведения об их личных состояниях. Из 65 человек почти у половины (31) наследство превышало 1 млн руб., у 18 — 500 тыс. руб., у 16 оно составляло от 100 тыс. до 500 тыс. рублей. Среди московских миллионеров преобладали представители второго и третьего поколений предпринимательских династий, связанных с текстильным производством и крупной торговлей (Морозовы, Боткины, Перловы, Третьяковы, Рябушинские, Коншины, Алексеевы и др.)¹⁹.

Особенно в этом ряду выделялся семейный «клан» Морозовых, включавший в себя четыре ветви данной фамилии. Уже к 1890 г. Никольская фабрика Морозовых с 17 252 рабочими имела годовой объем производства в 13 302 000 руб., являясь вторым по величине индустриальным предприятием в Российской империи. Товарищество мануфактур С. Морозова было учреждено в 1873 г. с основным капиталом в 5 млн рублей. Стоимость недвижимого имущества составляла 2 259 тыс. рублей. За 26 операционных лет только в качестве дивиденда поступило более 16 млн рублей. Ежегодно на счет запасного капитала отчислялось не менее 20% чистой прибыли. В 1899 г. стоимость недвижимого имущества товарищества оценивалась в 14 595 230 рублей. Таким образом, за 26 лет, в основном за счет капиталовложений из прибыли, она увеличилась более чем в 6 раз. Этим, однако, доходы семьи Т.С. Морозова не ограничивались. Только участие в сделке по покупке Московско-Курской железной дороги при-

несло ему 3 млн рублей. Существенным источником прибылей являлись также ценные бумаги, в том числе акции частных коммерческих банков ²⁰. За 1889—1911 гг. основной капитал Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сына и Ко» вырос в 3 раза — с 5 млн до 15 млн рублей. Запасной капитал этой фирмы за данный период увеличился почти в 3 раза — с 2,8 млн до 8,3 млн руб., капитал «погашения» достиг 20,1 млн, специальный страховой капитал составил 2,1 млн рублей. В целом же с 1873 по 1898 г. счет фабричного имущества Никольской мануфактуры вырос в 8 раз — с 1,7 млн до 13,7 млн рублей. С 1898 по 1903 г. стоимость имущества предприятий Морозова выросла до 17,2 млн рублей. При этом «счет погашения недвижимости» (амортизационный капитал) достиг к 1903 г. 13,1 млн руб. (или 76% стоимости фабричного имущества) при основном капитале в 7,5 млн рублей ²¹.

Глава Товарищества Никольской мануфактуры Т.С. Морозов после своей смерти в 1889 г. оставил состояние в 6,1 млн руб., из которого его вдове — М.Ф. Морозовой — перешло около 5 млн рублей. Она возглавляла правление этого семейного предприятия в течение 22 лет, являясь владелицей контрольного пакета паев. После ее смерти в 1911 г. ее личное состояние превысило 30 млн рублей ²².

Товарищество мануфактур Викулы Морозова было основано в 1882 г. с основным капиталом в 5 млн руб., из которых 2 943 238 руб. приходилось на недвижимое имущество. К концу 1899 г. его стоимость за счет специальных отчислений из прибыли увеличилась в 3,5 раза, составив 11 270 тыс. рублей. За 17 лет в качестве дивидендов владельцам паев, то есть членам семьи и ближайшим родственникам Морозова, было выдано 10 700 тыс. рублей. Общие доходы товарищества за эти годы составили свыше 20 млн рублей. Таким образом, две эти компании Морозовых получали более 1 млн руб. прибыли ежегодно ²³. Компания Викулы Морозова, которая контролировалась другой ветвью этой известной фамилии, занимала шестую позицию среди крупнейших предприятий страны в 1890 г. с годовым производством на 8 725 000 рублей. Другое предприятие Морозовых (Богородско-Глуховская мануфактура), принадлежавшая третьей линии этой семьи, в том же 1890 г. характеризовалось годовым производством в 7 259 000 руб. и занимало 10-е место среди крупнейших предприятий. Наконец, Тверская фабрика, которая контролировалась четвертой ветвью семьи Морозовых, имела годовое производство в 5 877 000 рублей. К 1913 г. стоимость всех предприятий, принадлежавших Морозовым, оценивалась в 44 млн рублей ²⁴. Общее же состояние обширного клана московских предпринимателей Морозовых, по представлениям общества, оценивалось в сотни миллионов рублей. В 1891 г. М.А. Морозов, один из совладельцев Тверской мануфактуры, только на свои личные надобности израсходовал 196 675 рублей ²⁵. Когда Д.А. Морозов, представлявший Богородско-Глуховскую ветвь семьи, в 1893 г. скончался, его личное состояние доходило до 10 млн рублей.

Другие опубликованные в прессе оценки личных состояний представителей московской предпринимательской элиты варьировались от 10 до 30 млн рублей. Г. Хлудов после своей смерти в 1885 г. оставил наследство в 16 млн рублей. П.М. Рябушинский, скончавшийся в 1899 г., завещал своим 8 сыновьям около 20 млн рублей ²⁶.

Как представляется, представители русской буржуазии могли извлекать из своих промышленных и финансовых предприятий гораздо

большие прибыли, исходя из процента на капитал, нежели аристократия из своих земельных владений. Например, компания Викулы Морозова в 1894—1895 операционном году принесла прибыль в 1 020 556 рублей. При основном капитале в 5 млн руб. норма прибыли составила примерно 20%. Прибыль этой же компании в период экономического кризиса снизилась до 822 411 руб. в 1902—1903 гг., но норма прибыли на капитал составила 16%. Одна из самых маленьких текстильных компаний Алексеева-Вишнякова-Шамшина получила прибыль в 1894—1895 гг. в 146 843 руб. при основном капитале в 1 млн руб. (норма прибыли — около 15%). В 1902—1903 гг. прибыль предприятия выросла до 199 318 руб. (около 20%). В то же время Никольская мануфактура Морозовых с основным капиталом в 5 млн руб. принесла чистой прибыли 3 103 000 руб. в 1894—1895 гг. и 3 060 000 руб. в 1902—1903 годах. Таким образом, норма прибыли здесь превышала уже 60%. Правда, Дж.А. Ракман высказывает некоторое сомнение относительно достоверности опубликованной статистики по этим московским компаниям. В то же время она признает, что норма прибыли предприятий Викулы Морозова и Алексеева-Вишнякова-Шамшина была в целом более типичной для московских предпринимателей, чем «фантастические» прибыли Никольской мануфактуры²⁷. В течение 43 лет (1873—1916) Товарищество Никольской мануфактуры Морозовых получило чистой прибыли свыше 101 млн руб. в текущих ценах, из них пайщикам в качестве дивидендов было выдано 42,8 млн руб. (42,3%), а с учетом наградных членов Правления — около 56 млн руб. (55,3%)²⁸. В любом случае, русская аристократия, чья земельная собственность давала норму прибыли на капитал в эти годы в среднем 4—6%, могла только завидовать подобным показателям московских промышленников.

Насколько велики были накопления московских текстильных промышленников, отмечал еще И.Ф. Гиндин. По его расчетам, к 1914 г. главные предприятия четырех ветвей Морозовых имели 44 млн руб. паевых капиталов, целиком принадлежавших самим Морозовым, а вместе с запасными капиталами — 73 млн рублей. При этом предприятия Морозовых имели огромные скрытые резервы — их основные капиталы, достигавшие 95 млн руб., были формально амортизированы на 73%. Фактически же собственные капиталы предприятий достигали 110 млн рублей. Морозовы, подобно другим московским капиталистам, обладали и другой собственностью — земельными владениями до 50 тыс. дес., приобретенными много десятилетий назад по низким ценам и фактически не переоцененными. Располагая материалами, товарами и наличными ценностями в 55 млн руб., Морозовы по существу не имели долгов, так как их задолженность поставщикам и банкам была ниже тех товарных кредитов, которые они предоставляли покупателям. В данном случае Гиндин подчеркивает, что им был уточнен подсчет богатств Морозовых и пересчитан на основании балансов их предприятий на конец 1913 года. Помимо этого, отдельные члены семейства Морозовых владели крупными личными капиталами (домами и другим недвижимым имуществом, паями и акциями)²⁹.

В 1890-е гг. предприятия другой известной семьи московских капиталистов — Рябушинских — набрали максимальный темп, по размеру оборотов уступая среди местных фабрик только знаменитой Тверской мануфактуре Морозовых. В 1899 г. П.М. Рябушинский скончался, оставив наследство своим 8 сыновьям и 5 дочерям. Его состояние

оценивалось в 15 667 тыс. рублей. Если же учесть, что стоимость паев текстильного товарищества была исчислена по номиналу, а фактически паи стоили по крайней мере вдвое дороже, то состояние Рябушинского приближалось к 20 млн рублей. По балансу на 1914 г. основной капитал всего одной текстильной фирмы братьев Рябушинских равнялся 5 млн руб., запасный — 1,4 млн рублей. Стоимость фабрик, строений, земли и машин составляла 7 млн рублей. Ежегодно создавалось продукции на 8 млн рублей. Из чистой прибыли Товарищества за 1912 г. в размере 603 тыс. руб. половина причиталась пайщикам в качестве дивиденда, остальные 300 тыс. были перечислены в амортизационный фонд³⁰. Чистая прибыль банкирского дома Рябушинских выросла с 146 749,93 руб. в 1903 г. до 2 234 503,71 руб. в 1915 году³¹.

Скончавшийся в 1910 г. Александр Фёдорович Второв — директор-распорядитель «Товарищества А.Ф. Второв с сыновьями», оставил имущества на 13 млн рублей. Его сын Н.А. Второв (1866—1918), владелец крупнейшей фирмы по оптовой торговле мануфактурой, в 1907 г. вступил в число директоров Товарищества Коншиных. Он и унаследовал состояние своего отца, значительно увеличив свое личное состояние. К 1917 г. Товарищество серпуховских фабрик Коншиных представляло собой громадную общенациональную ценность. Стоимость имущества оценивалась в 24,1 млн, а объем годового производства превышал 45 млн рублей³².

Как подчеркивал В.Я. Лаверычев, даже образ жизни на широкую ногу не мог поглотить всех доходов московских миллионеров. Эти средства аккумулировались в основном в коммерческих банках Москвы, С.-Петербурга и за границей³³. В то же время Гиндин отмечал, что в целом в 1860—1890-х гг. из «железнодорожных королей» и дельцов-учредителей не сложился влиятельный и устойчивый слой крупной буржуазии (А.К. Алчевский, П.П. Дервиз-сын, частично Л.С. Поляков и С.И. Мамонтов). Все они обанкротились, и во время экономического кризиса 1900—1903 гг. их предприятия превратились в объект правительственной поддержки³⁴. Таким образом, в промышленной и банковской деятельности также встречались сферы с серьезным уровнем рисков. Полная утрата своего состояния была не редкостью в среде «новой» русской буржуазии.

Как представляется, уже к концу пореформенного периода (1880-е гг.) отдельные представители крупной российской буржуазии (в основном в финансовой и железнодорожной сферах) уже обладали состояниями в несколько десятков млн руб., что было сравнимо с богатствами крупнейших землевладельцев. Но именно в 1890—1914 гг. произошел стремительный рост благосостояния русских промышленных и финансовых кругов. Десятки семей русской буржуазии стали обладателями многомиллионных состояний. И, судя по всему, в 1914—1916 гг. в этой среде уже не были редкостью личные капиталы, превышавшие 100 млн рублей. Следует также обратить внимание на источники благосостояния российской буржуазии. Разумеется, значительными суммами оценивалось недвижимое имущество, в том числе земельные владения. Но большая часть капиталов все-таки находилась в промышленных и «бумажных» фондах. Последнее обстоятельство и предопределяло значительное количество свободных средств, которые сосредотачивались в руках промышленного и финансового класса.

Сравнение благосостояния российской промышленной и финансовой буржуазии с личными состояниями трех аристократических

фамилий — Юсуповых, Шереметевых, Строгановых — разумеется, не случайно. По абсолютной стоимости капиталов, размеров доходов и диверсификации источников денежных поступлений эти семьи не имели себе равных среди крупнейших землевладельцев империи. Их экономическое положение демонстрировало те максимальные возможности, которые аристократия могла реализовать в новых условиях капиталистической модернизации. Имеющиеся данные о богатстве и доходах этих фамилий свидетельствуют о значительных размерах благосостояния русской аристократии и о его росте в период 1890—1914 гг. даже в сравнении с представителями крупного российского бизнеса. Более 100 дворянских фамилий входили к началу XX в. в число крупнейших землевладельцев Российской империи (более 50 тыс. дес. земли), из них 26 семей представляли русскую титулованную аристократию³⁵. Так, на 1 января 1897 г. недвижимое имущество графа С.Д. Шереметева оценивалось в 10 706 307 руб. (земельные владения — 7 731 464 руб., городские дома — 1 605 378 руб., недвижимость в имениях — 1 369 465 рублей). Стоимость движимого имущества (земледельческие орудия, машины, скот, капитал) составляла 960 655 рублей. Общий капитал (с учетом задолженности в 0,6 млн руб.) оценивался в 11,67 млн рублей³⁶. На долю земли приходилось 66,3% общей стоимости собственности С.Д. Шереметева, а с учетом движимого и недвижимого имущества в имениях — 86,2%. Значительной была доля и городской собственности — 13,8%. Ежегодный доход его брата, А.Д. Шереметева, в 1913 г. составлял 1 550 000 рублей. Шереметевым принадлежало 25 имений в нескольких губерниях и 6 городских владений (2 — в Москве: Никольский и Воздвиженский дома, 3 — в С.-Петербурге: Фонтанный и Литейный дома, и 1 — в Звенигороде, а также Странноприимный дом в Москве)³⁷. По сведениям на 1 марта 1917 г., капитал графа С.Д. Шереметева в составе земли, городских домов, недвижимого имущества в имениях, движимого имущества и скота оценивался уже в 30,5 млн рублей. Доходы графов Шереметевых в первые годы XX в. составляли несколько сотен тысяч рублей в год и имели постоянную тенденцию к увеличению (1903 г. — 427 600 руб., 1904 — 441 400 руб., 1905 — 346 800 руб., 1906 — 380 100 руб., 1907 — 445 300 руб., 1908 — 464 400 руб., 1909 — 666 200 руб., 1910 — 595 100 руб., 1911 — 657 400 руб., 1912 — 637 200 руб., 1913 — 526 000 руб., 1914 г. — 640 700 рублей)³⁸.

В среднем за предвоенное десятилетие доходы Шереметевых увеличились на треть, но в то же время расходы в эти годы росли опережающими темпами (1903 г. — 659 900 руб., 1904 — 693 400 руб., 1905 — 778 400 руб., 1906 — 1 002 700 руб., 1907 — 900 000 руб., 1908 — 771 500 руб., 1909 — 821 760 руб., 1910 — 878 470 руб., 1911 — 993 200 руб., 1912 — 1 269 700 руб., 1913 — 1 014 100 руб., 1914 г. — 1 067 700 рублей). Как следствие, наблюдался рост общего долга с 2 682 000 руб. в 1902 г. до 6 939 500 руб. в 1915 году. Выплаты платежей по процентам долговых обязательств выросли с 128 000 руб. в 1903 г. до 406 900 руб. в 1915 году³⁹. Но даже в этих обстоятельствах сумма задолженности семьи Шереметевых составила примерно четверть их общего капитала. В целом за период с 1903 по 1915 г. не было ни одного года, когда расходы графа С.Д. Шереметева были бы покрыты полученными доходами, а общий дефицит составил немалую сумму в 2 835,5 тыс. руб. — в среднем по 218,1 тыс. руб. в год. Долги за это время возросли на 4 млн руб. и составили 6 939,5 тыс. руб., а платежи по процентам по

ним — 407 тыс. руб. (1915). В то же время только рост цены за землю дал Шереметевым за 11 лет прирост стоимости в 5 млн руб., тогда как дефицит составлял всего лишь 2,8 млн рублей ⁴⁰.

Огромные земельные владения и капиталы принадлежали к концу XIX в. Строгановым. Произведя в 1871—1876 гг. семейный раздел с братьями и племянниками, выплатив им 1 млн руб., граф С.Г. Строганов присоединил в 1872 г. к майорату свои собственные земли (593 963 дес.), а в 1877 г. ввел в майорат земли своего брата Александра Григорьевича (около 200 тыс. десятин). После смерти в апреле 1882 г. С.Г. Строганова его внук и наследник — граф С.А. Строганов — вступил в управление нераздельного имения, оцененного в 11 млн руб. серебром. Четвертую часть этой суммы (2,75 млн руб.) он в течение 15 лет выплачивал двум своим сестрам — Ольге Александровне (с 1879 г. замужем за князем А.Г. Щербатовым) и Марии Александровне (замужем за С.Ю. Ягминым). В 1893 г. граф Строганов приобрел у Демидовых Уткинский завод с лесной дачей (74 569 десятие). В результате к концу XIX в. в его руках оказались сосредоточены огромные земельные владения в 1 559 908 дес., включавшие 8 заводов ⁴¹. Общий доход графа Строганова составил за 1891 г. 3 391 450 руб. при общем расходе в 3 051 471 рубль. Долги же Строгановых в 1892 г. оценивались в 2 465 320 рублей ⁴². Общий доход за 1892 г. составил 7 398 397 руб. при расходах в 4 766 649 рублей. Только остаток средств на 1 января 1893 г. выражался суммой 2 631 114 рублей ⁴³. Общий доход графа Строганова в 1900 г. составил уже несколько меньшую сумму — 6 668 823 руб. (приход за 1900 г. — 4 721 293 руб. и остаток от 1899 г. — 1 947 529 рублей). Огромные доходы Строгановых определялись масштабами крупного промышленного производства на Урале. Но это требовало постоянных громадных инвестиций, которые и поглощали большую часть прибылей.

В примечании к отчету Главного управления хозяйства графа Строганова указывалось, что независимо от оборотных сумм на 1 января 1901 г. в Государственном банке на хранении находится нераздельного капитала выкупной ссуды Пермского имения в 4% бумагах государственной ренты на 3 943 377 рублей ⁴⁴. На 1 января 1905 г. он составлял 3 922 332 руб., а на осень 1917 г. — 2 390 912 рублей. Этот капитал был в движении. В частности из него в 1905 г. было израсходовано 1 439 126 руб. на покупку крейсера «Русь» для русского флота ⁴⁵. С началом экономического кризиса в России в 1900—1903 гг. все структурные недостатки промышленного комплекса Строгановых на Урале проявились в полной мере, что привело к резкому сокращению производства и падению доходов владельцев. Однако в результате предпринятой модернизации промышленного комплекса и изменения экономической конъюнктуры в 1909—1913 гг. доходы и благосостояние Строгановых вновь стали расти. Строгановское имение на Урале было накануне 1914 г. высокодоходным предприятием. Так, в 1911 г. его чистая прибыль составила 1 818 184,97 рублей ⁴⁶. В 1905—1914 гг. значительно вырос оборотный капитал строгановских предприятий. В 1905 г. он (дебиторы, наличные деньги, векселя) составлял 878 057 руб., а в 1914 г. — 4 939 621 рубль. Чистая прибыль, по данным Главной конторы хозяйства графа Строганова, за 1913 г. составила 633 336 рублей ⁴⁷. Это позволяло графу в предвоенное десятилетие тратить на личные нужды огромные суммы. В том же 1913 г.

его личные расходы составили сумму 356 495 рублей ⁴⁸. Даже на 1 июля 1918 г. (то есть после серьезных потерь в результате событий 1917—1918 гг.) актив строгановских предприятий определялся в 28 268 162 руб. (в том числе: неприкосновенный капитал — 2 233 458 руб.; пакет процентных бумаг — 2 739 133; текущие счета в русских коммерческих банках — 991 336; земли, леса и заводские строения — 21 082 847 рублей) ⁴⁹.

Состояние князей Юсуповых в начале XX в. современникам казалось исключительным даже на фоне других крупных землевладельцев. И для этого были основания. В 1900 г. стоимость имений, дач и домов Юсуповых составляла 21,7 млн руб., в том числе стоимость петербургских домов исчислялась в 3,5 млн, московского дома — в 427,9 тыс., антрацитового рудника — в 970 тыс., сахарного завода — в 1,6 млн, картонной и бумажной фабрик — в 986 тыс. рублей. В 1900 г. Юсуповым принадлежало 23 имения, крупнейшие из которых оценивались в несколько миллионов руб. каждое: Ракитное — 4 млн руб., Милятинское — 2,3 млн, Климовское — 1,3 млн, Архангельское — 1,1 млн рублей. Долги Юсуповых к 1 января 1901 г. составляли 1,8 млн руб., то есть не очень значительную сумму по сравнению с общим объемом капиталов. Таким образом, чистый капитал Юсуповых в 1900 г. составлял 19 851 301 рублей ⁵⁰. Эта оценка основана на данных общего баланса Главного управления по делам и имениям князей Юсуповых, в которые включались сведения о недвижимом имуществе: имениях, земле, лесах, строениях, заводах, движимом имуществе, ценных бумагах. Но помимо этих капиталов, достаточно легко выражаемых в денежном эквиваленте, Юсуповы владели великолепным и многочисленным собранием художественных ценностей, в которое входили картины, скульптурные произведения, коллекция музыкальных инструментов, огромная библиотека. Их реальная стоимость может быть определена весьма условно. Многие из художественного собрания Юсуповых относились к шедеврам мирового значения, что, безусловно, и определяло их огромную материальную цену. Юсуповым принадлежало большое количество изделий из драгоценных металлов и камней, частично составлявших предметы личного, повседневного пользования членов семьи, частично являвшихся предметами украшения резиденций. Хотя за период с конца 1890-х гг. по 1916 г. площадь земельных владений Юсуповых сократилась с 246,4 до 184,4 тыс. дес., стоимость капиталов значительно возросла. Эта тенденция объяснялась как общим ростом цен на землю в имениях, так и развитием инфраструктуры в них, а также ростом промышленных и бумажных фондов, стоимости городской недвижимости. Чистый капитал Юсуповых оценивался в 1896 г. в 18 040 641 руб., в 1897 — в 18 756 639 руб. (с долгами 20 114 948), в 1899 — в 19 275 965 руб. (с долгами 21 336 653), в 1900 — в 19 851 301 руб. (с долгами 21 687 497), в 1904 — в 18 725 895 руб., в 1905 — в 21 589 234 руб. (с долгами 28 659 157), в 1906 г. — в 19 982 803 рублей ⁵¹. В течение всего периода 1890—1914 гг. общие доходы хозяйства Юсуповых исчислялись сотнями тысяч рублей. В 1897 г. прибыль по имениям, фабрикам и городским домам составила 759 637 рублей ⁵². В 1904—1905 гг. прибыль Юсуповых по имениям и городской недвижимости оценивалась в 750 896 рублей. В то же время убытки по имениям, выплатам процентов по ссудам, по учету векселей и личным расходам составляли 904 373 рублей ⁵³. Общие доходы Юсуповых в 1914 г. по-

прежнему достигали огромной цифры в 730,1 тыс. рублей. Хотя чистая прибыль стала уменьшаться, она по-прежнему была достаточно внушительной (1910 г. — 856,6 тыс. руб., 1911 — 797,3 тыс., 1912 — 560,7 тыс., 1913 — 229,9 тыс., 1914 г. — 378,3 тыс. рублей). Во многом это объяснялось значительным ростом денежных сумм, потраченных этой аристократической семьей на личные нужды (1910 г. — 347,4 тыс. руб., 1911 — 440,6 тыс., 1912 — 516,3 тыс., 1913 — 530,7 тыс., 1914 г. — 1 166 тыс. рублей).

Огромная сумма расходов за 1914 г. была вызвана, в частности, экстраординарными тратами Юсуповых по случаю женитьбы молодого князя Феликса на княжне И.А. Романовой. Только перестройка покоев в петербургском дворце Юсуповых на Мойке потребовала более 200 тыс. рублей. Большие суммы тратились и на повседневное содержание резиденций князей Юсуповых — подмосковной усадьбы Архангельское, дворцов в Москве и С.-Петербурге, дома в Царском Селе, роскошных крымских имений Коккоз и Кореиз. В 1914 г. на это были потрачены 325,1 тыс. рублей. Все расходы Юсуповых на личные нужды в 1910—1914 гг. на 57% превысили полученную прибыль⁵⁴. Стоимость капиталов Юсуповых по балансу снизилась в 1910—1914 гг. с 20 198 992 руб. до 18 577 021 рублей⁵⁵.

Начиная с 1911 г. резкое увеличение расходов семьи Юсуповых привело к значительному опережению трат над доходами. Увеличение задолженности Главное управление по делам имений князей Юсуповых списывало за счет капитала. Значительное снижение оценки чистого капитала (на 2 млн за четыре года) уже не компенсировалось ростом в абсолютных цифрах стоимости земельных и прочих фондов.

По данным на 1 января 1914 г., общая оценка капитала (без учета задолженности) по владениям и собственности княгини З.Н. Юсуповой составила 28 204 446 рублей. Эта оценка складывалась из следующих позиций:

1. В кассах Главного управления наличными — 4 192 рублей.
2. На текущих счетах в банках (по Главному управлению) — 26 033 рубля.
3. Долги разных лиц Юсуповым (по Главному управлению) — 1 210 748 руб. (в том числе по ссудам на капитальные затраты по имениям и домам — 408 883 руб.; остальные суммы приходились на долги частных лиц, по закладным обязательствам за проданные земли, по векселям от разных частных лиц, по просроченным векселям; недополучено от Государственного Крестьянского банка за землю, проданную крестьянам села Пруды и Новгородского общества)
4. Процентные бумаги (акции и облигации) — 2 583 816 рублей.
5. Обеспечительные векселя — 300 000 рублей.
6. Полученные залоги — 92 750 рублей.
7. Расходы на постройку храма при станции Мга и железнодорожной ветки в Ракитном — 24 792 рубля.
8. В кассах наличными и в банках на текущих счетах (по имениям, заводам и домам) — 65 149 рублей.
9. Недвижимое имущество (земля в 169 538 дес.) — 18 313 964 рубля.
10. Движимое имущество — 4 844 015 рублей.
11. Дебиторы, долги за разными лицами (по имениям, заводам и домам) — 739 234 рубля.

В то же время общая задолженность по владениям княгини З.Н. Юсуповой составляла огромную сумму в 11 067 257 рублей. Она складывалась из нескольких статей. Задолженность по закладным листам

под имения и дома составляла 1 898 999 руб. (Государственному Дворянскому земельному банку — 309 177 руб., Особому отделу Государственного Дворянского земельного банка — 16 947 руб., Московскому земельному банку — 6 369 руб., Санкт-Петербургскому городскому кредитному обществу по залогу домов в Санкт-Петербурге — 1 566 505 рублей). Долг Азовско-Донскому банку по специальному текущему счету «on call» насчитывал 2 256 746 руб., а Санкт-Петербургской конторе Государственного Банка по соло-вексельному кредиту — 309 025 рублей. Стоимость обеспечительных векселей составляла 300 000 рублей. Долги разным частным лицам — 231 294 рубля. Залоги, подлежащие возврату, оценивались в 243 346 рублей. Амортизационный капитал по страхованию имущества составлял 570 464 рублей. Векселя, выданные «Ее Сиятельству», оценивались в 400 000 рублей. Долги по имениям, фабрикам и домам, принадлежавшим княгине Юсуповой, составляли 4 857 380 рублей. Эта сумма включала в себя: капитал погашения и штрафной — 1 130 379 руб., акциз и переходящие суммы — 1 844 164, ссуды на капитальные затраты по имениям и домам — 394 355, различные кредиты — 1 488 481 рублей. В итоге чистый капитал княгини Юсуповой (за вычетом всей задолженности) составлял на 1 января 1914 г. 17 137 489 рублей ⁵⁶.

Капитал ее мужа, князя Ф.Ф. Юсупова-старшего, оценивался в 1 572 268 руб. (долги составляли всего 30 708 рублей). Капитал их сына, князя Ф.Ф. Юсупова-младшего, равнялся 774 530 руб. (без долгов — 685 708 рублей). Таким образом, общий капитал Юсуповых к 1 января 1914 г. оценивался в 30,5 млн рублей. С вычетом же всех долгов и обязательств (как это делало Главное управление по делам имений Юсуповых) чистый капитал составлял 19 364 758 рублей ⁵⁷. В декабре 1915 г. Главное управление по делам имений князей Юсуповых подвело сравнительный итог динамики капиталов семьи. Состояние княгини З.Н. Юсуповой по общей оценке возросло с 23 108 931 руб. в 1910 г. до 28 204 746 в 1914 году. Но и задолженность в эти годы выросла — с 4 900 246 до 11 067 257 рублей. Таким образом, чистый капитал снизился с 18 208 684 до 17 137 489 рублей ⁵⁸. В целом же общая оценка капиталов князей Юсуповых (учитывая личную собственность Юсупова-старшего и Юсупова-младшего) с 18—19 млн руб. в 1896—1897 гг. возросла до 30 млн руб. в 1914 г., то есть почти на треть. В то же время общая задолженность за этот период увеличилась с 1,5—1,8 млн до 11 млн руб., то есть в 6 раз. Общий же капитал князей Юсуповых к 1 января 1915 г. достиг суммы в 35 835 843 рублей ⁵⁹.

Не стоит думать, что сравнение благосостояния буржуазии и аристократии в России можно строить исключительно на противопоставлении земельной собственности и банковско-промышленного капитала. Значительную часть своего состояния в 1890—1914 гг. аристократия переводила за счет, прежде всего, продажи земли и ипотечного кредита в «бумажные» фонды, что объяснялось вполне прагматическими соображениями. Доходность ценных бумаг часто была выше поступлений от традиционных источников, а владение ценными бумагами не требовало практически никаких расходов. Стало общим правилом переводить часть доходов в акции банков, торгово-промышленных предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог, в закладные листы и свидетельства земельных банков, в облигации государственных банков и т.д. Д. Ливен полагает, что в

России земельные владения, в отличие от английских дворянских поместий, не имели статуса источника гарантированного дохода и очень высокого социального престижа. Как следствие вложение капиталов в акции русская аристократия считала очень удобным⁶⁰. С. Беккер такое использование капитала определяет как альтернативу, либо дополнение к инвестициям в земельную собственность⁶¹. Применительно к масштабам этого явления А.Н. Боханов, в частности, отмечал, что, хотя подсчитать количество буржуа-рантье и определить их сословную принадлежность практически невозможно, в этой группе капиталистов потомственные дворяне «занимали видное, если не основное, место»⁶². В.Я. Лаверьчев полагал, что наиболее значительный удельный вес дворян-рантье был в Санкт-Петербурге. В 1910 г. из 137 825 дворян, учтенных в столице империи, 67 557 жили за счет доходов с ценных бумаг. Стоимость состояний крупных держателей государственных и прочих ценных бумаг определялась внушительными суммами⁶³. Действительно, сохранившиеся финансовые материалы по хозяйствам Юсуповых, Шереметевых и Строгановых показывают, что в 1890—1914 гг. аристократические семьи в России значительно увеличили свои капиталы, выраженные в акциях и других ценных бумагах. В 1901 г. у князей Юсуповых имелось ценных бумаг на сумму 41,1 тыс. руб. (в Государственном дворянском банке). Затем в результате залога Невского сахарного завода (1901), продажи и залога после 1905—1907 гг. нескольких имений образовался большой капитал в виде закладных Петербургского городского кредитного общества, Государственного дворянского банка и 6-процентных свидетельств Крестьянского банка. В 1909 г. последние на сумму 1 337 тыс. руб. были проданы банкиру Вавельбергу. В дальнейшем Юсуповыми был взят курс на увеличение капитала в ценных бумагах, который к 1915 г. составил 5 122 тыс. рублей. Это были акции Белгородско-Сумской железной дороги (370 тыс. руб.), Азовско-Донского банка (75 тыс.), Петербургского международного банка (75 тыс.), Мальцевских заводов (13 тыс.), остальное — различные закладные листы и облигации. При этом велась крупная игра на рынке ценных бумаг. В 1910 г. от этих операций была получена прибыль в 7,7 тыс., а в 1911 г. — 45,6 тыс. рублей. В 1914 г. были проданы все процентные бумаги Петербургского кредитного общества на сумму 983 тыс. руб. с потерей на курсе 323 тыс. и куплены облигации 5-процентного государственного займа 1906 г. на 1 млн с потерей на курсе 26,4 тыс. рублей. Общим итогом операций с бумагами за 1914 г. был убыток в 254,1 тыс. рублей. В 1915 г. были куплены облигации государственных займов 1915 г. на сумму 1,6 млн руб., закладные четырех земельных банков (Херсонского, Бессарабско-Таврического, Полтавского и Ярославско-Костромского) на общую сумму 1 662,5 тыс., а также акции Петроградского вагоностроительного завода на 100 тыс., Бакинского нефтепромышленного общества на 11,4 тыс. и акционерного общества механических и трубочных заводов П.В. Барановского. Всего было куплено акций на 3,4 млн рублей. В том же 1915 г. было продано процентных бумаг на сумму 3 769 тыс. рублей. В следующем 1916 г. операции с ценными бумагами продолжились. Они, как и операции предыдущего года, уже отражали реалии далекой от стабильности и определенности ситуации военного времени⁶⁴.

Как крупные уральские промышленники Строгановы изначально имели значительный капитал в виде банковских вложений и ценных

бумаг. По данным за 1891 г., на текущих счетах графа С.А. Строганова в Государственном банке, в Санкт-Петербургском международном и Волжско-Камском банках находилось 441 291 рубль. Кроме того, ему принадлежали акции, облигации и другие процентные бумаги на сумму в 39 тыс. рублей. Также в руках графа Строганова находились долговые обязательства в векселях Г.Д. Нарышкина и барона А.Е. Мейендорфа на сумму 503 830 рублей⁶⁵. К январю 1900 г. на банковских текущих счетах графа Сергея Александровича Строганова находилось 308 561 руб. (278 119 в Санкт-Петербургском международном банке, 29 936 в Волжско-Камском банке, 505 руб. в Государственном банке). Кроме того, ему принадлежали ценные бумаги на общую сумму 111 367 руб. (4% государственная рента на 103 118 руб., билеты 1-го и 2-го внутренних займов на 5 205 руб., облигации С.-Петербургского городского кредитного общества на 3 044 рубля)⁶⁶.

Интересные выводы относительно финансовых операций Строгановых были сделаны С.К. Лебедевым, специально изучавшим вопрос участия этой семьи в деятельности крупнейшего российского банка — С.-Петербургского международного. Еще в 1878 г. графиня Татьяна Дмитриевна Строганова (урожденная Васильчикова) и ее сын, граф Сергей Александрович Строганов, покрыли 2 820 акциями этого банка, а также 645 акциями Центрального банка Русского поземельного кредита свои долги в 450 067 руб. по векселям графини егермейстеру графу П.К. Ферзену (прежде женатому на Ольге Павловне Строгановой). Таким образом, между родственниками произошло перераспределение крупного пакета акций С.-Петербургского международного банка. Лебедев полагает, что семейная группа Строгановых и их родственников Ферзен имела значительные интересы в данном банке и, по-видимому, согласовывала между собой представительство своих акций и управление ими. Строгановы были крупнейшими акционерами банка уже с 1876 года⁶⁷. В 1878 г. текущие счета конторы Строгановых распределялись между Государственным (1 844 руб.) и 5 коммерческими банками: С.-Петербургский международный (434 414 руб.), Волжско-Камский банк (31 915), Петербургский частный (1 795), Коммерческий банк в Варшаве (595), Петербургский учетно-ссудный банк (246 рублей)⁶⁸. С конца 1870-х гг. Строгановы обладали самым крупным пакетом акций С.-Петербургского международного банка и использовали в своих финансовых операциях доверенных лиц. В целом, как отмечает Лебедев, акции Строгановых-Ферзен в числе представленных на собраниях акционеров в конце 1880-х гг. доходили до одной трети. Так, в 1876 г. через управляющего Главной конторой Н.Н. Анцифорова и его помощника В.А. Желватых Строгановы представили 1 040 и 209 акций первого выпуска и 4 654 и 1 108 акций второго соответственно. В 1879 г. эта группа представила 5 495 акций (27,1% в собрании акционеров). В январе-марте 1881 г. Строгановы приобрели 411 акций банка. В 1889 г. пакет составил от 4 305 (25,4%) до 5 505 акций (32,7%). К началу XX в., в период экономического кризиса, когда банк понес тяжелейшие убытки в связи с понижением всех ценных бумаг, Строгановы сократили свой пакет акций. Так, в 1899 г. им принадлежало 3 497 акций (14,5%). В 1900 г. граф Н.П. Ферзен⁶⁹, граф Н.С. Строганов, Н.Н., а также Анцифоров, Желватых и его сын В.В. Желватых, Г.И. Цепенников, С.А. Римский-Корсаков и А.Ф. Мерценфельд (все последние — служащие Строгановых) представили 4 580 акций (16,6%). К собранию же акционеров у

этой группы осталось 3 915 акций (12%). В 1901 г. ее представили оба Желватых и граф Ферзен с пакетом в 2 547 акций (10%). В дальнейшем участие Строгановых в собраниях акционеров С.-Петербургского международного банка уже не отмечается. Лишь граф Ферзен продолжал владеть пакетом в размере 3 000 — 3 300 акций. В мае 1917 г. он дополнительно купил 2000 акций банка ⁷⁰.

С.К. Лебедев отмечает, что взаимоотношения банка и промышленности в России того времени всегда сводилось к схеме захвата банка либо другого предприятия с целью контроля какой-либо группы над отраслью промышленности. По его мнению, нет сведений, что Строгановы пытались путем контроля над С.-Петербургским международным банком препятствовать росту своих отраслевых конкурентов на юге России. Напротив, в период влияния Строгановых банк внедрялся в промышленность новых экономических районов. Строгановы, как владельцы уральских металлургических заводов, должны были бы препятствовать этому. Возможно, так и было, подчеркивает Лебедев, но интересы иностранных инвесторов взяли тогда верх в С.-Петербургском международном банке. Однако представитель Строгановых оставался председателем правления банка вплоть до 1900 года. Объяснение заключается в том, что со стороны Строгановых это был не предпринимательский тип контроля, а рантье́рский, известный на Западе, когда группа (даже промышленная) контролирует банк с конгломератом его предприятий и связей в основном для стабилизации собственных доходов. Таким образом, пакет акций С.-Петербургского международного банка был для Строгановых вложением в доходные бумаги в расчете на прибыль, без планов экспансии или доминирования в отрасли ⁷¹.

Постепенное прекращение участия Строгановых в деятельности банка в первые годы XX в. отражает неизбежное замещение аристократии в этой сфере новым слоем капиталистов, менее щепетильных и стремящихся к другим целям. Однако это не означало снижение размаха финансовых операций через коммерческие банки, которые осуществляли доверенные лица графа С.А. Строганова. В результате в последующие годы в размещении текущих счетов Строгановых в банках произошли изменения. Так, например, в 1900 г. на счету С.-Петербургского международного банка находилось всего 10 599 рублей. К 1914 г. наличные средства на текущих счетах распределялись следующим образом: Азовско-Донской банк (682 145 руб.), Русский для внешней торговли банк (38 476), Русский торгово-промышленный банк (110 100), Волжско-Камский банк (12 301), Государственный банк (20 521 рубль). Крупнейшим деловым партнером Строгановых к этому времени стал Азовско-Донской банк ⁷². По сведениям на 1 августа 1915 г., сальдо по текущим счетам графа Строганова в Русском сельскохозяйственном, Волжско-Камском и Азовско-Донском банках составило 1 177 335 рублей. На вкладах в Русском сельскохозяйственном и Азовско-Донском банках находился 1 млн рублей. В 1915 г. общая сумма на текущих банковских счетах графа Строганова оценивалась в 2 177 335 рублей ⁷³. Крупные финансовые операции продолжались вплоть до осени 1917 года. Сохранились, например, документы, которые указывают, в частности, что в июне 1916 г. графом Строгановым был открыт счет в National City Bank в Нью-Йорке на сумму 6 900 долларов. 23 февраля 1917 г. руководство банка сообщало графу, что его счет был кредитован на сумму 4 016 долларов ⁷⁴. Среди архивных материалов Санкт-Петербургской конторы владений

Строгановых сохранился список (датированный 9 августа 1918 г.) банков, в которых находились к этому времени денежные суммы, принадлежавшие графу С.А. Строганову. На текущих счетах в банках насчитывалось 808 841 руб., в том числе в Русском для внешней торговли — 9 762 руб., в Волжско-Камском коммерческом — 10 795, в Русском торгово-промышленном — 110 000, в Азовско-Донском — 643 527, в Государственном банке — 3 257, в Центральном банке Общества взаимного кредита в Петрограде — 31 428 рублей. Кроме того, графу Строганову принадлежало процентных бумаг и векселей на сумму 593 748 рублей ⁷⁵.

Семья Шереметевых также переводила часть своих капиталов в «бумажные» фонды. Уже в 1894 г. у графа А.Д. Шереметева было ценных бумаг на 7 578,7 тыс. руб., принесших доход в 353,6 тыс. рублей. С 1902 по 1913 г. номинальная цена ценных бумаг возросла с 9 432,5 тыс. руб. до 19 335,3 тыс. руб., а доход от них с 400 тыс. — до 944,3 тыс. рублей. Большинство бумаг составляли свидетельства Крестьянского поземельного банка (6,2 млн руб.), закладные листы Дворянского земельного банка (1,2 млн) и частных земельных банков. С ценными бумагами велась крупная игра: в 1913 г. их было куплено на 4 123 тыс. руб. и продано на 4 390 тыс. рублей ⁷⁶. Граф С.Д. Шереметев пользовался дивидендами за счет капитала следующих учреждений: Странноприимный дом в Москве, богадельня в Кусково, церковь великомученицы Варвары, Императорское общество любителей древней письменности. К 1 января 1898 г. этот капитал насчитывал 1 029 850 руб., а к 1 января 1901 г. — 1 129 650 рублей ⁷⁷. К 1 марта 1917 г. из общей суммы состояния графа Шереметева в 30,5 млн руб. 51% приходился на земельную собственность, 28% — на городскую недвижимость и почти 19% — на акции и облигации ⁷⁸.

На первый взгляд значительное увеличение доли акций и других ценных бумаг в составе капитала богатейших русских аристократических семей могло свидетельствовать о сближении их экономического положения с представителями промышленно-финансовой буржуазии с точки зрения источников благосостояния и экономической стратегии. При более пристальном рассмотрении все-таки следует отметить значительные различия в интересах крупнейших землевладельцев и буржуазии к подобного рода финансовым операциям. У самих членов семей Юсуповых, Шереметевых, Строгановых и их поверенных в делах в общем-то отсутствовали предпринимательские намерения. Перевод значительной части капиталов в так называемые «бумажные» фонды, операции с ценными бумагами определялись в первую очередь ярко выраженным рантьеерским интересом. В то же время объективно заинтересованность аристократии в получении устойчивой прибыли посредством вложения своих средств в частные коммерческие банки и акционерные компании сближала их с буржуазными кругами российского общества.

К концу пореформенного периода (1880-е гг.) личные состояния единичных представителей финансовых и промышленных кругов достигали десятков миллионов рублей и могли равняться богатствам крупнейших землевладельцев аристократического происхождения. В то же время десятки аристократических фамилий в целом были значительно состоятельнее, чем большая часть русской промышленной буржуазии. В период 1890—1914 гг. ситуация менялась. Именно в эти годы общие доходы и объемы капиталов русского буржуазного

класса начали стремительно опережать благосостояние крупных землевладельцев. Особенно динамика роста богатств в промышленной и финансовой сферах увеличилась в период промышленного подъема 1909—1913 гг. и военный период 1914—1916 годов. Пожалуй, ни одна русская аристократическая семья, и даже Юсуповы, Шереметевы и Строгановы, в это время не могла сравниться по доходам и общей стоимости капиталов с, например, Рябушинскими, Морозовыми или Путиловым, чьи состояния явно превышали 100 млн рублей. Предельные значения в оценке собственности этих трех богатейших аристократических фамилий достигали 30 млн рублей. В то же время следует отметить, что в отличие от существующих представлений, благосостояние русской землевладельческой аристократии в 1890—1914 гг. значительно выросло. Эта тенденция вполне объяснима. Наряду с постоянным ростом цен на землю, улучшением сельскохозяйственной конъюнктуры владельцами осуществлялись и значительные вложения в развитие собственного хозяйства. Обращает на себя внимание и другая особенность экономического положения русской аристократии. Большая часть ее капиталов была сосредоточена в виде земельной собственности, а также в виде непроизводительных фондов (роскошных дворцовых резиденций, предметов искусства и роскоши), что значительно затрудняло использование свободных денежных средств. Это являлось серьезной проблемой на пути адаптации хозяйств крупных землевладельцев к изменившимся экономическим условиям индустриальной эпохи, но в то же время способствовало поиску новых источников доходов и трансформации старых. В отличие от аристократии капиталы русской буржуазии сосредотачивались в тех фондах (промышленных и финансовых), которые не только давали значительно больший процент прибыли, но и позволяли увеличивать и активно использовать свободные денежные средства. Основные капиталы аристократии заключались в земельных владениях. В то же время развитая система кредитования в России, включавшая в себя сеть государственных и частных земельных банков, позволяла крупным землевладельцам прибегать к ипотеке на достаточно выгодных условиях. Появлялись значительные средства для реорганизации хозяйства в имениях и различных финансовых операций. Сопутствующим явлением становился рост ипотечной задолженности крупных землевладельцев. В то же время, если примерно две трети стоимости капиталов аристократических семей приходилось на земельные владения, то, соответственно, треть стоимости — на городскую недвижимость и ценные бумаги. В условиях индустриального роста собственность в городах становилась важнейшим фактором повышения благосостояния аристократии. Резко возросло значение именно в период 1890—1914 гг. так называемых «бумажных» фондов. В последнем случае мы можем констатировать целенаправленную экономическую стратегию большинства крупных землевладельцев. В этом проявляется совпадение экономических интересов крупной буржуазии и аристократии. Наконец, сравнение благосостояния аристократии и буржуазии по-новому заставляет посмотреть на общую проблему уровня развития капитализма в России. Именно 1890—1914 гг. стали тем периодом, когда частные капиталы в промышленности и банковском секторе стали преобладать в абсолютных цифрах над богатствами крупнейших землевладельцев.

Примечания

1. ПЕТРОВ Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М. 2002, с. 59—60.
2. ГИНДИН И.Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник. В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М. 1964, с. 109.
3. RUCKMAN J.A. The Moscow business elite: a social and cultural portrait of two generations, 1840—1905. De Kalb. 1984, p. 56.
4. ПОТКИНА И.В. На Олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797—1917. М. 2004, с. 55.
5. АНАНЬИЧ Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М. 2006, с. 167.
6. Российские предприниматели в начале XX века. По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже: публикация документов. М. 2004. с. 12—13.
7. ANANICH V. The Russian economy and banking system. In: The Cambridge History of Russia. V. II. Imperial Russia, 1689—1917. Cambridge. 2006, p. 419—421.
8. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб. 1995, с. 34.
9. ДЯКИН В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978, с. 12.
10. ГИНДИН И.Ф. Ук. соч., с. 98, 105.
11. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М. 1974, с. 73.
12. ГИНДИН И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. — История СССР. 1963. № 2, с. 71.
13. АНАНЬИЧ Б.В. Ук. соч., с. 109.
14. Там же, с. 126—127.
15. ПЕТРОВ Ю.А. Состояние по наследству: московские богачи в конце XIX — начале XX века. — Былое. 1992, № 7, с. 11.
16. Ярошинские принадлежали к роду польских крупных землевладельцев, имения которых располагались на Украине, недалеко от Винницы. В 1834 г. Ярошинские получили дворянство. В 1911 г. при посещении Киева императором Николаем II брат Карла Франц был произведен в камер-юнкеры. Используя в дальнейшем придворные связи, братья занялись предпринимательской деятельностью с целью увеличения своего состояния. ФУРСЕНКО А.А. Концерн К.И. Ярошинского в 1917—1918 гг. В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб. 1991, с. 265.
17. Там же, с. 266—267.
18. Там же, с. 266, 268.
19. ПЕТРОВ Ю.А. Московская буржуазия..., с. 63.
20. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Ук. соч., с. 72.
21. СОЛОВЬЁВА А.М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России в конце XIX — начале XX века. — История СССР. 1984, № 3, с. 39.
22. Там же, с. 47.
23. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Ук. соч., с. 72—73.
24. RUCKMAN J.A. Op. cit., p. 60.
25. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Ук. соч., с. 73.
26. RUCKMAN J.A. Op. cit., p. 66.
27. Ibid., p. 65.
28. ПОТКИНА И.В. Ук. соч., с. 67.
29. ГИНДИН И.Ф. Русская буржуазия..., с. 63.
30. ПЕТРОВ Ю.А. Московская буржуазия..., с. 156, 160—161.
31. АНАНЬИЧ Б.В. Ук. соч., с. 160.
32. ПЕТРОВ Ю.А. Московская буржуазия..., с. 138, 373.
33. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Ук. соч., с. 73.
34. ГИНДИН И.Ф. Русская буржуазия..., с. 69.
35. Благополучие русской аристократии в период 1890—1914 гг. рассматривалось в следующих работах: АНФИМОВ А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М. 1969; МИНАРИК Л.П. Экономическая

- характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М. 1971; BECKER S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. De Calb, 1985 (русский перевод: БЕККЕР С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.); LIEVEN D. The Aristocracy in Europe. 1815—1914. London. 1992 (русский перевод: ЛИВЕН Д. Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб. 2000).
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 3749, л. 1об.
37. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1088, оп. 4, ед. хр. 36, л. 29.
38. Там же, ед. хр. 175, л. 3об.—4.
39. Там же, л. 3—4.
40. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 315—316.
41. БУРАНОВ Ю.А. Финансовое положение хозяйства Строгановых в начале XX в. В кн.: Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. Свердловск. 1980, с. 110; ЕГО ЖЕ. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М. 1982, с. 25.
42. РГАДА, ф. 1278, оп. 2, ед. хр. 403, л. 1—15.
43. Там же, ед. хр. 406, л. 61—63.
44. Там же, ед. хр. 414, л. 17—35.
45. БУРАНОВ Ю.А. Ук. соч., с. 110.
46. ШУСТОВ С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX — начале XX вв. Пермь. 2008, с. 247.
47. РГАДА, ф. 1278, оп. 2, ед. хр. 425, л. 3об.
48. Там же, ед. хр. 427, л. 3об.—4.
49. БУРАНОВ Ю.А. Ук. соч., с. 115.
50. РГАДА, ф. 1290, оп. 5, ед. хр. 347, л. 10.
51. Там же, ед. хр. 297, л. 3; ед. хр. 327, л. 2; ед. хр. 347, л. 10; ед. хр. 657, л. 2.
52. Там же, ед. хр. 297, л. 54.
53. Там же, ед. хр. 657, л. 1—2.
54. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 277, 312—313; РГАДА, ф. 1290, оп. 5, ед. хр. 1007, л. 3.
55. Там же, л. 2.
56. Там же, ед. хр. 1003, л. 12—14.
57. Там же, л. 14—16.
58. Там же, ед. хр. 1084, л. 2—11.
59. Там же, ф. 1290, оп. 5, ед. хр. 1081, л. 17.
60. ЛИВЕН Д. Ук. соч., с. 163.
61. БЕККЕР С. Ук. соч., с. 80.
62. БОХАНОВ А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М. 1992, с. 171.
63. ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Ук. соч., с. 72.
64. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 286—287.
65. РГАДА, ф. 1278, оп. 2, ед. хр. 403, л. 1—2.
66. Там же, ед. хр. 414, л. 16об.
67. ЛЕБЕДЕВ С.К. Аристократическое лицо С.-Петербургского международного коммерческого банка: от Строгановых до Бернардаки. В кн.: Россия в XIX—XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб. 1998, с. 81.
68. Там же, с. 84.
69. Полковник лейб-гвардии Уланского полка, адъютант главнокомандующего войск гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича, сын егермейстера П.К. Ферзена и О.П. Строгановой.
70. ЛЕБЕДЕВ С.К. Ук. соч., с. 85—86.
71. Там же, с. 86—87.
72. Там же, с. 84.
73. РГАДА, ф. 1278, оп. 2, ед. хр. 678а, л. 1.
74. Там же, оп. 4, ед. хр. 896, л. 1, 7.
75. Там же, оп. 2, ед. хр. 681, л. 1—1об.
76. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 286.
77. РГАДА, ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 5923, л. 20—21; ед. хр. 5927, л. 26об.—27.
78. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 286—287.

П.А. Левашёв и его сочинение «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров»

М.А. Петрова

Аннотация. Работа посвящена малоизвестному публицистическому сочинению 1792 г. русского писателя П.А. Левашёва «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров», целью создания которого было подтвердить статус России, «первейшей на земном круге монархии», и право российских государей на императорский титул. Анализ выявленной в Российском государственном архиве древних актов рукописи этого сочинения позволяет сделать вывод о влиянии на него европейской публицистики, в частности труда французского писателя Жана Руссе де Мисси «Мемуары о ранге и первенстве европейских государей и министров, их представляющих, облеченных различным характером», опубликованного в 1746 году.

Ключевые слова: Жан Руссе де Мисси, историческая публицистика, титул российских императоров, дипломатическая практика.

Abstract. The work is devoted to a little known political essay «About the precedence of European monarchs, their ambassadors and ministers» (1792) written by the Russian writer Pavel A. Levashov who aimed to confirm the status of Russia as a first power in the international arena and the right of Russian rulers to the title of Emperor. The manuscript of this essay revealed in the Russian State Archives for ancient acts suggests the influence of the European journalism, in particular the work of the French writer Jean Rousset de Missy «Mmoires sur le rang et la prsidence entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres», printed 1746.

Key words: Jean Rousset de Missy, historical journalism, title of Russian, diplomatic practice.

Дипломат, переводчик, публицист Павел Артемьевич Левашёв, чье имя как сочинителя стихов еще при жизни попало в «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный в 1772 г. известным просветителем Н.И. Новиковым ¹, а спустя 200 лет — в «Словарь русских писателей XVIII века», подготовленный Пушкинским домом ², оставил обширное литературное наследство. Изучено оно фрагментарно, как и биография этого незаурядного человека, прожившего долгую, насыщенную событиями жизнь.

Петрова Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. E-mail: maria.petrova@bk.ru.

Petrova Maria A. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of World History. Russian Academy of Sciences. E-mail: maria.petrova@bk.ru.

Год рождения Левашёва долгое время был неизвестен. В альманахе «Московский некрополь» утверждалось, что он скончался 11 июля 1820 г.³ на 121-м году жизни, то есть родился в 1700 году⁴. Новиков указывал 1719 год. Этой даты обычно и придерживались исследователи, ссылаясь на сочинение самого Левашёва «Любопытная история славного города Одессы», в котором он писал: «Будучи еще в молодых своих летах, находился в городе Азове при родственнике своем генерал-аншефе Василье Яковлевиче Левашёве, в 1738 г. был в Крымском походе и произведен офицером»⁵. Речь идет о знаменитом военачальнике, участнике Азовских походов Петра I, Персидских походов 1722—1723 гг., Крымских походов Х.А. Миниха в годы русско-турецкой войны 1735—1739 гг., основателе Кизлярской крепости на Кавказе. В каких конкретно родственных отношениях состояли Василий Яковлевич и Павел Артемьевич, выяснить пока не удалось.

В так называемой формулярной ведомости службы, которую Левашёв составил в марте 1802 г., ходатайствуя о получении ордена равноапостольного князя Владимира, указано: «Действительной статский советник Левашёв, в военной службе находился с 1737-го года по 1750-й год; бывал в прежних турецких походах в сраженьях и при осаде крепостей; а с 1750-го по 1778-й год находился он, Левашёв, при Государственной Коллегии Иностранных дел, и употребляем был по большей части при миссиях вне государства, где занимал он разные важные посты, а что он служил с отличностию оное доказывают разные Монаршие награждения: чинами, деревнями, денгами, и пенсией; всей же его в военной и статской службах бытности слишком 40 лет»⁶.

Недавняя публикация так называемых «скасок», или автобиографий, чиновников елизаветинской эпохи, подготовленная К.А. Писаренко по материалам Российского государственного архива древних актов, позволяет вычислить, что родился Левашёв в 1726 или 1727 г., поскольку на момент составления автобиографии, 28 мая 1754 г., ему было 27 лет. Следовательно, на военную службу в 1736 г. (а именно эта дата указана в составленном им собственноручно документе) он был определен по обычаю того времени еще ребенком. 29 мая 1737 г. Левашёв получил чин прапорщика, 15 мая 1740 г. — подпоручика, в июле 1747 г. произведен в поручики, а в 1751 г. — в капитаны⁷.

Происходил Левашёв из древнего дворянского рода. Его отец владел землями в Ряжском и Пронском уездах Рязанской губернии⁸. О количестве душ Павел Артемьевич не смог предоставить сведений, пояснив, что «от самых моих малых лет завсегда от дому своего в отлучении находился». В 1741—1743 гг. он служил офицером Астраханского полка, воевал в Финляндии под началом своего родственника⁹.

В 1750 г. по распоряжению канцлера А.П. Бестужева-Рюмина¹⁰ Левашёв был отправлен с «нужными депешами» в Стокгольм и Копенгаген, а потом получил приказ остаться при датском дворе офицером посольства при российском посланнике Иоганне Альбрехте фон Корфе. Курляндец по происхождению, Корф был образованным человеком, страстным книголюбом. С 1734 по 1740 г. он возглавлял Императорскую академию наук. Его обширное книжное собрание, насчитывавшее 35 тыс. томов, впоследствии была куплена Екатериной II¹¹. Есть основания предполагать, что Левашёв имел возможность пользоваться библиотекой Корфа и таким образом существенно расширить свои познания в области истории, междуна-

родного права и иностранных языков. В 1752 г. Левашёва перевели в качестве дворянина посольства в Дрезден под начало российского полномочного министра Германа Карла фон Кейзерлинга. Когда тот получил назначение в Вену в ранге чрезвычайного и полномочного посла, Левашёв последовал за ним ¹².

31 декабря 1756 императрица Елизавета Петровна учредила в Регенсбурге дипломатическое представительство России при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи германской нации, назначив туда резидентом Георга Генриха Бюттнера. Согласно распоряжению Коллегии иностранных дел от 31 марта 1757 г., в помощь ему был определен Левашёв, местом пребывания которого по-прежнему оставалась Вена ¹³. 16 февраля 1758 г. резидент Бюттнер неожиданно умер, и руководство миссией перешло к Левашёву. В Регенсбург он прибыл 5 марта 1758 г., однако 17 октября резидентом назначили секретаря посольства в Вене Ивана Матвеевича Симолина. 23 апреля 1761 г. Елизавета Петровна поручила Симолину отправиться в качестве секретаря российской делегации на мирный конгресс в Аугсбург, который должен был состояться в конце 1761 г., чтобы подвести итоги Семилетней войны. Замещать его должен был Левашёв. Конгресс, как известно не состоялся, и 15 марта 1762 г. оба дипломата получили предписание вернуться на прежнее место службы ¹⁴.

23 июля 1763 г. Симолин был отозван из Регенсбурга, а Левашёв, которому вновь могли предложить представлять интересы России при рейхстаге, попросил отправить его в Константинополь. Регенсбург — важнейший политический центр Священной Римской империи германской нации — в системе дипломатических представительств Европы занимал особое место, поскольку не был двором в привычном понимании, где монарх принимает политические решения. Рейхстаг являлся собранием посланников имперских штатов — курфюрстов, светских и духовных князей. Иностранные дипломаты, в том числе российские, не могли в полной мере проявить себя на этом посту и при первой возможности стремились покинуть его. Просьба Левашёва была удовлетворена, поскольку резиденту в Константинополе Алексею Михайловичу Обрескову по слабости здоровья требовалась помощь. Из столицы Османской империи новый поверенный в делах канцелярии советник Левашёв писал вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну 12 июля 1764 г.: «В протчим ежели бы я искал токмо жизни тунеядственной, то конечно бы не предпочел я регенсбургскому посту здешней толь многотрудной и безпокойной...» ¹⁵

Дипломатическая карьера Левашёва в Константинополе не задась: Высокая Порта отказывалась официально признавать его поверенным в делах при наличии действующего резидента. Тем не менее, он не был отозван и наравне с Обресковым регулярно получал инструкции из Коллегии иностранных дел, а отсутствие аккредитации предоставляло больше возможностей для разведывательной деятельности. Когда 25 сентября 1768 г. Османская империя объявила войну России, и Обресков вместе с другими сотрудниками константинопольской миссии был заточен в Семибашенный замок, Левашёв какое-то время оставался на свободе. Рискуя жизнью, он смог тайно отправить в Россию двух курьеров с известием о том, что султан Мустафа III приказал крымскому хану Крым-Гирею напасть на приграничные с Россией территории. За это Левашёв был арестован и тоже посажен в Семибашенный замок, но «через таковое предвари-

тельное о том известие пограничные селения спасены были от всеконечного их разорения и опустошения»¹⁶.

В заключении сотрудники российской миссии пробыли до марта 1769 г., а потом были взяты турками в действующую армию, разделив с ними все тяготы военной жизни, и освобождены лишь в мае 1771 года. Левашёв, по его собственным словам, «окроме разных мук и смертных страхов и в своем имении разорение и убытки претерпел»: его дом в Константинополе был разграблен, от вещей ничего не осталось, последние деньги были истрачены на подкуп янычар, чтобы хоть как-то выжить в ходе военной кампании¹⁷.

По именному указу Екатерины II от 15 ноября 1771 г. Левашёв получил чин действительного статского советника. Вернувшись в Россию, он занимался подготовкой драгоманов (переводчиков с восточных языков) при Коллегии иностранных дел, готовил «письменные представления» для российского правительства «с примечаниями, относящимися до турецкой войны, и о пользе Крыма и Кубани и о способах для покорения оных областей»¹⁸. В 1778 г. Левашёв вышел в отставку. Екатерина II пожаловала ему земли в Рогачевском уезде Могилевской губернии, где он и жил, занимался литературным творчеством, периодически приезжая в Москву.

Проба пера для Левашёва состоялась в Вене. Именно там он в 1757 г. перевел на русский язык двухтомное издание знаменитого дипломатического трактата Франсуа де Кальера «Каким образом договариваться с государями»¹⁹, дополнив текст сведениями из других источников. Эти вставки свидетельствуют об интересе переводчика к античной истории и знании им важных книг по теории и практике дипломатии: «О праве войны и мира» голландского юриста Гуго Гроция (1625), «Посол» испанского дипломата Хуана Антонио де Вера-и-Фигероа Авила-и-Суньига, графа де ла Рока (1620); «Посол и его функции» голландца по происхождению Авраама де Викфора, писавшего на французском языке (1682)²⁰.

28 марта 1757 г. Левашёв отправил в Петербург рукопись перевода, которая в настоящее время хранится в Архиве внешней политики Российской империи, и представляет собой два тома небольшого формата с золотым обрезом в кожаном переплете. Первый том открывается письмом-посвящением от 25 марта 1757 г., адресованным покровителю Левашёва канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину: «Я же конечно никогда позабыть не должен оныя вашего сиятельства милости посылкою меня в иностранные государства, где получил я довольной случай к лутшему познанию причины вещей сего света и самого себя, что чем больше познавать старался, тем наипаче умножалась во мне оная благодатность и чувствительное признание, с которым я есть и завсегда пребуду»²¹. Этим покровительством Левашёв, вероятно, был обязан своему уже упоминавшемуся родственнику Василию Яковлевичу Левашёву, который с 1744 г. до своей кончины в 1751 г. занимал пост московского главнокомандующего.

За посвящением в рукописи следовало «Слово к истинным патриотам», яркий образец русской публицистики XVIII в., тематически близкий к творчеству М.В. Ломоносова²². Этот небольшой по объему текст был написан после объявления Елизаветой Петровной войны (получившей название Семилетней) Фридриху II, но еще до начала Россией военных действий. И хотя никаких указаний на разгоревшуюся в Европе войну в тексте Левашёва нет, именно теперь, по его

мнению, России пришло время сыграть «знатный роль» в мире, подобно другим предшествовавшим ей монархиям: Ассирийской, Персидской, Греческой и Римской.

Второй том рукописи посвящен вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову. Левашёв сравнивает его ни много ни мало с великим инквизитором, кардиналом Франсиско Хименесом де Сиснеросом (1436—1517), первым советником католических королей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Хименес, который «справедливость и христианскую мораль соединил с статскою политикою», был примером для кардиналов Ришелье и Мазарини. Политическая система Воронцова тоже «не на махиевелевых (Макиавелли. — *М.П.*) развратных правилах основана, но на самой истинне естественнаго и христианскаго закона», особенно на евангельской заповеди любить врагов своих ²³.

В начале 1760-х гг. Левашёв писал стихи, «которые от знающих людей похвалу заслуживают» ²⁴, но до нашего времени не сохранились ²⁵. Пребывая в плену, Левашёв вел краткие дневниковые записи, которые по возвращении были систематизированы и к 1774 г. оформлены в виде книги мемуаров. Впоследствии автор дополнил свои впечатления и наблюдения об османском обществе сведениями из летописей и исторических трудов о столкновении русских с татарами и половцами, пытаясь обосновать права России на Крымское ханство ²⁶. Сочинения «Цареградские письма», «Плен и страдания россиян у турков», «Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков» Левашёв опубликовал только в конце 1780-х — начале 1790-х гг. ²⁷, когда Россия вступила в новую войну с Османской империей, и его дипломатический и человеческий опыт мог оказаться востребованным.

В 1792 г. Левашёв издал небольшое публицистическое сочинение «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров», которое еще не становилось предметом специального исследования, но, на мой взгляд, представляет большой интерес. Открывается оно посвящением Екатерине II: «В премудрое Вашего Императорского Величества царствование Россия взошла на такую степень величия и славы, что и все иностранные народы уподобляют оную древней Римской империи самых цветущих времен, и единогласно почитают величайшею, следовательно и первейшею на земном круге Монархией, а тем самым, кажется, безмолвно признают Российских Государей первенство». И это первенство, по мысли автора, основывается не только на праве силы или является следствием приобретения российскими государями обширных владений. Не менее важна «неоспоримая древность Славенороссийскаго народа, Царского титула, Короны и Самодержавия» ²⁸.

Когда именно была написана книга, неизвестно. Выяснить это из ее содержания, не удалось, хотя в «предуведомлении» автор ссылается на опыт своей службы резидентом при рейхстаге в конце 1750-х — начале 1760-х годов. По оценке современников, значительную часть повседневной жизни пребывавшие в Регенсбурге дипломаты проводили в церемониальных спорах, которые отражали положение того или иного правителя на международной арене. Эти споры и стали главным побудительным мотивом «к изданию в свет» книги, а целью автора было продемонстрировать «неоспоримые доказательства о праве первенства и председательства Российских Государей над всеми другими державами как в разсуждении величества, так и в первенстве их монархий» ²⁹.

Проследить, как Левашёв работал над текстом, отчасти возможно — благодаря выявленной в Российском государственном архиве древних актов рукописи его книги. Печатный и рукописный вариант мало отличаются друг от друга. Изменился порядок глав; редакторская правка, сделанная перед публикацией, носит преимущественно стилистический характер. Печатный текст легче воспринимается современным читателем. Кроме того, для издания 1792 г. Левашёв дописал небольшой раздел о приемах иностранных послов при османском дворе, свидетелем которых он неоднократно бывал.

Правда, у рукописи несколько другое название — «О чине и председательстве европейских государей, их послов и министров», отсутствует посвящение Екатерине II и дано другое предисловие³⁰. Свою цель автор формулирует скромно: показать права европейских государей (коронованных глав), «в силу которых каждый из них требует себе первенства в чине и председательстве». Уже в первом предложении рукописи он ссылается на сочинение, которое послужило для него источником вдохновения. Принадлежит оно «искусному и трудолюбивому Русету» — Жану Руссе де Мисси — и называется «Мемуары о ранге и первенстве европейских государей и министров, их представляющих, облеченных различным характером, призванное служить дополнением к труду “Посол и его функции” господина де Викфора» (Левашёв переводит словом «чин» французское «rang») ³¹.

Жан Руссе де Мисси (1686—1762) — французский писатель, живший в Голландии, издатель и автор журналов, в том числе «Mercure historique et politique», составитель «Мемуаров о царствовании Петра Великого», которые пользовались в Европе большим успехом. На протяжении многих лет Руссе де Мисси был связан с Россией благодаря знакомству с российскими дипломатами и иностранцами, находившимися на русской службе, в частности бароном Г.Ф. фон Гюйсенном, бывшим воспитателем царевича Алексея, сына Петра I. Хлопотами посланника в Гааге Александра Гавриловича Головкина Руссе де Мисси был в 1737 г. принят в члены Петербургской академии наук, что всегда указывалось на титульном листе его сочинений³². Книга «Мемуары о ранге и первенстве...» была опубликована в Амстердаме в 1746 году. Автор предпослал основному тексту следующую декларацию: «Публикуя эти мемуары, я не имею ни малейшего намерения вмешиваться в столь тонкие материи; я писал исключительно исторически, сообщил факты и чувства о различных прецедентах — тех, что я нашел у других писателей, не имея намерения доказать их неопровержимость. Именно поэтому я взял на себя труд цитировать авторов, к которым можно обратиться. Так что я не собираюсь оспаривать права кого бы то ни было» ³³.

Руссе де Мисси признается, что декларацию почти дословно позаимствовал из универсального труда итальянского писателя Агостино Парадизи, советника юстиции герцога Моденского «Атений благородного человека». Биографических сведений об этом авторе пока найти не удалось. Его сочинение давало молодым дворянам нравственные и политические ориентиры, снабжало их сведениями по истории, международному праву, формировало рыцарское отношение к жизни. Пятый том сочинения Парадизи, опубликованный в 1730 г. под названием «О первенстве» ³⁴, рассматривает вопросы ранга и при-

вилегий светских и духовных правителей Европы и их министров. Список источников, которыми пользовался Парадизи, насчитывает 1616 названий. Об этом примечательном факте упоминают и Руссе де Мисси, и Левашёв, хотя нет уверенности в том, что последний читал книгу Парадизи.

В задачи данной работы не входит сравнение текстов Парадизи и Руссе де Мисси. Можно лишь сказать, что француз позаимствовал у итальянца декларацию и общую идею сочинения. Что касается книги Левашёва, то ее структура, как в печатном, так и в рукописном варианте, во многом повторяет сочинение Руссе де Мисси, которое состоит из 41 главы и содержит сведения о ранге всех европейских правителей (включая римских пап, российских самодержцев и турецких султанов) и о церемониальных конфликтах между ними.

В книге Левашёва 10 глав. В них отражены споры о ранге и первенстве между Испанией и Францией, Англией и Францией, Данией и Швецией, а также Венгрией, Пруссией, Польшей и Богемией. Отдельные главы посвящены титулатуре римских пап, турецких султанов и императоров Священной Римской империи, возглавлявших иерархию светских европейских правителей. Все эти главы являются кратким пересказом соответствующих глав книги Руссе де Мисси.

Первая, самая большая по объему и наиболее самостоятельная глава в сочинении Левашёва «О первенстве российского императорского престола» (в рукописи она стоит последней и называется «О праве председательства Российской империи») ³⁵ призвана подтвердить тот факт, что именно за Российской империей надлежит признавать неоспоримое превосходство. Левашёв является решительным противником норманнской теории, утверждая, что названия «росы», «русы» или «роксоланы» были известны задолго до появления варяжского князя Рюрика. По его мнению, россияне — тот же самый народ, который у античных («ельнинских», то есть эллинских) писателей известен под именем скифов и сарматов. Он, в соответствии с книгой Пророка Иезекииля, ведет свое начало от Мосоха (Мешеа), сына Яфета и внука Ноя, потомки которого «мосохияне» поселились между Черным и Каспийским морями. Таким образом, «российской народ уже за несколько тысяч лет до Христа обитал в нынешних его пределах». Отметим, что Ломоносов в «Записках по русской истории» куда более осторожно высказывался об этой версии, восходящей к церковной традиции: «Мосоха, внука Ноева, пра-родителем славенского народа ни положить, ни отрещи не нахожу основания» ³⁶.

Много внимания Левашёв уделяет этимологии различных слов, обозначающих правителей: «император», «король», «шах», «падишах». Титул императора, полагает он, российские государи фактически носили с древних времен, хотя и предпочитали называть себя не царями — цезарями, кесарями, то есть императорами (от латинского слова *imperare* — повелевать), а великими князьями и повелителями, самодержцами всея Руси, даже если другие правители, например император Священной Римской империи Максимилиан I, в своих грамотах называли их императорами ³⁷. У древних римлян, пишет Левашёв, император был сначала военачальником и лишь потом стал великим монархом. Даже женившись на греческой царевне Софии из рода Палеологов и сделавшись после смерти последнего византийского

императора Константина XI «законным Греческого престола наследником», Иван III не стал называться царем, а лишь «присвоил себе Римских восточных Императоров герб орла двуглавнога». Если же судить по протяженности Российской империи — от польской границы на западе до Курильских островов на востоке, от Ледовитого моря до Кавказских гор, а также по славным делам предков и нынешних ее обитателей, то не останется никакого сомнения в том, что Россия не уступает ни одной другой нации.

Руссе де Мисси в главе о России в большей степени сосредоточен на ее международных контактах, особое внимание он уделяет церемониальному аспекту путешествия Петра I в Европу в 1697 году³⁸. Французский писатель подчеркивает, что европейские государи всегда признавали место России среди коронованных глав, а ее правителей считали самодержцами, обращаясь к ним «Ваше Величество», но о признании их превосходства и речи быть не могло. И хотя в книге содержатся аргументы в пользу древности российского императорского титула, приводит их Руссе де Мисси не от собственного имени, а от имени «русских». Так, когда Петр I в 1721 г. принял титул императора, он хотел, чтобы в Европе это не считали каким-то «новшеством» (*nouveauté*), и утверждал, что титул императора ничего не добавляет к титулу самодержца (*Autocrateur*), который российские цари носили со времен Ивана Грозного.

Среди доводов русского двора, перечисленных Руссе де Мисси, и происхождение слова «царь» от слова «цезарь», и преемственность между российскими самодержцами и византийскими императорами через Софию Палеолог, и признание российских государей императорами, неоднократно зафиксированное в грамотах европейских правителей (их перечень прилагается), и протяженность Российской империи. Своего отношения к этим доводам французский писатель не высказывает, поскольку считает, что только с воцарением Петра I Россия стала империей. Благодаря ему, она изменила свое лицо, вышла из состояния варварства и сделалась цивилизованной нацией. И этот новый, заслуженный статус, который постепенно признали все европейские державы, не подлежит сомнению. Левашёв, напротив, в своей книге о цивилизаторской миссии Петра I не пишет, а лишь упоминает, что «Пётр Великий был первой, который признан Императором почти от всех иностранных дворов»³⁹.

На мой взгляд, переложение Левашёвым книги Руссе де Мисси объясняется, главным образом, его интересом к дипломатической литературе и могло быть сделано задолго до публикации, чтобы в подходящий момент предстать перед широкой читательской аудиторией. Этот момент настал в 1792 г. после успешного завершения русско-турецкой и русско-шведских войн, когда Россия подтвердила свой статус великой державы. Левашёв взял за основу своей книги труд Руссе де Мисси именно из-за его благожелательной позиции в отношении России. Тот факт, что при публикации он убрал имя французского писателя из предисловия, свидетельствует об амбициях автора: книга, снабженная посвящением Екатерине II, выглядит как самостоятельное произведение, написанное специально для императрицы. Творчество Левашёва являет собой любопытный пример российско-европейских литературных связей, который заслуживает дальнейшего изучения.

Примечания

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30087).

1. НОВИКОВ Н.И. Избранные произведения. М.-Л. 1951, с. 318.
2. КОЧЕТКОВА Н.Д. Павел Артемьевич Левашёв. В кн.: Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2. СПб. 1999. Существуют два варианта написания фамилии — Левашёв или Левашов. Словари, подготовленные Новиковым и сотрудниками Пушкинского дома, используют первый вариант. Именно он используется в работе.
3. Все даты в статье приводятся по старому стилю.
4. Московский некрополь. Т. 2. М. 1908, с. 157.
5. ЛЕВАШЁВ П.А. Любопытная история славного города Одессы. М. 1819, с. 14.
6. Публикацию документа см.: ДРУЖИНИН П.А. Неизвестные письма русских писателей к князю Александру Борисовичу Куракину (1752—1818). М. 2002, с. 225. Здесь и далее при цитировании текстов Левашёва сохранены его орфография и пунктуация.
7. 27 января 1754 г. Елизавета Петровна обязала Правительствующий Сенат заняться сбором сведений и систематизацией служащих государственных ведомств. Представители всех чинов должны были составить о себе небольшую справку, или «скаску», осветив в ней возраст, этапы продвижения по службе, семейное положение, сведения о детях мужского пола и крепостных. Сенат перепоручил опрос Герольдмейстерской конторе, которая за два года осуществила это важное дело. «Скаска» елизаветинской России. Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах: Альманах. М. 2007, вып. 15, с. 113—114.
8. К.А. Писаренко по ошибке указал в публикации вместо Пронского Орнский уезд. Благодарю сотрудника РГАДА В.Е. Борисова за помощь в чтении документа. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248. Сенат и его учреждения, оп. 1/102, д. 8122, ч. 2, л. 720—720об.
9. КОЧЕТКОВА Н.Д. «Слово к истинным патриотам» П.А. Левашёва. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. Л. 1986, с. 51—54.
10. Путешествия по востоку в эпоху Екатерины II. М. 1995, с. 8.
11. Обстоятельную биографическую справку о Корфе смотри на сайте Российской академии наук: СМАГИНА Г.И. Иоганн Альбрехт фон Корф. <http://www.ras.ru/presidents/943fbf7f-af43-4a5f-baa7-2a853457df6c.aspx>
12. «Скаска» елизаветинской России, с. 113—114.
13. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Обзор сношений России (по 1800 год). М. 1896, ч. 2, с. 4; «Скаска» елизаветинской России, с. 113—114.
14. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Ук. соч., с. 5—7.
15. П.А. Левашёв — вице-канцлеру А.М. Голицыну, 12 июля 1764 г. РГАДА, ф. 1263. Голицыны, оп. 1, д. 1920, л. 3об.
16. Формулярную ведомость Левашёва см.: ДРУЖИНИН П.А. Ук. соч., с. 226.
17. Собственноручная записка Левашёва с ходатайством повышения в чине и выплате жалованья, приложенная к письму вице-канцлеру А.М. Голицына от 14 ноября 1771 года. РГАДА, ф. 1263. Голицыны, оп. 1, д. 1925, л. 1—12.
18. Цит. по: Путешествия по востоку в эпоху Екатерины II, с. 9.
19. CALLIÈRES F. de. De la Manière de négocier avec les souverains, de l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez, et des qualitez nécessaires pour réüssir dans ces emplois, par Monsieur de Callères, Conseiller ordinaire du Roy en ses Conseilles, Secretaire du Cabinet de Sa Majesté, ci-devant Ambassadeur extraordinaire & plenipotentiaire du feu Roi pour les Traités de Paix conclus à Ryswick et l'un des Quarantes de L'Academie Française. Nouvelle Edition, Considerablement augmentté par M*** Ryswick: Chez la Compagnie des Libraires. 1757.
20. GROTIUS H. De iure belli ac pacis. Haaga. 1625; VERA y FIGUEROA ÁVILA y ZÚÑUGA J.A. de. El Embaxador. Sevilla. 1620; WICQUEFORT A. de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye. 1682.
21. ЛЕВАШЁВ П.А. Каким образом договариваться с государями, или О пользе договоров о избрани послов и посланников и о качествах нужных для получения успе-

- ха в сих званиях. Т. 1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, д. 5655, л. 6об.
22. КОЧЕТКОВА Н.Д. «Слово к истинным патриотам» П.А. Левашёва, с. 51.
23. ЛЕВАШЁВ П.А. Каким образом договариваться с государями... Т. 2. АВПРИ, ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, д. 5656, л. 5—5об.
24. НОВИКОВ Н.И. Избранные произведения, с. 318.
25. ДРУЖИНИН П.А. Ук. соч., с. 198.
26. Путешествия по востоку в эпоху Екатерины II, с. 10.
27. [ЛЕВАШЁВ П.А.]. Цареградские письма. СПб. 1789 (книга была опубликована анонимно). ЕГО ЖЕ. Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпленных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах. С приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну, и многих странных, редких и любопытных происшествий. СПб. 1790; ЕГО ЖЕ. Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно чрез восемь сот лет продолжавшихся. С приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма, прав российских государей на оной, и проч. СПб. 1792.
28. ЛЕВАШЁВ П.А. О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров. Соч. действительным статским советником П.Л. СПб. 1792, с. 5—6 (страницы посвящения и предуведомления не нумерованы).
29. Там же, с. 8—10.
30. РГАДА, ф. 15. Дипломатический отдел, оп. 1, д. 247, л. 1—4.
31. ROUSSET de MISSY J. Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans suivant leurs différens Caractères. Pour servir de supplement à l'ambassadeur et ses fonctions de Mr. de Wicquefort. Amsterdam. 1746.
32. О Руссе де Мисси см.: РЖЕУЦКИЙ В. В тени Шувалова: Французский культурный посредник в России барон де Чуди. — Новое литературное обозрение. 2010, № 105.
33. ROUSSET de MISSY J. Op. cit. (страница не нумерована).
34. PARADISI A. Ateneo dell'Uomo Nobile. Opera legale, storica, morale, politica et cavalleresca. T. V. Venezia. 1730.
35. ЛЕВАШЁВ П.А. О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров, с. 13—43; РГАДА, ф. 15. Дипломатический отдел, оп. 1, д. 247, л. 36—68.
36. ЛОМОНОСОВ М.В. Записки по русской истории. М. 2003, с. 32.
37. Подробнее о соотношении терминов «царь», «цесарь», «император» см. на интернет-портале «Мир истории»: АГЕЕВА О.Г. Титул «император» и понятие «Империя» в России первой четверти XVIII века. <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm>.
38. ROUSSET de MISSY J. Op. cit., p. 45—57.
39. ЛЕВАШЁВ П.А. О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров, с. 36.

Денежные вклады населения в государственных сберегательных кассах России в 1907—1913 гг.

Н.Д. Ерофеев

Аннотация. Публикация посвящена дискуссионному вопросу в российской историографии о влиянии столыпинской аграрной реформы на уровень благосостояния различных сословных категорий населения. Данная проблема рассматривается в контексте статистических данных о динамике денежных вкладов населения в государственных сберегательных кассах по районам Российской империи, впервые введенных в научный оборот. Проведенное исследование позволяет скорректировать распространившуюся в последнее десятилетие точку зрения об однозначно позитивном влиянии аграрных преобразований правительства П.А. Столыпина как на экономику в целом, так и на земледельческое население в частности.

Ключевые слова: сберегательные кассы, денежные вклады населения, сберегательные книжки, уровень благосостояния, статистические исследования.

Abstract. The article is devoted to a discussion question in the Russian historiography on the impact of the Stolypin's agrarian reform on the well-being of different social categories of population. This problem is considered in the context of statistical data about the cash deposits dynamics in State savings banks by regions of the Russian Empire that firstly was introduced in the scientific revolution. The conducted investigation allows to adjust the spread in the last decade point about the positive consequence of agrarian reforms of the government of P. A. Stolypin on the economy in general and the agricultural population in particular.

Key words: savings banks, cash deposits, passbooks, standard of well-being, statistical researches.

Выбор темы обосновывается рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что вклады в сберегательные кассы являются одним из показателей благосостояния населения и общего положения в стране. Кроме того, до нынешнего дня нет работ, специально посвященных этому вопросу, а замечания, его касающиеся, носят разный, порой даже противоречивый характер, определяющийся в значительной мере политической ангажированностью авторов. Оптимистически оценивали «столыпинскую» эпоху и перспективы развития страны представители правых, консервативных кругов. В. Гурко считал, что в то время народ и

Ерофеев Николай Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: 095history@mail.ru.

Erofeev Nikolay D. — doctor of historical sciences, professor of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: 095history@mail.ru.

страна в целом богатели «со сказочной быстротой»¹. Более сдержанны были либералы. В частности, П.Н. Милоков признавал, что абсолютные цифры российских сбережений постоянно растут, но из-за того, что они «слишком ничтожны», этот рост является «очень незначительным» показателем развития благосостояния широких масс². В советской историографии господствовало мнение об обострении до крайности в начале XX в. в России нужды и бедствий народа. В постсоветское время бывшие противоречивые суждения возродились. Б.Н. Миронов считает, что российские революции не имели серьезных объективных материальных оснований. Они «были обусловлены не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами, в том числе блестящей PR- активностью противников монархии»³. При обсуждении книги Миронова в печати были высказаны разные мнения: от хвалебных до критических. Так А.В. Островский считает, что эта работа представляет собой «социальный заказ, имеющий целью придать научную видимость представлениям, будто накануне 1917 г. в России все обстояло благополучно. И если бы не либералы, если бы не революционеры, свергнувшие монархию, все было бы еще лучше»⁴.

На выбор темы повлияло также то обстоятельство, что в ходе дискуссии статистика вкладов населения в сберегательных кассах — показатель, который непосредственно отражает уровень благосостояния населения, никем не использовалась. Объяснить подобную ситуацию можно в какой-то мере тем, что до нынешнего времени история сберегательного дела в России специально не изучалась. Работы по этой теме Ю.А. Петрова и С.В. Колмыкова «Сберегательное дело в России: вехи истории» (М. 1995) и В. Маразана «История сберегательных касс в имперской России» (СПб. 2007), заслуживают внимания, но в силу своего формата носят общий, очерковый характер.

Данное исследование является первой попыткой проанализировать статистику вкладов населения не только по империи в целом, но и по ее районам, губерниям и областям в период между первой революцией и первой мировой войной. Документальную основу публикации составили ежегодные отчеты Государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1908—1913 гг. и «Приложения» к ним, в которых содержатся сведения о величине вкладов, их динамике, распределении по территории и группам населения, а также о самих вкладчиках — их социальной принадлежности, занятиям, месту жительства, грамотности, возрасту. Использование такого массового источника как статистика сберегательного дела позволяет не только более обоснованно судить о благосостоянии населения, тенденциях его развития, но и лучше понять те объективные процессы, которые происходили в финансовой, экономической и социальной сферах России в данный период.

К 1 января 1914 г. кассы имелись в 6667 населенных пунктах империи: 226 в двух столицах и их окрестностях; 530 в 87 губернских городах; 1708 в 841 уездных и заштатных городах и приравненных к ним поселениях; 6078 в 5737 внегородских пунктах. Свои сберегательные кассы имели 932 города и приравненных к ним поселений (99,8% от их общего числа), а также 28,5% внегородских поселений, насчитывавших не менее 1000 жителей в каждом. С 1 января 1908 г. по 1 января 1914 г. общее число касс в стране увеличилось с 6792 до 8553 (на 25,9%), сберегательных книжек — на 45%, сумма денежных вкладов — с 1149 млн руб. до 1685 млн (на 46,6%)⁵.

Стоит отметить, что, хотя за период между первой русской революцией и первой мировой войной значительно возросло число сберегательных касс и сберегательных книжек, а также общая сумма вкладов, однако в процентном отношении этот рост был меньше, чем в относительно спокойном семилетии (1897—1903 гг.), предшествовавшем русско-японской войне и революции. За

это семилетие число сберегательных касс увеличилось на 47% (с 4354 до 6417), сберкнижек — на 50,4%, (с 2448 тыс. до 4854 тыс.), а общая сумма вкладов на 54,1% (с 465, 7 млн руб. до 860,5 млн). Приведенное сравнение говорит о том, что сберегательная сеть в предреволюционное время развивалась интенсивнее, чем в послереволюционное время.

В сравниваемые семилетия изменения произошли и по средним вкладам на одну сберегательную кассу и на одну сберегательную книжку. К концу семилетия 1897—1903 гг. вклад на одну сберегательную кассу равнялся 134 тыс. руб. (860, 5 млн руб. (вклад в целом): 6417 сберегательных касс), а к концу семилетия 1907—1913 гг. — 197 тыс. руб., то есть увеличение произошло на 47%. Вклад же на одну сберегательную книжку существенных изменений не претерпевал. К концу предреволюционного семилетия, к 1 января 1904 г., он составлял 177 руб. (860,5 млн руб.: 4864 тыс. сберкнижек), а к началу предвоенного семилетия, к 1 января 1908 г., — 179,6 руб.⁶, то есть увеличился лишь на 2,6 руб., или на 1,4%. За предвоенное семилетие его рост был еще меньшим. К 1 января 1914 г. на одну сберегательную книжку приходилось в среднем 180 руб.⁷, то есть, рост составил 0,4 руб. или 0,2%. Анализ ситуации в 1907—1913 гг., когда общая сумма вкладов увеличилась на 46,6%, а вклад на одну сберегательную книжку — лишь на 0,2%, позволяет заключить, что это увеличение шло главным образом не за счет роста вкладов на сберегательную книжку, а за счет расширения сети сберегательных касс и увеличения числа вкладчиков.

Статистика по числу сберегательных книжек, величине средних вкладов по сберегательным кассам и сберегательным книжкам интересна, но она рисует лишь общую картину по империи и характеризует только пограничные, на 1 января 1908 г. и 1 января 1914 г., показатели по исследуемому периоду. Но в России, с ее неоднородными природно-климатическими и социально-экономическими условиями, с различиями в развитии сберегательной сети в регионах, не могли быть одинаковыми как показатели среднего общеимперского вклада на одну сберегательную книжку по годам, так и такие же показатели по районам. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно попытаться выяснить, во-первых, динамику среднего вклада на сберегательную книжку по империи по годам, во-вторых, средний вклад и его динамику по каждому из 16 районов, на которые делилась сберегательная сеть империи.

Если говорить о динамике среднего годового вклада на одну сберегательную книжку, то она выглядит следующим образом: 1907 г. — 179,6 руб.⁸; 1908 г. — 186,5⁹; 1909 г. — 179, 7¹⁰; 1910 г. — 182; 1911 г. — 182¹¹, 1912 г. — 182¹²; 1913 г. — 180 рублей¹³.

При анализе положения с распределением годового вклада на одну сберегательную книжку по отдельным районам выделим две группы. В одной — районы, в которых вклад был выше среднего по империи (последний, как уже было сказано, к 1 января 1908 г. равнялся 179,6 руб., а к 1 января 1914 г. — 180 руб.), в другую — ниже среднего. В итоге к 1 января 1908 г. группы по числу, входивших в них районов, оказались равными, а к 1 января 1914 г. первая группа уменьшилась. К ней относятся лишь 7 районов. Вторая группа увеличилась до 9 районов. К 1 января 1908 г. в первую группу входили районы с вкладами: Восточная Сибирь (221 руб.), Центрально-земледельческий (209), Западная Сибирь (196), Юго-Восточный (192), Малороссийский (191), Северо-Западный (190), Северо-Восточный (182), Закавказский (180 рублей). Во вторую группу вошли районы: Южный (179 руб.), Центрально-промышленный (178), Северный (163), Средне-азиатский (160), С.-Петербургский (158,5), Привислинский (150), Юго-Западный (144), Прибалтийский (140 рублей). К 1 января 1914 г. первую группу составили: Северо-Западный район (202 руб.), Восточная Сибирь (195), Центрально-промышленный (190), Центрально-земледельческий

(189), Западная Сибирь (184), С.-Петербургский (183), Северо-Восточный (180,5 руб.); вторую группу районы: Северный (178 руб.), Закавказский (174,5), Юго-Восточный (174), Среднеазиатский (171,5), Малороссийский (168), Привислинский (165,5), Прибалтийский (161,7), Южный (151), Юго-Западный (139,2 рубля)¹⁴.

Любопытные результаты дало сравнение годовых средних вкладов на одну сберегательную книжку по районам¹⁵ в 1907¹⁶ и 1913¹⁷ годах. Это сравнение выявило две тенденции. В одних районах вклады за этот период увеличились: по Северному району рост составил 9,2%, С.-Петербургскому — 15,3, Центрально-промышленному — 6,5, Северо-Западному — 6,2, Прибалтийскому — 15,5, Привислинскому — 15,5%. То есть, вклады в послереволюционное семилетие росли в тех районах Европейской России, в которых была более развита промышленность. В свою очередь в районах с преобладанием земледелия, наоборот, наблюдалось снижение этого показателя: в Центрально-земледельческом районе падение составило 9,5%, Малороссийском — 15,5, Южном — 15,5, Юго-Западном — 3,3%. Похожую картину мы можем наблюдать также в Западной Сибири — 6,1%, Восточной Сибири — 11,8, Закавказье — 3,2%.

Обращает на себя внимание и подобная динамика по годам¹⁸. По первой группе районов размер среднего денежного вклада на одну сберегательную книжку постоянно, из года в год, повышался: *Центрально-промышленный*: 1908 г. — 178 руб., 1910 г. — 180,9, 1911 г. — 185,9, 1912 г. — 187, 1913 г. — 184,4, 1914 г. — 189,7 руб.; *С.-Петербургский*: 1908 г. — 158,5 руб., 1910 г. — 168, 1911 г. — 175,8, 1912 г. — 177,6, 1913 г. — 181, 1914 г. — 182 руб.; *Северо-Западный*: 1908 г. — 190 руб., 1910 г. — 192, 1911 г. — 195,5, 1912 г. — 198,6, 1913 г. — 201,5, 1914 г. — 201,8 рублей. По второй группе данный показатель неуклонно снижался: *Центрально-земледельческий*: 1908 г. — 209 руб., 1910 г. — 208,7, 1911 г. — 208,2, 1912 г. — 208, 1913 г. — 210, 1914 г. — 189,1 руб.; *Малороссийский*: 1908 г. — 191 руб., 1910 г. — 182,8, 1911 г. — 177,8, 1912 г. — 179,1, 1913 г. — 174,6, 1914 г. — 168,3 руб.; *Южный*: 1908 г. — 179 руб., 1910 г. — 169,1, 1911 г. — 166,9, 1912 г. — 163,1, 1913 г. — 156, 1914 г. — 151,2 руб.; *Юго-Восточный*: 1908 г. — 192,2 руб., 1910 г. — 188,6, 1911 г. — 186,4, 1912 г. — 182,9, 1913 г. — 179,8, 1914 г. — 174,2 руб.; *Юго-Западный*: 1908 г. — 144 руб., 1910 г. — 140,1, 1911 г. — 143,1, 1912 г. — 145,5, 1913 г. — 140,8, 1914 г. — 139,2 рубля.

Результаты проведенного анализа имеют важное значение. Прежде всего, они ставят под сомнение распространенное утверждение о том, что «быстрый рост денежных накоплений шел именно в земледельческих, аграрно-переселенческих губерниях»¹⁹. Если бы это было так, то подобный рост, вне всяких сомнений, нашел бы свое отражение во вкладах в государственных сберегательных кассах.

Ряд вопросов возникает и в связи с высказыванием А.П. Корелина, считающего, что деревня выиграла в связи с ростом цен на продовольствие, свидетельством чему являются данные о крестьянских накоплениях в сберегательных кассах, достигшие к кануну войны внушительной суммы²⁰. В принципе это высказывание правильное, но оно, во-первых, специально не анализирует ситуацию с вкладами в рассматриваемый в данной работе период; во-вторых, не конкретизирует «внушительность» суммы вкладов; в-третьих, не отмечает то, что в повышении доходности деревни играли роль и другие факторы помимо роста цен на продовольствие. В частности, отмена выкупных платежей, введение в период проведения столыпинской реформы в сельскохозяйственный оборот нескольких миллионов десятин новых земель, высокоурожайные 1909, 1910 и 1912 гг., большая эффективность отрубных и хуторских хозяйств по сравнению с общинными. Казалось бы, что совокупное действие названных

обстоятельств должно было сказаться на повышении не только общей суммы вкладов накануне войны, но и на средних годовых вкладах индивидуальных вкладчиков, а этого, подчеркнем еще раз, практически не происходило. Почему?

Дело заключается, видимо, в том, что наряду с позитивными факторами действовали и те, которые ограничивали рост крестьянских вкладов. Здесь были и увеличивавшиеся расходы на улучшение крестьянских хозяйств, и непроизводительные расходы, которые были значительными.

По сведениям А.М. Анфимова, известного историка российской деревни начала XX в., «всего прямых и косвенных налогов, таможенных и промысловых сборов с крестьян Европейской России взыскано было за 1907—1912 гг. 3,7 млрд рублей. За купленную землю Крестьянскому и частным земельным банкам в качестве очередных платежей и штрафов за их просрочку крестьяне уплатили 390 млн рублей. За заложенные в одном Крестьянском банке 15,8 млн десятин земли годовые платежи в 1913 г. составили 81 млн руб. вместо прежних 64 млн руб. за 90 млн дес. наделной земли. Возрастали арендные цены на вненаделные земли. За 1907—1912 гг. крестьяне уплатили около 1,8 млрд рублей²¹. Быстрее, чем цены на сельскохозяйственную продукцию, росли цены на промышленные потребительские товары, сельскохозяйственные машины и инвентарь. С учетом только этих расходов становится понятным, почему годовые вклады на одну сберегательную книжку в земледельческих регионах не росли, а миллионные приросты общей суммы вкладов обеспечивались не их ростом, а в основном расширением сети сберегательных касс, увеличением их числа и количества вкладчиков. Таким образом, благодаря, главным образом, воле и усилиям государства происходил процесс мобилизации народных капиталов, их концентрация и централизация. В советской историографии подчеркивался, прежде всего, классовый, помещичий характер аграрной реформы, говорилось о том, что власть, в том числе правительство Столыпина, своей политикой осуществляла грабеж крестьянства ради интересов господствующих классов, прежде всего, помещиков. Думается, что такое толкование слишком узкое.

Надо иметь в виду, что аграрная реформа являлась важнейшей составной частью столыпинской модели модернизации страны²², а деревня — главным источником финансирования не только этой реформы, но и преобразований, намечаемых правительством в других жизненных сферах страны. С крестьян взимались большие суммы, что обостряло отношения между ними и властью. Драматическая ситуация еще в большей мере усугублялась тем, что денег на реформы было все-таки недостаточно. В итоге этот фактор являлся одной из весомых причин того, что ни одно из намеченных правительством преобразований не было завершено. Не смогла страна подготовиться в надлежащей мере и к назревавшей войне, неудачи в которой еще более обострили положение в стране, ускорили революционные потрясения.

Представляет интерес и вопрос о том, деревня или город доминировали в процессе накопления капиталов в сберегательных кассах. Чтобы ответить на него, проанализируем статистику распределения вкладчиков по их месту жительства и по их социальной принадлежности за период с 1.01.1908²³ по 1.01.1914²⁴.

Выявленная статистика свидетельствует о том, что, хотя сельские жители и составляли не менее трех четвертей населения страны, но по числу сберегательных книжек и суммам вкладов они уступали городским жителям. Так, в 1908 г. на горожан приходилось 3 354 491 (56,8%) книжек с суммой вкладов 555 835,6 р. (52,4%), а на сельских вкладчиков — 2 547 859 (43,2%) книжек с 504 180,2 (47,6%).

В то же время к концу 1913 г. процентное увеличение числа сберегательных книжек у сельских вкладчиков оказалось несколько большим, чем у городских (рост составил 47,1% против 45%), однако по сумме вкладов на 1.01.1914

городские вкладчики, как и прежде, опережали сельских (836 600,6 руб. (54%) против 713 235,1 руб. (46%)). Это подтверждает тот факт, что рост общей суммы вкладов в деревне происходил, главным образом, не за счет роста вклада на одну сберегательную книжку, а за счет роста числа сберегательных книжек, то есть числа вкладчиков.

Анализ статистики, характеризующей динамику среднего вклада на одного жителя империи с 1908 ²⁵ по 1913 г. ²⁶, говорит о том, что этот показатель был выше в районах, где была более развита промышленность, чем сельское хозяйство. Так, в Центрально-промышленном районе средний вклад на одного жителя за указанный период увеличился с 16,4 руб. до 22,8 руб., в С.-Петербургском — с 11,9 до 17,4, Северо-Западном — с 7,2 до 9,8, а в Прибалтийском — с 14,7 до 19,0 рублей. В то же время в Центрально-земледельческом районе размер вклада увеличился всего с 8,1 руб. до 9,5 руб., в Малороссийском и Юго-Западном районах рост вклада составил 1 руб., а в Южном и Юго-Восточном — меньше рубля.

В ходе исследования была рассмотрена динамика распределения вкладов по роду занятий вкладчиков на 1907 и 1913 годы ²⁷. Статистика делит вкладчиков по этому показателю на одиннадцать групп: землевладение, земледелие и сельские промыслы, городские промыслы, работа на фабриках, заводах и рудниках, услужение, торговля, духовное звание, служба военная: офицерские и нижние чины, служба гражданская, служба общественная и частная, прочие занятия.

Проведенное исследование, прежде всего, подтверждает вывод о том, что увеличение общей суммы вкладов в стране с 1907 по 1914 гг. почти в полтора раза (на 46,2%) произошло, главным образом, за счет роста числа сберегательных книжек, выданных вновь открытыми сберегательными кассами и прежде существовавшими, а не за счет увеличения среднего вклада на одну сберегательную книжку.

Обращает на себя внимание ситуация по империи в группе вкладчиков «землевладение». Только в этой группе произошло понижение по всем трем анализируемым показателям за рассмотренный период с 1907 по 1913 г.: по числу сберегательных книжек — на 14,1%, по общей сумме вкладов — на 23,9% и по вкладу на одну сберегательную книжку — на 11,4%. Такая ситуация с вкладами в сберегательных кассах адекватно отражает те изменения, которые происходили в частном землевладении в исследуемый период. Чтобы понять характер этих изменений, надо иметь в виду, что такой тип землевладения не был однородным ни в сословном отношении, ни по своим размерам. Разнонаправленными были изменения, происходившие в составляющих этого типа землевладения. По сведениям А.М. Анфимова, доля крестьянского землевладения с участками до 50 десятин за 1906—1914 гг. поднялась с 32 до 43%, доля латифундий в общей площади снизилась с 27,5 до 23,0%. Наибольший урон понесло среднее землевладение ²⁸.

Попытка рассмотреть ситуацию по группе «землевладение» в отдельных районах Европейской России дала следующие результаты. Только в С.-Петербургском районе произошел рост всех показателей по этой группе. Здесь за 1907—1913 гг. число сберегательных книжек увеличилось на 83,8%, сумма вкладов возросла на 85,4%, вклад на одну сберегательную книжку — с 228,5 руб. до 230,5 руб. (на 0,9%). Неоднозначной была тенденция в Северо-Западном и Центрально-промышленном районах. В первом из них число сберегательных книжек увеличилось на 36%, общая сумма вкладов возросла на 25,9%, а вклад на одну сберегательную книжку уменьшился с 269,0 руб. до 248,7 руб. (на 7,5%). Во втором — число сберегательных книжек уменьшилось на 18%, общая сумма вкладов сократилась на 14,2%, а средний вклад на одну сберегательную книжку увеличился с 225,7 руб. до 236,2 руб. (на 4,6%).

Во всех остальных районах наблюдается понижение показателей в группе «землевладение» и по числу сберегательных книжек, и по сумме вкладов, и по вкладу на одну сберегательную книжку. Наиболее значительным оно было в районах: *Южном*, соответственно на 53,4% (число сберегательных книжек), 61,4% (общая сумма вкладов), 17,3% (вклад на одну сберегательную книжку); *Прибалтийском* — на 42,5%, 44,9%, 4,1%; *Юго-Западном* — на 24,5%, 43,0%, 24,4%; *Малороссийском* — на 28,7%, 41%, 17,3%; *Северо-Восточном* — на 26%, 52,5%, 34,9%; *Северном* — на 22,4%, 56,2%, 44,1%; *Центрально-земледельческом* — 19,8%, 33,3%, 16,8%; *Юго-Восточном* — 10,6%, 39,1%, 31,8%²⁹.

Противоположная тенденция — тенденция роста — преобладала по группе «земледелие и сельскохозяйственные промыслы». По империи в целом в этой группе число сберегательных книжек увеличилось на 59,3%, а общая сумма вкладов — на 53,9%. Но надо подчеркнуть, что средний вклад на одну сберегательную книжку не только не вырос, но даже уменьшился, хотя и незначительно, всего лишь на 3,3%. Этот факт можно считать свидетельством того, что увеличение общей суммы вкладов происходило в основном за счет продолжавшегося роста числа сберегательных книжек, а не за счет увеличения вкладов на одну сберегательную книжку, что, в свою очередь, говорит о том, что скольконибудь заметного улучшения благосостояния сельских жителей в целом по стране в «столыпинскую эпоху» не происходило.

Неоднозначные изменения по группе «земледелие и сельские промыслы» происходили на уровне отдельных районов. В местах, практически не затронутых столыпинской аграрной реформой, наблюдался рост всех трех показателей. В *Северном районе* число сберегательных книжек увеличилось на 73,5%, общая сумма вкладов — на 85,8%, средний вклад на одну сберегательную книжку — на 7,2% (с 163 руб. в 1907 г. до 174,7 руб. в 1913); в *Центрально-промышленном районе* соответственно — на 69,6%, 77,1% и 32,5% (с 178,3 руб. до 236); в *Северо-Западном районе* — на 94,5%, 97,9% и 1,8% (с 225,8 руб. до 229,8); в *Прибалтийском районе* — на 43,5%, 58,1% и 10,2% (с 163 руб. до 180). Только в С.-Петербургском районе сократилось число сберегательных книжек (на 56,3%) и уменьшилась общая сумма вкладов (на 51,5%), а вклад на одну сберегательную книжку увеличился на 12%, (с 198,1 руб. до 221,2). Во всех других районах, бывших субъектами аграрной реформы, наблюдались противоречивые явления. Произошел рост показателей по числу сберегательных книжек и общей суммы вкладов (некоторое исключение составляет лишь *Южный район*, где общая сумма вкладов не увеличилась, а уменьшилась на 12,2%) и в то же время уменьшились средние вклады на одну сберегательную книжку. В *Центрально-земледельческом районе* число сберегательных книжек возросло на 43,7%, общая сумма вкладов — на 30,3%, а средний вклад на одну сберегательную книжку уменьшился на 9,3% (с 204,5 руб. до 185,4); в *Северо-Восточном районе* — соответственно на 54,1%, 42,5%, и 7,5% (с 196,4 руб. до 181,6); в *Юго-Восточном районе* — на 32,8%, 12,9% и 15,0%; в *Малороссийском районе* — на 54,8%, 33,9% и 13,5% (с 182,5 руб. до 157,9); в *Южном районе* — на 23,5%, 12,2%, и 28,9% (с 219,4 руб. до 156,0); в *Юго-Западном районе* — на 40,9%, 32,7%, и 5,8% (с 149,2 руб. до 140,6).

По группам вкладчиков, занятых в материальном производстве несельскохозяйственного профиля, повысились все показатели. В группе «городские промыслы» число сберегательных книжек увеличилось на 51,9%. Общая сумма вкладов возросла на 63,3%, а средний вклад на одну сберегательную книжку — на 6,9% (с 149,0 руб. до 160,0). В группе «работа на фабриках, заводах и рудниках» соответственно — на 48,7%, 64,4%, 10,6% (с 143,8 руб. до 159). Обращает на себя внимание тот факт, что в абсолютном выражении средний вклад на одну сберегательную книжку у рабочих был невелик. Он был суще-

ственно меньше, чем в группе «земледелие и сельские промыслы», почти равен вкладу по группе «услужение» и превышал лишь показатель по группе «нижние чины». В то же время прирост этого показателя в процентном отношении (10,6%) был наибольшим, по сравнению с другими группами. Показатели по «рабочей группе» в более широком плане примечательны тем, что служат дополнительным аргументом в сомнительности распространенной в марксистской литературе теории об абсолютном или относительном обнищании российского пролетариата в царское время.

Более скромными были показатели роста по группе «торговля». Они равнялись 27,0%, 30,4%, 2,1% (с 215,1 руб. до 219,7). Такая ситуация в этой группе объясняется, видимо, тем, что ее вкладчики, как правило, пользовались и другими сохранными учреждениями, в которых было меньше ограничений для вкладов, чем в государственных сберегательных кассах. Стоит отметить и то, что по величине вклада на одну сберегательную книжку, эта группа уступала лишь: «духовному званию» (1907 г. — 309,1 руб., 1913 г. — 294,5); «землевлладению» (263,6 руб. и 233,6), «офицерским чинам» (228,9 руб. и 202,3). В то же время по этому показателю группу «торговля» отличало от названных групп то, что в ней этот показатель, хотя и ненамного, но увеличился, а не уменьшился, как в других группах.

Нельзя не отметить и то, что вклад на одну сберегательную книжку за рассматриваемый период увеличился или уменьшился незначительно, прежде всего, в тех группах, вкладчики которых получали доход, главным образом, от занятий, связанных с частным производством и торговлей. К таким группам относятся: «городские промыслы», «работа на фабриках, заводах и рудниках», «услужение», «служба общественная и частная». В «бюджетных» же группах — «духовное звание», «офицерские чины», «служба гражданская» — вклад, наоборот, уменьшился.

В современной отечественной историографии деятельность самого Столыпина преукрашена. Так В.В. Шелохаев считает, что «в сравнительно сжатые сроки столыпинских преобразований Россия достигла зримых и внушительных результатов во всех сферах жизнедеятельности... Это свидетельствовало о том, что предложенный Столыпиным тип модернизации России оказался результативным и соответствующим ее общегосударственным и общенациональным интересам»³⁰. Данное исследование вопроса о денежных вкладах населения в государственных сберегательных кассах, одного из наглядных показателей благосостояния населения, ради которого, прежде всего, и должны проводиться реформы, говорит о том, что оценки «столыпинской эпохи» должны быть более взвешенными, иначе создается основа для объяснения событий 1917 г. с помощью различных ненаучных, прежде всего, конспирологических теорий.

Примечания

1. ГУРКО В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. 2000, с. 26.
2. Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1, заседание 11, 27.11.1907, ст. 680.
3. МИРОНОВ Б.Н. Благосостояние и революции в имперской России XVIII — начала XX века. М. 2010, с. 674.
4. ОСТРОВСКИЙ А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова. — Вопросы истории, 2010, № 10, с. 138.
5. Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 год. Пг. 1914, с. 3, 8. (Подсчет в процентах произведен автором).

6. Приложение 6 к Отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1907 г. СПб. 1908, с. 160.
7. Приложение 6 к Отчету... за 1913 г. Пг. 1914, с. 168.
8. Приложение 6 к Отчету... за 1907 г. СПб. 1908, с. 160.
9. Отчет... за 1908 г. СПб. 1909, с. 14—15.
10. Приложение 6 к Отчету... за 1909 г. СПб. 1910, с. 160.
11. Приложение 6 к Отчету... за 1911 г. СПб. 1912, с. 168.
12. Приложение 6 к Отчету... за 1912 г. СПб. 1913, с. 168.
13. Приложение 6 к Отчету... за 1913 г. Пг. 1914, с. 168.
14. Данные на 1 января 1908 г. взяты из Отчета... за 1908 г., с. 14—15, а на 1 января 1914 г. — из Отчета... за 1913 г., с. 16—17).
15. Губернии и области, входившие в названные районы: *Северный*: Архангельская, Вологодская, Олонецкая обл.; *С.-Петербургский*: С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Нюландская обл.; *Центрально-промышленный*: Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская обл.; *Центрально-земледельческий*: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская обл.; *Северо-Восточный*: Вятская, Казанская, Пермская, Уфимская обл.; *Юго-Восточный*: Астраханская, Кубанская, Оренбургская, Самарская, Ставропольская, Терская, Уральская обл., Черноморская губ.; *Малороссийский*: Полтавская, Харьковская, Черниговская обл.; *Южный*: Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская обл.; *Юго-Западный*: Волынская, Киевская, Подольская обл.; *Северо-Западный*: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская обл.; *Прибалтийский*: Курляндская, Лифляндская, Эстляндская обл.; *Привислинский*: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская, Седлецкая, Холмская обл.; *Западная Сибирь*: Енисейская, Тобольская, Томская обл.; *Восточная Сибирь*: Амурская, Забайкальская, Иркутская, Приморская, Якутская обл.; *Закавказский*: Бакинская, Батумская, Дагестанская, Елисаветпольская губ., Карская, Кутаисская, Тифлисская, Эриванская обл.; *Среднеазиатский*: Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Ферганская области.
16. Данные подсчитаны по губернским показателям каждого из районов, опубликованным в Приложении 5 к Отчету... за 1907 г., с. 140—157.
17. Данные подсчитаны по губернским показателям каждого из районов, опубликованных в Приложении 5 к Отчету... за 1913 г., с. 148—165.
18. Подсчет данных проведен по Приложению 5 к Отчетам... за 1908 г. (с. 140—157), 1909 г. (с. 140—157), 1910 г. (с. 140—157), 1911 г. (с. 140—161), 1912 г. (с. 148—165), 1913 г. (с. 148—165).
19. РОГАЛИНА Н.Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация. — Российская история. 2012, № 2, с. 160.
20. КОРЕЛИН А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России. 1861—1914 гг. — Российская история. 2011, № 1, с. 48.
21. АНФИМОВ А.М. П.А.Столыпин и российское крестьянство. М. 2002, с. 265.
22. ШЕЛОХАЕВ В.В. Столыпинский тип модернизации России. — Российская история. 2012, № 2, с.18—36.
23. Подсчитано по Приложению 5 к Отчету... за 1907 г., с. 157.
24. Там же.
25. Подсчитано по Отчету... за 1908 г., с. 14—15.
26. Подсчитано по Отчету... за 1913 г., с. 16—17.
27. Подсчет за 1907 г. произведен по Приложению 7 к Отчету... за 1907 г., с. 180—181, а за 1913 г. по Приложению 7 к Отчету... за 1913 г., с. 188—189.
28. АНФИМОВ А.М. Ук. соч., с. 256.
29. Подсчитано по данным Приложения 7 к Отчету... за 1907 г., с. 164—181 и Приложения 7 к Отчету... за 1913 г., с. 172—189.
30. ШЕЛОХАЕВ В.В. Столыпинский тип модернизации России. — Российская история. 2012, № 2, с. 29.

Березниковский магниевый завод в годы второй мировой войны

В.В. Шилов

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы становления и роли магниевоего производства в предвоенные и военные годы. На основе собранных в производственно-историческом музее АВИСМА ОАО «Корпорация “ВСМПО-АВИСМА”», Березниковском городском историко-художественном музее воспоминаний тружеников тыла, рассекреченных документов Государственного архива Пермского края анализируются сложные вопросы строительства Березниковского магниевоего завода в условиях «пускового минимума» военного времени. Показаны необычайно тяжелые условия труда и быта рабочих и служащих магниевоего производства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: цветная металлургия, магний, авиация, военная продукция, природные ресурсы, эвакуация.

Abstract. In this work the questions of the formation and the role of magnesium production in the prewar and war years. Based on the collected production and historical museum AVISMA OAO «Corporation “VSMPO-AVISMA”», Berezniki City History and Art Museum memories home front, declassified documents of the State Archive of Perm region, analyzes the complex issues of occurrence of Berezniki magnesium plant in a «starting minimum» of wartime. Showing unusually heavy working and living conditions of workers and employees of magnesium production in the Great Patriotic War.

Key words: non-ferrous metals, magnesium, aircraft, military products, natural resources, evacuation.

После оккупации фашистской Германией летом 1941 г. советской Украины и прекращения работы в г. Запорожье Днепровского магниевоего завода магний, или как его полшутя называли «крылатый металл», производился только в Северном Прикамье в городе Соликамске Молотовской области. Мощностей Соликамского магниевоего завода (СМЗ) для обеспечения стратегически важным сырьем оборонной промышленности СССР явно не хватало. Этим и было вызвано форсированное строительство и пуск в нескольких километрах от Соликамска, в г. Березники Березниковского магниевоего завода (БМЗ), решение

Шилов Владимир Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: vvs595959@mail.ru.

Shilov Vladimir V. — candidate of historical sciences, head of the department of the Berezniki branch of the Perm National Research Polytechnic University. E-mail: vvs595959@mail.ru.

о создании которого еще в 1939 г. принял Экономсовет СССР. Но начало войны изменило первоначальный план создания в Березниках магниевого производства.

История цветной металлургии в годы Великой Отечественной войны периодически освещалась авторами, в том числе и авторитетными специалистами, например, в книге народного комиссара цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако¹, но в целом методика исследования подчинялась общей задаче — на основе документальных источников проследить процесс зарождения и становления магниевого производства в СССР.

Место для строительства Березниковского магниевого завода было выбрано неслучайно. Город «первых пятилеток», «Республика химии на Каме», как и сегодня нередко именуют г. Березники Пермского края, в начале второй мировой войны обладал мощной материально-технической базой и значительными трудовыми ресурсами, а Верхнекамское месторождение калийно-магневых солей должно было стать мощной сырьевой базой для третьего в СССР магниевого завода.

Здесь следует подчеркнуть, что с начала 1930-х гг. подавляющему большинству политиков и военным стратегам было понятно, что все масштабные войны отныне будут битвой «моторов и машин», производство которых напрямую зависит как от наличия промышленного потенциала государства, так и от его природных ресурсов, необходимых для динамичного развития экономики. Начавшаяся вторая мировая война это подтвердила — новая военная продукция наряду с бесперебойной работой тыла сразу стала определять исход практически всех главных сражений.

Магний прежде всего использовался в авиации, которая уже в ходе первой мировой войны показала себя грозным оружием.

Для постройки первого в России самолета в 1883 г. легендарный изобретатель и пионер русской авиации А.Ф. Можайский (1825—1890) использовал обычные материалы: сталь, шелк, льняной линь и т.п.²

Перед началом второй мировой войны было понятно, что с самолетами «на парусиновых крыльях» войну не выиграть. Нужен был современный материал для авиастроения — магний.

Помимо сырья при создании магниевого производства важную роль играет топливно-энергетический показатель, но именно сырьевой фактор, как и во многих других странах мира, стал главным в принятии советским правительством и учеными решения о строительстве Березниковского магниевого завода.

Богатейшие и самые различные по своим качествам природные богатства Северного Прикамья известны в России с древнейших времен. Неслучайно именно здесь несколько столетий трудились «главные солевары России» — представители династии Строгановых.

В конце XIX в. именно на земле Верхнекамья зародилась химическая промышленность России. Речь идет о первом в Российской империи Березниковском содовом заводе (БСЗ), аналогов которому на тот период в России не было.

«Отцом» отечественной калийной промышленности является русский геолог Павел Иванович Преображенский (1874—1944). Его считают первооткрывателем крупнейшего в мире месторождения калийно-магневых солей. В ночь с пятого на шестое октября 1925 г. экспедицией, которую возглавлял профессор Преображенский, был обнаружен пласт калийных солей. Эта дата, 5 октября 1925 г., и считается «днем рождения» отечественной калийной промышленности³.

В 1929 г. началось строительство Березниковского химического комбината: на будущей территории Березников велись подготовительные работы: стро-

ились бараки, сносился старый солеваренный завод, сооружались заводы по производству силикатного и красного кирпича, механический завод, другие вспомогательные предприятия. На строительстве химкомбината было занято более 15 тыс. рабочих и около 2 тыс. служащих, и уже в начале 30-х гг. XX в. в СССР официально был образован новый город — Березники, который стал одним из мировых центров химического и металлургического производства.

В 1933 г. в Березниках побывал председатель ВЦИК М.И. Калинин, который годом ранее как председатель ВЦИК и подписал постановление о создании г. Березники.

В следующем, 1934 г., в Березники приехал нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Посетивший Березники в эти же годы К.Г. Паустовский свои впечатления и наблюдения описал в очерке «Великан на Каме», в более поздней редакции — «Соль земли»⁴. В 1940 г. Березниковский химический комбинат был разделен на четыре самостоятельных предприятия: ТЭЦ-4, азотно-туковый, анилинокрасочный и содовый заводы.

К 1941 г. город Березники был довольно крупным промышленным и культурным центром, в котором проживало около 65 тыс. жителей.

Когда началась Великая Отечественная война и массовая эвакуация людей и предприятий с запада на восток, Березникам, несмотря на развитую инфраструктуру, пришлось пережить самое трудное время в своей истории. Город принял около 30 тыс. жителей из Украины, Белоруссии, центральных районов России, мобилизованных и трудармейцев Коми-округа, Наманганской, Рязанской, Кировской, Калининской, Ленинградской, Днепропетровской, Запорожской, Краснодарской областей, Алтайского края и Казахстана. Вместе с оборудованием в Березники прибыли и специалисты Ленинградского механического завода, Одесского металлообрабатывающего завода им. Петровского, Московской швейной фабрики им. Шкирятова, Сталиногорского и Рубежанского химкомбинатов, Донецкого и Славянского содовых заводов, Горловского азотно-тукового и Днепровского магниевых заводов (ДМЗ). 22 июня 1943 г. в Березниках получили столь необходимый фронт магний.

Известный английский публицист Александр Верт, всю войну находившийся в СССР как корреспондент Би-би-си и газеты «Санди тайм», по этому поводу писал: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года — это, прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости»⁵.

Эвакуированные рабочие и служащие, прибывшие в Березники, проживали в «уплотненном» городском жилом фонде, частном секторе (деревни Пермяково, Чупино, Семенники, Еремина), п. Чкалово, поселках-временках (БМЗ), а также в помещениях соцкультбыта: городском цирке (1000 чел.), клубе п. Лёнва (300 чел.), здании школы п. Заячья горка (500 чел.), подвале дома № 28 по ул. Челюскинцев (100 чел.) и многих других.

В городской больнице, ДК им. Ленина и пяти березниковских школах размещались госпитали, в которых лечились тысячи раненых. В августе 1941 г. в Березники было эвакуировано Ленинградское пехотное училище, которое успешно поставляло на фронт младший офицерский состав (около 3 тыс. командиров). Находился в березниковской эвакуации и знаменитый Ленинградский ТЮЗ, который за годы войны показал жителям более двух тысяч спектаклей.

Химические заводы Березников давали стране более 54 видов военной продукции. Жители города производили сырье для боеприпасов и боевой техники, ручные гранаты, лекарства... И это при том, что 12 тыс. березниковцев

самого трудоспособного возраста ушли на фронт защищать свое Отечество (восемь тысяч из них не вернулись с полей сражений).

Вместо мужчин, ушедших на фронт, на строительстве БМЗ работало много женщин и подростков. В скором времени, рядом со стройкой вырос целый поселок — Магниевый. Первые рабочие магниевого завода жили в бараках, землянках и даже просто палатках. Помогать им приходили люди из города, так как для перевозки людей не было даже простых грузовиков и гужевого транспорта.

В тяжелейших условиях строительство продолжалось два года (пуск завода состоялся только летом 1943 года). Но до получения первой продукции «крылатого металла» в Березниках было далеко. Первоначально нужно было в условиях сложного военного времени подготовить материально-техническую базу и пустить в строй, практически «с нуля», сложнейшее, даже по современным меркам, магниевое производство.

На стройке будущего магниевого завода работали не только местные жители, но и эвакуированные, «призванные на трудовой фронт» немцы, политические заключенные и даже жители республик Средней Азии, которым работа на стройке должна была заменить службу в армии. Прибывшие в Березники узбеки очень часто погибали от уральских морозов и авитаминоза, поэтому по просьбе руководителей треста их перестали направлять в Березники.

Суровые бытовые условия, тяжелый физический труд при скудном питании не могли не сказаться на здоровье строителей БМЗ. Первым заведующим здравпункта БМЗ была Ирина Егоровна Лидковская, которая вспоминала: «Здравпункт располагался в землянке, а в другой землянке был стационар. Место под стройплощадку было очень болотистое, копали канавы, вели дренажные работы. Люди жили в землянках с двух ярусными общими нарами по 75—80 человек. И людей косил сыпняк: заболел один в землянке — болели все...»

Большую роль при строительстве и пуске БМЗ играли мобилизованные трудармейцы. Формально этот «неблагонадежный элемент» не считался репрессированным (на них распространялось действие советского трудового, гражданского и уголовного законодательства, они могли получать и отправлять корреспонденцию, разрешалось свидание с родственниками и даже за ударный труд можно было получить разрешение на отпуск), но они были обязаны соблюдать специальные инструкции НКВД, согласно которым мобилизованные трудармейцы были лишены свободы передвижения, у них были изъяты паспорта и военные билеты. Кроме этого, согласно инструкции, трудармейцы должны были быть расселены в огражденные бараки, но контакты с заключенными не допускались. Для их охраны выставлялись посты, дежурные с собаками, а самовольные отлучки приравнивались к побегу или дезертирству, со всеми вытекающими последствиями. Условия жизни у трудармейцев были крайне тяжелыми, учитывая при этом скудное питание, самыми распространенными заболеваниями у них были цинга и дистрофия ⁶.

Несмотря на упорный труд, чтобы пустить магниевый завод в Березниках потребовалось два года после начала войны. Связано это было не только с эвакуацией сложного и громоздкого оборудования с ДМЗ и последующей его установкой на БМЗ, дефицитом стройматериалов, тяжелыми бытовыми условиями, но и минимальным опытом производства магния в СССР.

Порфирий Семёнович Чурсин, который в составе небольшой группы ремонтников восстанавливал на БМЗ эвакуированные с Днепровского магниевого завода генераторы, рассказывал: «В Березники мы прибыли в ноябре 1941 года. На площадке, где должен был строиться завод, было голое поле, только строилось деревянное здание под управление...

Кадры прибывали из разных мест Советского Союза: Украины, Белоруссии, Алтая, Узбекистана и других республик. Приезжали по мобилизации, по вербовке, по эвакуации и другим причинам.

Моторгенераторы, привезенные из Запорожья, играли тогда решающую роль в строительстве и пуске завода, потому что во время войны такие машины изготавливать было некому, Харьковский завод, который выпускал их, не работал — так как город был занят немцами.

Необходимо было в самый короткий срок восстановить эти машины. Это была огромная, трудная и порой, казалось, невыносимая работа.

Все это сложное оборудование было выгружено в дощатый сарай около завода № 237 (в то время так назывался завод).

И эти израненные, изуродованные своими же руками машины, при отсутствии соответствующих подъемных механизмов, необходимо было ремонтировать в этих деревянных сараях, потому что тогда еще не было построено кирпичное здание с мостовым краном.

Этот сарай был на стройке самым важным местом. Поэтому на этот участок было обращено особое внимание партийной организацией и дирекцией завода. На этом участке проводились митинги, брались фронтные задания»⁷.

22 июня 1943 г., в день годовщины начала Великой Отечественной войны, был выплавлен первый слиток березниковского магния. Впервые расплавленный магний в Березниках получили ванщики электролизного цеха Порфирий Харитонович Бармак и Василий Нефедович Дзюба под руководством мастера Михаила Беспятовых.

30 июля 1943 г. народный комиссар по строительству С. Гинзбург отметил напряженную и достойную работу строителей первой очереди БМЗ. Всех руководителей премировали месячным окладом, а 37 особо отличившихся рабочих получили значок «Отличник социалистического соревнования Наркомстроя». Еще 62 чел. были отмечены похвальными листами.

Всего на премирование рабочих было выделено 100 тыс. руб., а сотрудникам выездного бюро Гипроалюминия, которые проектировали первую очередь БМЗ, выдали по четвертинке водки и пачке махорки — самые ходовые товары того времени.

Завод начал работать без механической мастерской, электроцеха, ремонтно-строительного цеха. Не было даже складских помещений и гаража. Завод вступил в действие, находясь в процессе строительства, и в момент пуска полным ходом все еще шел монтаж большинства агрегатов основных цехов. Кроме этого, в деревянных цехах завода нередко вспыхивали пожары и для борьбы с ними была создана специальная пожарная дружина.

1 мая 1944 г. на Березниковском калийном комбинате в цехе № 10 были получены первые тонны обогащенного карналлита для магниевого завода. До этого времени важнейшее сырье для БМЗ поступало из соседнего Соликамска, что, разумеется, было крайне затруднительно.

В тяжелых условиях военного времени на комбинате был введен 10-часовой рабочий день. Очень часто производство приходилось останавливать из-за перебоев с электроэнергией. Только с июля по декабрь 1943 г. Молотовэнерго 26 раз полностью снимало нагрузку, и остановки доходили до шести часов. Кроме этого, практически все основные агрегаты завода были малопродуктивными, а большинство операций велось вручную. Особенно тяжелым был труд литейщиков: за смену каждый рабочий разливал ложками более двух тонн огнедышащего металла. По этим причинам в 1943 г. Березниковским магневикам удалось только один раз выполнить план по выпуску магния-сырца, а средний показатель равнялся 63%⁸.

Техрук цеха электролиза В. Ушаков вспоминал о работе в своем цехе: «Ввиду отсутствия цеха приготовления известкового молока в корпусе цеха электролиза всегда была повышенная загазованность. Рабочие надевали маски противогазов, еще находясь в бытовках, а заходя в корпус, смазывали все открытые части тела солидолом, находившимся в бочке при входе в цех. От хлора на теле образовывалось множество гнойников, вызывающих нестерпимую боль. В радиусе 7—8 км от завода погибли все деревья. Даже на морды лошадей, работавших на транспортировке отработанного электролита в спецте-лежке («тачанке»), надевались маски из ватина...»⁹

Бывший инженер Александр Иванович Иванов после войны вспоминал: «... Условия жизни в это время (начало 1942 года) были очень трудными. Много людей еще жило в брезентовых палатках и лишь в самую студеную часть зимы, когда морозы достигли 35—50°С, удалось большинство перевести в землянки, строившиеся либо Севуралтяжстроем, либо силами собственной строй-конторы, возглавляемой Г.А. Нурок, ныне профессором Московского горного института. Землянки были оборудованы двухярусными нарами вагонного типа. Но в них хоть было достаточно тепла. Из землянок в бараки удалось вывести людей лишь в сентябре 1945 года»¹⁰.

О тяжелых условиях работы и быта в годы войны не раз вспоминали сами руководители БМЗ. В тезисах «доклада главного инженера БМЗ т. Иванова о работе Березниковского магниевых завода в 1944—1945 гг.» на 3-й Всесоюзной производственно-технической конференции по легким металлам, который хранится в рукописном виде в ГАПК, читаем: «...В соответствии с требованиями военного времени в процессе проектирования и строительства завода были допущены большие упрощения, многие из которых находились в прямом противоречии с элементарными требованиями эксплуатации (сгораемые конструкции зданий, несоответствие сечений и мерок кабелей, открытый тип электродвигателей и пусковой аппаратуры, отсутствие отопления и промвентиляции, недостаток служебных и бытовых помещений и т.д.)

Пуск завода произошел в обстановке незаконченного строительства основных цехов и полного отсутствия ремонтной базы.

... Эти трудности далеко не изжиты и в настоящее время, после 2-х летней эксплуатации завода»¹¹.

Здесь же в докладе указывалось и на острую экологическую проблему: «С точки зрения промсанитарии завод находится в совершенно неудовлетворительном состоянии. В основных цехах чрезмерно высокая загазованность и запыленность. Очень велика загазованность территории завода, что привело к поражению растительности вокруг завода в радиусе на 5—7 километров... Атмосферные осадки попадая на рабочие места вызывают появление мокроты и грязи, а моменты выпуска расплава делают работу для обслуживающего персонала опасной.

В цехе не осуществлена приточная вентиляция, предусмотренная проектом...»¹²

Несмотря на бытовые трудности военного времени и авральные условия возведения Березниковского магниевых завода (практически за 11 месяцев, что, как следствие, сопровождалось частыми поломками и приводило к авариям оборудования), трудовой коллектив БМЗ не раз был отмечен за трудовые успехи на самом высоком уровне.

В официальных документах «Материалы по соцсоревнованию (постановления, соцобязательства, условия соцсоревнований и итоги проверки соцсоревнований» (начато в 1941 г. и окончено в 1955 г.), отмечено немало работников завода, которым были присвоены звания «стахановец» или «ударник».

Несмотря на трудовой героизм, в «мирную послевоенную эпоху» завод нужно было привести в соответствии с технологическими требованиями, чтобы

значительно снизить травматизм, уменьшить текучесть кадров, сделать БМЗ безопасным с точки зрения экологии для трудящихся завода и для всех жителей г. Березники.

Поэтому практически сразу после окончания войны Березниковский магниевый завод встал на реконструкцию. В 1949 г. директором тогда еще законсервированного БМЗ был назначен Клавдий Иванович Циренщиков. Именно с ним связаны самые значительные достижения в истории завода за 1949—1970 годы. Этому человеку удивительной судьбы посвящена целая книга, которая так и называется «Человек — легенда»¹³.

8 августа 1954 г. был получен первый послевоенный магний (в октябре того же года — первая партия товарной продукции). В 1956 г. Березниковский магниевый завод выполнил свой первый экспортный заказ — 15 т магниевых слитков были отправлены в Китай.

С середины 1950-х гг. наступила новая эпоха для Березниковского магниевого завода, которую с 1954 по 1960 г. историки цветной металлургии именуют эпохой «Приближения титана». С 1 января 1963 г. БМЗ стал называться «Березниковский титано-магниевый комбинат» (БТМК), а в 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР комбинат, приемник БМЗ, был награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

В заключение подчеркнем, что вклад березниковских металлургов в борьбу советского народа с фашизмом значителен. Это был тяжелый, но яркий, самоотверженный трудовой подвиг.

Примечания

1. ЛОМАКО П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М. 1985.
2. НИКУЛИН Ю. Александр Фёдорович Можайский. Вологда. 2006.
3. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ П.И. Соликамское калийное месторождение. Л. 1933.
4. ПАУСТОВСКИЙ К.Г. Соль земли. В кн.: ПАУСТОВСКИЙ К.Г. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. М. 1958, с. 258—308.
5. ВЕРТ А. Россия в войне. 1941—1945. М. 1967, с. 148.¹
6. СУСЛОВ А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.). Екатеринбург-Пермь. 2003.
7. К 50-летию комбината (воспоминания П.С. Чурсина). — Металлург. Березники. 1992, № 39.
8. История промышленности Пермского края. XX век. Пермь. 2006, с. 235.
9. Воспомявая техрука цеха электролиза В. Ушакова. Производственно-исторический музей АВИСМА (ПИМА), ф. Ветераны ВОВ (труженики тыла), д. 28 (2011).
10. Лекция А.И. Иванова «Самоотверженный труд советского народа в тылу для победы над немецким фашизмом». ПИМА, ф. БМЗ в годы войны, д. 3 (2011), л. 6.
11. Тезисы доклада главного инженера БМЗ т. Иванова о работе Березниковского магниевого завода в 1944—1945 гг. на 3-й Всесоюзной производственно-технической конференции по легким металлам. Государственный архив Пермского края (ГА ПК), ф. р-1491, оп. 1, д. 59, л. 1.
12. Там же, л. 19—20.
13. Человек-легенда. Воспоминания о К.И. Циренщикове. Березники. 2008.

Русский клин в «желтые страны»

А.А. Хисамутдинов

Аннотация. В работе разбирается забытая концепция бывших губернаторов П.В. Унтербергера (1906—1910) и Н.Л. Гондатти (1911—1916), а также путешественника В.К. Арсеньева политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Позднее эти идеи были использованы Советской властью на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, П.В. Унтербергер, Н.Л. Гондатти, отношения России с Китаем, русско-японские отношения, Россия и Корея, политика России на Дальнем Востоке.

Abstract. This publication describes the forgotten concept of former governors P. V. Unterberger (1906—1910) and N.L. Gondatti (1911—1916), as well as, the traveler V.K. Arsenyev about Russia's interrelationships in the Asia-Pacific region. Later, these ideas were used during the Soviet control in the Far East.

Key words: V.K. Arsenyev, P.V. Unterberger, N.L. Gondatti, Russia's relations with China, Russo-Japanese relations, Russia and Korea, Russian policy in the Far East.

Для того, чтобы понять будущее, надо хорошо разобраться в прошлом. «Наша колонизация имеет вид клина, слабеющего на своем конце и вклиняющегося в исконные земли желтых народов»¹. Эти слова принадлежат известному русскому путешественнику В.К. Арсеньеву, который в 1928 г. написал аналитическую докладную в бюро Далькрайкома ВКП (б)². Документ является свидетельством того, как Советская власть воспринимала идеи царского правительства в отношении политики на российском Дальнем Востоке.

Ввиду отдаленности дальневосточного региона от центра России власти не были заинтересованы в раздувании конфликтов с восточными соседями. По сути дела, российский Дальний Восток являлся буферной территорией, которая должна была затруднить проникновение неприятеля вглубь России. Подобную политику вело и Китайское государство в Маньчжурии и на прилегающих к Амуру землях. Положение изменилось после 1858 г., когда был заключен Айгунский договор, а на следующий год граф Н.Н. Муравьев-Амурский совершил поездку на юг. Поиск незамерзающего порта, основание Владивостока,

---

Хисамутдинов Амир Александрович — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета. Владивосток. E-mail: khisamut@yahoo.com.

Khislamutdinov Amir A. — doctor of historical sciences, professor of the Far East Federal University. Vladivostok. E-mail: khisamut@yahoo.com.

изменение политического баланса в Тихоокеанском регионе — все это привело к тому, что Россия стала резко увеличивать здесь свое военное присутствие³. Все посты в высшей администрации занимали военные.

Большую роль в укреплении российской государственности на Дальнем Востоке сыграл военный инженер Павел Фёдорович Унтербергер⁴, автор капитальных работ по экономике и статистике края. В 22 года он появился в Сибири и стал участвовать в строительстве военных укреплений на Дальнем Востоке, сразу обратив внимание на китайское население⁵. Расширению кругозора будущего губернатора способствовали его многочисленные военные командировки за границу. Это было обычной практикой царского правительства — отправлять военных для сбора стратегической информации о соседних странах.

В послужном списке офицера отмечалось: «Командирован командующим войсками округа в г. Шанхай и открытые порты Китая, для ознакомления со строительным делом в Китае и для разработки вопроса о применении у нас в Приамурском крае китайской рабочей силы вообще, а в особенности для найма мастеровых китайцев для работ инженерного ведомства в Приморской области и для первоначальной постановки работ в г. Хабаровске»⁶. «Путь мой пролегал, — писал подполковник Унтербергер, — через северную Монголию и пустыню Гоби в г. Калган, оттуда в Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гонконг; а затем, посетив на обратном пути те же порты Китая и столицу, я отправился через Японию в Приморскую область, откуда в конце октября 1876 года вновь вернулся в Иркутск, пробыв таким образом почти год в отлучке...»⁷ В течение всей поездки, с 12 ноября 1875 г. по 6 июля 1876 г., Унтербергер вел дневник, ставший основой «Очерка пути от г. Тянь-цзиня до г. Чжэнь-цзян в Китае», вышедшего в свет в «Записках Русского географического общества»⁸, которое наградило автора серебряной медалью. Чуть позже была издана и другая статья Унтербергера⁹.

В 1881 г. Павел Фёдорович встретился в Японии с офицером генерального штаба Ивао Ояма, который только что прибыл из Германии¹⁰. Они обсуждали военно-стратегическое соотношение сил в Азии. Уже тогда разговор шел о будущем столкновении Японии и России¹¹.

Японские специалисты тщательно анализировали ситуацию на российском Дальнем Востоке¹². Страну Восходящего солнца посещали и многие русские путешественники¹³.

1 октября 1888 г. был подписан приказ о назначении Унтербергера военным губернатором Приморской области. Он пробыл в этой должности восемь лет.

Авторитет губернатора среди соседних государств был весьма высок. Он был награжден японским орденом Священного сокровища 1-й степени¹⁴. 5 декабря 1894 г. получил китайский орден Двойного Дракона 2-й степени 1-го класса, а 17 марта 1904 г. — корейский орден «Тай-Кыка»¹⁵.

27 мая 1897 г. Унтербергер уехал в Нижний Новгород, куда его назначили губернатором. Его книга «Приморская область. 1856—1898 гг.» увидела свет в 1900 году. «Пробыв на службе в Восточной Сибири 33 года и оставив ее в 1897 году, — писал автор, — я был за этот промежуток времени не только наблюдателем всех свершившихся на нашем Дальнем Востоке событий, но и принимал в них непосредственное участие...»¹⁶ Это был серьезнейший анализ жизни необъятного края во всех областях: от проблем этнографии до экономики и статистики.

С первого появления русских на Дальнем Востоке правительство России опасалось, что маятник преимущества в этом регионе может качнуться в другую сторону. Генерал-губернаторы Приамурского края А.Н. Корф и Н.И. Гродеков неоднократно предпринимали меры по переселению китайцев и корейцев от границы¹⁷. Позднее американцы учли опыт России, стараясь увеличить

численность белого населения на Гавайях, в частности, за счет переселенцев с российского Дальнего Востока, чтобы ограничить приток жителей Японии и Китая.

Начало XX в. еще более изменило политическую ситуацию в Азии. С целью большего влияния на страны Дальнего Востока и укрепления своих дальневосточных рубежей Россия построила Китайско-Восточную железную дорогу. Тогда же возникла идея присоединения Маньчжурии к Российской империи.

Особой страницей в жизни Унтербергера была его дружба с молодым штабс-капитаном Арсеньевым¹⁸. Известный русский путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев прибыл на Дальний Восток летом 1900 года. Уже по пути он участвовал в подавлении Боксерского восстания, которое перекинулось из Китая в Россию, а затем — в обороне Благовещенска.

Будучи генерал-губернатором, Унтербергер понимал, что для обороны и подъема экономики края нужно немедленно провести полевые исследования. Много часов провел Павел Фёдорович с Арсеньевым, обсуждая цели и задачи будущих экспедиций. Унтербергер намечал три путешествия, которые должны были состояться в течение 1906—1910 гг. и охватить обширнейшую территорию. Необходимо было решить задачи, подчиненные одной цели: поднять экономику края. Все экспедиции были проведены Арсеньевым с блеском. Сведения, почерпнутые во время исследований, были использованы при написании первой значительной работы путешественника о военно-стратегическом значении региона¹⁹.

Унтербергер сделал очень много для поднятия экономики края, вконец расшатанной Русско-японской войной. Благодаря усилиям генерал-губернатора была начата постройка Амурской железной дороги, выработаны основы ведения рыбного промысла и лесоустройства — главных богатств края. Далекая Камчатка была соединена с европейской Россией радиотелеграфом, остров Сахалин выделен в особую область. Впервые в истории Дальнего Востока Унтербергер обратил внимание на нужды коренных народностей: провел мероприятия по улучшению оленеводства, охране пушных промыслов, ограничению продажи спирта. Обращалось большое внимание и на отношения с Японией²⁰. Обо всем этом много позже Арсеньев напомнит Советской власти.

6 декабря 1910 г. 68-летнего «амурца» назначили членом Государственного совета, через два года вышел его фундаментальный труд «Приамурский край. 1906—1910 гг.»²¹. Описав в книге весь свой многолетний опыт по управлению краем, Унтербергер сделал вывод: «Важнейшим делом, около которого должны сосредоточиться заботы правительства, продолжает быть колонизация края русскими переселенцами с преследованием при этом цели обеспечения в возможно короткий срок населения края и расположенных в нем войск местным хлебом и скотом... Разрешение различных земельных вопросов требует особенно внимательного к себе отношения... Та обширная мирная работа, которая велась и ведется в Приамурье по всем отраслям государственного хозяйства с целью выполнения основной задачи, поставленной краю, а именно: быть приемником для избытка населения европейской России и доставить в то же время выход к морю продуктов Сибири, требует для своей продуктивности мира на наших границах. Другими словами, нам нужно закрыть “наружные двери”, дабы при устройстве наших внутренних дел никто из наших соседей нам не мешал бы...».

Большую роль в изменении политики России на Дальнем Востоке сыграл Николай Львович Гондатти²². Он был одним из самых блестящих ученых. 30-летнего Гондатти в 1890 г. отправили в служебную командировку в Турцию, Сирию и Египет для ознакомления с состоянием там шелководства, а затем — в Австрию, Италию и Францию «для ознакомления с устройством

шелководческих станций и для изучения мероприятий, принимаемых этими государствами для поднятия и развития в их отрасли сельского хозяйства, а также для научных занятий по естествоведению и географии и для собирания материалов и коллекций по школьному образованию для педагогического отдела Музея прикладных знаний в Москве». Послужной список ученого дополнило кругосветное путешествие в Соединенные Штаты Америки. По пути он посетил Индию, Цейлон, Китай, Японию и Гавайи. Ему поручили познакомиться с культурой выращивания чая, изучить приемы шелкопрядства, а также провести комплексные научные исследования и сбор разнообразных коллекций. Николай Гондатти блестяще справился с заданиями. Вернувшись в 1891 г. в Россию, он опубликовал несколько научных работ по результатам своей командировки

В 1893 г. карьера ученого сделала неожиданный виток: 25 мая Гондатти был назначен начальником Анадырской округи. Когда он приехал на Чукотку, то узнал, что большинство чукчей считало себя гражданами США. Многие из них хорошо знали английский язык, часто ездили в Америку, а в некоторых поселках развивался американский флаг. Три года провел Гондатти на Чукотке. 18 января 1898 г. он получил Золотую медаль Русского Географического общества за труды по статистике и этнографии. 26 января 1901 г. Российская академия наук присудила ему Большую золотую медаль им. академика Бера.

Вернувшись в Хабаровск, не лишенный честолюбия Николай Львович 1 января 1899 г. занял важную должность начальника Переселенческого управления. Он поднял вопрос о необходимости предварительного и комплексного изучения районов, намеченных к переселению. Тогда уже российские власти окончательно убедились в том, что китайские или корейские переселенцы не способны стать гражданами Российской империи.

Гондатти считался признанным знатоком Сибири и Дальнего Востока. Он принимал активное участие в заседаниях Особого совещания о нуждах Сибири и в Комитете по заселению Дальнего Востока, являлся членом различных ведомственных комиссий в Петербурге, был любимцем всеильного П.А. Столыпина. В 1910 г. Николая Львовича назначили руководителем крупнейшей за всю историю географических исследований экспедиции по обследованию Сибири и Дальнего Востока. Задачами Амурской экспедиции являлись:

- 1). Изучение местности, прилегающей к линии постройки Амурской железной дороги, для определения пригодности ее для заселения и выяснения находящихся в ней естественных богатств;
- 2). Разработка предложений по устройству новых и улучшению существующих путей сообщений;
- 3). Выявление станций Амурской дороги и пунктов, которые могли развить поселки городского типа;
- 4). Составление предложений о дальнейших мерах к наилучшей постановке колонизационного дела в районе Амурской железной дороги и развитию промышленно-экономической деятельности.

В составе экспедиции Гондатти сформировал отряды специалистов: почвенно-ботанический, агрономический, статистический, гидротехнический, лесной, дорожный и геологический. Во всех ведомствах, соприкасавшихся с колонизацией в Приамурском крае, были назначены уполномоченные Амурской экспедиции ²³.

В течение двух лет вся Амурская экспедиция усиленно работала, собирая сведения и материалы, организовывала наблюдения, статистические опросы, устраивала опытные поля и станции, проникая в самые труднодоступные места. Все лето 1910 г. Гондатти лично занимался исследованиями. Он привлек к работе многих местных специалистов ²⁴. Вскоре были подведены первые итоги

и составлена программа первоочередных мер по улучшению освоения края. Результаты работы Амурской экспедиции позднее легли в основу проекта строительства БАМа.

Трудно переоценить результаты Амурской экспедиции для колонизации Дальнего Востока, но еще больший вклад она внесла в развитие дальневосточной науки. 40 томов, включавших результаты исследований, охватили все аспекты дальневосточного региона. Подробная программа мероприятий впервые покоилась на научном фундаменте. Экспедиции удалось ответить на многие вопросы и дать толчок систематическому и планомерному изучению Дальнего Востока. Издание отчетов позволило научной общественности познакомиться с результатами исследований, а следить за работой экспедиции они могли по регулярным публикациям в газетах.

Когда русское правительство предприняло попытку экономического обновления и демилитаризации всей далекой окраины империи, 40-летний шталмейстер двора Его величества Гондатти стал первым Приамурским генерал-губернатором, не имевшим военного чина.

Спектр действий нового Главного начальника края, как иногда называли эту должность, был широким: активная переселенческая политика с ограниченным привлечением иностранного труда; развитие инфраструктуры, единой со странами тихоокеанского бассейна. В поле зрения энергичного администратора находились агрономия и животноводство, развитие кустарной промышленности и основание кредитных товариществ.

Была еще одна отличительная черта политики Гондатти: он отрицательно относился к влиянию Китая, Кореи и Японии на русском Дальнем Востоке²⁵. Петроградская газета «Русское знамя» опубликовала резко критическую статью под названием «Вредная для России деятельность Н.Л. Гондатти»²⁶, обвинив его в том, что в свое время он ограничил прием китайцев и способствовал отмене порто-франко (беспошлинной торговли). В развитии территории генерал-губернатор решил опираться только на силы дальневосточников.

Продолжила работу и Амурская экспедиция. По предложению Гондатти, Приамурский край был покрыт сетью опытных полей, метеостанций и наблюдательных пунктов. Во Владивостоке была учреждена магнитно-метеорологическая обсерватория. Гондатти созывал многочисленные и многолюдные съезды, работали комиссии по разным отраслям жизни края. Нередко на них председательствовал сам генерал-губернатор, оказывая затем помощь в издании постановлений. Не забыл он и былого увлечения шелководством. Учитывая, что в соседнем Китае ему уделяется большое внимание, Гондатти пригласил специалистов и выделил средства для научной постановки шелководства в Приморье. Были произведены опытные посадки тутового дерева.

Целый ряд мероприятий провел Гондатти для улучшения жизни коренных народностей, организации для них медицинской помощи, определения их правового и экономического статуса, был подготовлен проект нового положения об инородцах. Независимо от «Трудов Амурской экспедиции» Гондатти предпринял издание большой серии — «Материалы по изучению Приамурского края». К этой работе он привлек ведущих исследователей и практиков. Некоторые книги этой серии не потеряли своего значения и сегодня.

Гондатти был организатором большой Краевой сельскохозяйственной, торгово-промышленной и научной выставки, посвященной 300-летию Дома Романовых. Он считал, что выставка должна была дать полную картину современного состояния края с его естественными богатствами и достигнутыми результатами. Подготовительные работы по специальным программам заняли два года. В результате на Хабаровской выставке открылся большой павильон, в котором были сосредоточены материалы, показывавшие научную постановку колониза-

ции. Хорошо была представлена научная сторона развития сельского хозяйства, лесного и рыбного промыслов, горной промышленности, путей сообщения, медицины и ветеринарии. Был организован специальный научный отдел и отдел этнографии. Отдел народного образования, по мнению многих посетителей, стал одним из лучших. Выставка дала богатейший материал для познания края и оставила большой след в научно-просветительском деле.

Несмотря на усилия правительства, численность русского населения возрастала очень медленно. Сельское хозяйство развивалось только вдоль китайско-русской границы, что еще более осложняло защиту русского населения. В то же время резко увеличивалось китайское и корейское население²⁷. Корейцы полностью захватили местный каботаж, японцы — рыбную промышленность, а китайцы были основной рабочей силой. Американцы успешно осваивали русский север. На охрану же всего российского побережья была выделена одна шхуна.

Арсеньев неоднократно участвовал в выявлении нелегальной эмиграции из Китая, а также расследовал преступную деятельность вновь прибывших иммигрантов. Китайскому населению была посвящена его работа, которая увидела свет в 1913 году. В ней он не только проанализировал такие отрицательные моменты, как эксплуатация коренного населения, преступность, но и сделал весьма важные выводы о возможности использования китайского труда в регионах Дальнего Востока. Арсеньев писал: «Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится. Скажу более — это было бы наивно! Известно, что все “желтые” туго поддаются ассимилированию со стороны европейцев. В этом отношении они обладают какой-то особенной агрессивной силой. Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещенных китайцев, но не обрусевших. О том, что китаец — христианин, я узнавал только тогда, когда он сам мне рассказывал об этом. Ни в строе жизни, ни в обычаях, ни в одежде, ни в привычках христианин-китаец не изменяется. И какие бы усилия не применялись, китаец навсегда останется китайцем»²⁸. Неутешительно звучат слова Арсеньева и по поводу того, что русская промышленность и торговля не могут никак конкурировать с китайцами²⁹. Об этом Арсеньев писал в разделе «Колонизация» книги «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края»³⁰.

После отъезда Унтербергера в Петербург его дружба с Арсеньевым не прервалась. Наоборот, учитель внимательно следил за жизнью талантливого ученика. Арсеньев же после выхода из печати своих работ немедленно посылал их Унтербергеру. По его просьбе Владимир Клавдиевич подготовил список своих работ и планов. «Вполне сочувствую, — писал отставной генерал-губернатор 27 октября 1916 г. Арсеньеву, — Вашему плану обследования района между низовьем р. Амура и побережьем Охотского моря; это действительно Терра Инкогнита. Уездные начальники знакомы только с некоторыми, весьма ограниченными участками. Мною в былое время предполагалось туда послать комиссию для переписи инородцев и более точного распределения между ними платимого ясака. Выяснение этого вопроса находилось в связи с бывшим предложением вообще изменить налоговую систему инородцев. Пришлось по целому ряду причин тогда отложить это намерение, но оно настоятельно нужно»³¹. Сохранилось любопытное (последнее) письмо, полученное Арсеньевым от Унтербергера, которое тот отправил 8 декабря 1920 г. из эмиграции. Он писал: «Верьте мне, то, что теперь творится в России, в том же виде проявится в среде каждого народа, где установились бы порядки, ныне существующие на нашей родине. Как только наступят спокойные времена, а они должны наступить, все резко изменится, и тот же народ ужаснется, вникнув в то, что он натворил, когда его скверным качествам не было удержу»³².

Во время Гражданской войны Арсеньев помогал военной разведке Американского экспедиционного корпуса (Military Intelligence Service in the Siberian Expedition) ³³. Вероятно, своим анализом он способствовал тому, что американцы быстро покинули территорию Российского Дальнего Востока.

1917 г. изменил жизнь Гондатти, который эмигрировал в Китай и жил в Харбине. Бывший генерал-губернатор не переставал интересоваться политикой. «Маньчжурский вопрос, — писал в 1930-е гг. бывший генерал-губернатор, — важный для Японии с точки зрения колонизации, является самым существенным, и никакие постановления Совета Лиги Наций, никакое самое убедительное предупреждение того или иного государства не заставит Японию уйти из Маньчжурии...» ³⁴ Когда советские войска пришли в Харбин и предложили бывшему генерал-губернатору вернуться на родину, обещая обеспеченную и спокойную старость, Гондатти отказался.

После становления советской власти перед нею встали те же проблемы, которые не смогло решить царское правительство. По многим направлениям СССР повторяло политику прежней власти. Китайско-корейское население продолжало стремительно увеличиваться. Возрастали проблемы и в Маньчжуррии на линии КВЖД.

По просьбе Дальневосточного комитета ВКП (б) Арсеньев подготовил обширный доклад о положении России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В наше время, — писал Владимир Клавдиевич, — гораздо важнее экономическая защита страны, чем вооруженное сопротивление, поэтому в приграничных районах необходимо создать такие же мощные организации, как АКО (Акционерные компании. — А.Х.), которые дадут колонистам заработки и обеспечат им сбыт сельскохозяйственных продуктов. Для этого нужны средства и не маленькие, но все-таки они будут неизмеримо меньше тех, которые придется израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооруженную рукой. Необходимо также укрепить нашу морскую границу... За 270 лет нашего владения на берегах Великого океана мы мало уделяли внимания морю, а теперь о нем забыли совсем».

В своем докладе Владимир Клавдиевич выразил мысли, почерпнутые им не только из собственного богатого опыта, но и из общения с Унтербергером и Гондатти. Арсеньев почти слово в слово повторяет свои слова, написанные десять лет тому назад: «Если Россия на Северную Маньчжурию имеет какие-либо виды (район отчуждения КВЖД. — А.Х.), то вопрос этот надо решать теперь же, пока она еще недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, приобретая страну, приобретаешь и ее население. По сравнению с другими областями Восточной Сибири в особенно невыгодном положении находится Уссурийский край. Спускаясь к югу по побережью моря, он как бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своим населением. С запада — многолюдный Китай, с юга — земледельческая Корея, с востока — культурная Япония. Нет ничего удивительного, что корейцы эмигрируют в Россию и селятся на землю, японцы ловят рыбу у наших берегов, а китайцы хищничают в тайге. Уссурийский край своего рода буфер, выдерживающий натиски “желтой расы”. Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывает в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском “желтых”. Уссурийский край — будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край — в особенности» ³⁵.

В своих рекомендациях Владимир Клавдиевич предлагал Советской власти резко ограничить приток китайско-корейского населения, предпринять меры для переселения, укрепить границу и начать экономические преобразования. В значительной степени этим идеям способствовала новая экономическая политика Советского правительства и развитие концессий.

Доклад, помеченный грифом «Секретно», лег на стол членам и кандидатам в члены Бюро Далькрайкома, а затем, по вполне понятным причинам, перекочевал в архив. Арсеньев продолжал заниматься анализом демографической ситуации на российском Дальнем Востоке.

25 мая 1929 г. он подготовил большую работу «Население Владивостокского округа». Вот его последние строки: «На обломках старого хищнического уклада в крае надо создать новую жизнь, которая вывела бы Приморье к новому независимому от соседей существованию при все более и более крепнущих связях с Сибирью и Европейской частью Союза»³⁶. На этой работе также появился гриф «Не подлежит оглашению»³⁷.

В другой работе, касающиеся экономики региона, Арсеньев писал: В наше время гораздо важнее экономическая защита страны, чем вооруженное сопротивление. Для этого нужны денежные затраты и не маленькие, все-таки они будут неизмеримо меньше тех, которые придется израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооруженною рукою»³⁸.

Уже тогда российские ученые знали о насильственном переселении китайцев и корейцев из Приморья. В середине декабря 1928 г. заведующий отделом Дальнего Востока Г.О. Мецлер писал во Владивосток Арсеньеву о планах совершить летом 1930 г. этнолого-антропологическую экспедицию в Южно-Уссурийский край. «Хотя может быть в 1930 году, — сообщал ученый, — мы ограничимся работой только над китайцами, если Вы найдете, что объектов для исследования будет достаточно, и эта тема действительно более актуальная в связи с волной репатриации китайцев, о которой мы имеем здесь сведения, тогда, понятно, вопрос о переводчике-корейце отпадает, так как я достаточно владею китайским языком и письменностью. Экспедицию же для обследования корейцев в таком же составе можно перенести на 1931 год, так как у меня экспедиции по обследованию корейцев и китайцев Южно-Уссурийского края, предусмотрены на два года: по четыре-пять месяцев ежегодно»³⁹.

Мнение Арсеньева учитывалось при составлении второго пятилетнего плана для Советского Дальнего Востока⁴⁰. Имеются косвенные документы, подтверждающие, что Арсеньев был неофициальным советником председателя Дальревкома Я.Б. Гамарника (1894—1937) и председателя Владивостокского окрисполкома Г.М. Крутова (1892—1938). Они поручили Арсеньеву провести изыскания с целью постройки новых железных дорог. Во время этой работы Арсеньев скончался.

Осложнение политической обстановки на Дальнем Востоке способствовало тому, что Россия решила создать свой Советский «буфер». Депортация китайско-корейского населения была во многом вызвана оккупацией Японией Маньчжурии и милитаризацией Приморья. Чтобы решить проблемы с рабочей силой, было создано управление Дальневосточных лагерей.

Во время сталинских репрессий многие единомышленники Арсеньева были арестованы. Такая же участь постигла и вдову путешественника Маргариту Николаевну Арсеньеву. 11 февраля 1935 г. открылось заседание Военного трибунала Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Арсеньеву спросили о секретном докладе. «Да, мой муж действительно писал доклад о Японской агрессии на ДВК, — подтвердила она, — и передал его бывшему председателю крайисполкома Крутову. Кажется, он посылал его и в Москву. После смерти Владимира Клавдиевича уполномоченный НКВД Гейсман просил, чтобы я поискала в архивах мужа, нет ли там черновика или каких-нибудь экземпляров этого доклада. Его надо было сдать т.к. он секретный»⁴¹.

С помощью Гамарника Арсеньевой удалось освободиться из заключения. По иронии судьбы покойного Арсеньева посчитали главой японской разведки в России.

Примечания

- Автор благодарит русского библиографа Гавайского университета (Гонолулу, США) Патрицию Полански и почетного профессора того же университета Джона Стефана за сотрудничество.
1. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК), ф. 2, оп. 1, д. 460, л. 69.
  2. Доклад В.К. Арсеньева Далькрайкому ВКП(б). — Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток. 1995, № 3, с. 94—104.
  3. STERNAN J. The Russian Far East: a history. Stanford. 1994, p. 47.
  4. Унтербергер Павел Фёдорович (1842—1921). Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Делегирован по строительству Иркутского военного округа (1864). Совершил экспедиции по Монголии (1871), Китаю и Японии (1875). Участвовал в комиссии по разграничению земель (1895). Военный губернатор Приморской области (1888—1897). Генерал-губернатор Приамурского края (1906—1910).
  5. УНТЕРБЕРГЕР П.Ф. Заметка о китайских военных средствах к защите г. Урги от нападения шаек инсургентов. — Инженерный журнал. 1872, № 9, с. 781—792; ЕГО ЖЕ. Опыт найма китайцев в Чжилиской и Шаньдунской провинциях для работ инженерного ведомства в Приамурском крае. — Там же. 1877, № 9, неофиц. часть II, с. 1—16; № 10, неофиц., часть II, с. 17—36.
  6. Российский государственный исторический архив (РГИА), 1284. 46—1905, д. 193, л. 98об.
  7. Цит. по: Там же, ф. 99 (П.В. Унтербергер).
  8. УНТЕРБЕРГЕР П.Ф. Очерк пути от г. Тяньцзиня до г. Чжэнь-цзянь (Ching-kiang) в Китае. С картой. — Записки ИРГО по общей географии. 1886, № XI, с. 3—58.
  9. ЕГО ЖЕ. По западной окраине Китая. От г. Тянь-цзиня до г. Чжэнь-цзянь. — Военный сборник. 1888, № VIII, с. 359—381; № IX, с. 213—229.
  10. Ояма Ивао (1842—1916). Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. находился при прусских войсках, изучая их опыт. В 1871—1874 гг. получил военное образование во Франции и Швейцарии. В 1877—1878 гг. участвовал в подавлении мятежа самураев, поднятого его родственником С. Такамури. В 1885—1896 гг. занимал пост военного министра (с небольшим перерывом). Во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. командовал 2-й армией, захватившей Льюйшунь (Порт-Артур), после войны получил титул маркиза и стал членом Тайного совета при императоре. Маршал (1898). В 1899—1904 гг. начальник Генштаба, во время русско-японской войны 1904—1905 гг. с июня 1904 г. главнокомандующий сухопутными армиями в Маньчжурии. С 1912 г. гэнро и лорд-хранитель императорской печати. Принц (с 1905).
  11. ГА ХК, ф. 2, оп. 1, д. 460, л. 65.
  12. MATSUI M. Russo-Japanese frontier region: Japanese source materials. Honolulu-Hawaii. 1984.
  13. Russian views of Japan, 1792—1913: an anthology of travel writing. L-N.Y. 2004.
  14. РГИА, 1284. 46—1905, д. 2836.
  15. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 5444.
  16. УНТЕРБЕРГЕР П.Ф. Приморская область. 1856—1898 гг.: очерк. СПб. 1900.
  17. Регистрация корейского и китайского населения. — Приамурские ведомости. Хабаровск. 8.IX.1896, с. 19
  18. Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872—1930). Окончил СПб. пехотное юнкерское училище (1896), служил в Польше. После перевода во Владивосток (1900) совершал экспедиции по российскому Дальнему Востоку, собрав многочисленные коллекции (1906—1927). Участвовал в делах Общества изучения Амурского края (1903—1930) и Приамурского отдела Русского Географического общества, возглавлял Гродековский музей в Хабаровске. Занимался преподавательской деятельностью (с 1917), в том числе в Дальневосточном университете.
  19. АРСЕНЬЕВ В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск. 1912.
  20. SCHIMMELPENNINCK van der OYE D. Toward the rising sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan. Northern Illinois University Press. 2001.

21. УНТЕРБЕРГЕР П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг.: очерк. СПб. 1912.
22. Гондатти Николай Львович (1860—1946). Окончил с отличием юридический и физико-математический факультеты Московского университета (1887). Опубликовал научные работы по результатам кругосветной командировки, получив за них золотые медали ИРГО и ИАН. Чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе (с 1893). Шталмейстер, Приамурский генерал-губернатор (1911—1917). Эмигрировал в Китай, жил в Харбине. Начальник земельного отдела КВЖД. Председатель Общества домохозяев и Общества русских ориенталистов.
23. [ГОНДАТТИ Н.] Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. СПб. 1911.
24. ГРАВЕ В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приморье: отчет. СПб. 1912.
25. ГОНДАТТИ Н.Л. Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры (доклад 1914 г. Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти председателю Совмина И.Л. Горемыкину). — Исторический архив. 1997, № 1, с. 69—71.
26. РГИА, ф. 1284, оп. 47, д. 11, л. 56.
27. SAVEL'EV I.R. Imin to kokka: Kyokuto Roshia ni okeru Chugokujin, Chosenjin, Nihonjin. [Migration and the State: Chinese, Korean and Japanese Diaspora in the Russian Far East]. Tokyo. 2005.
28. АРСЕНЬЕВ В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историко-этнографический. Т. 10. Хабаровск. 1914, с. 196.
29. Там же, с. 198—203.
30. АРСЕНЬЕВ В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск. 1912, с. 304—324.
31. Архив Общества изучения Амурского края (Владивосток) (АОИАК), ф. В.К. Арсеньева, оп. 3, д. 71 (Переписка с П.Ф. Унтербергером).
32. Там же.
33. Архив и библиотека Банкрофта (Беркли) (The Bancroft Library, University of California, Berkeley). США. In: David P. Barrows Papers. C-b 1005. Box 3. Folder — Aug. 1921 — June 1922.
34. Archives of Hoover Institution on War, Revolution and Peace: Moravsky, box 12.
35. АРСЕНЬЕВ В.К. Китайцы в Уссурийском крае, с. 203.
36. АОИАК, ф. ВКА, оп. 1, д. 64, л. 139.
37. Там же, л. 1.
38. Там же, д. 50, л. 7.
39. Там же, оп. 3, д. 39, л. 1.
40. Доклад В.К. Арсеньева Далькрайкому ВКП (б). — Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток. 1995, № 3, с. 94.
41. Выписки из архива ФСБ по Приморскому краю подполковника КГБ в отставке Б.Г. Болтруца (собрание автора).

Англо-российская Конвенция 1907 г.

А.В. Володько

Аннотация. Работа посвящена позициям Российской империи и Великобритании в отношении Персии накануне первой мировой войны, подготовке, заключению и значению англо-русской Конвенции 1907 года. При подготовке использованы материалы Архива внешней политики Российской империи, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Персия, Конвенция, соглашение, противоречия.

Abstract. This work is devoted to positions of the Russian Empire and Great Britain concerning Persia on the eve of World War I, to preparation, the conclusion and value of the English-Russian Convention of 1907. By preparation materials of Archive of foreign policy of the Russian Empire from which number is introduced for scientific use for the first time are used.

Key words: Russian Empire, Great Britain, Persia, Convention, agreement, contradictions.

К началу XX в. одним из приоритетных направлений политики Российской империи на Среднем Востоке становится богатая нефтью Персия (с 1935 г. — Иран), выгодно расположенная на пути в Индию, и на Кавказ.

Основная цель этой политики состояла в том, чтобы «сохранять целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних принципов ее самостоятельности, так и внутреннего строя»¹. В свою очередь целью политики Англии было установление в Персии собственного господства. Предложение Лондона оформить специальным соглашением раздел

Володько Анна Вячеславовна — кандидат юридических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук. E-mail: avolodko@inbox.ru.

Volodko Anna V. — candidate of jurisprudence, research associate at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, senior research associate of the State Academic University of the Humanities. E-mail: avolodko@inbox.ru.

сфер влияния в Персии на северную — России и южную — Англии, в Петербурге отклонили.

Российская империя обладала к этому времени значительными экономическими и военно-политическими преимуществами в Персии. Она добилась заметных успехов в освоении персидского рынка, монополизировала торговлю на севере страны. По объему торгового оборота с этой страной в 1906—1907 гг. Россия занимала первое место среди европейских государств. Стоимость экспорта России в Персию достигла 4 391 тыс. фунтов, в то время как Англии — 3 793 тыс. фунтов, Германии — 279 тыс. фунтов². Российское влияние распространялось не только на более развитый в промышленном отношении север Персии, но и на юг страны, где действовали паромные линии между портами Черного моря и Персидского залива, функционировали российские консульства в Бендер-Бушире (с 1901 г.) и Бендер-Абасе (с 1905 г.).

Важным инструментом российского влияния была Казачья Его Величество Шаха бригада (1879—1920 гг.) — уникальное соединение персидской армии, созданное по просьбе Насер эд-Дин Шаха. Бригадой командовали офицеры Генерального штаба России. Она отвечала за охрану шаха и высших персидских чиновников, особо важных государственных учреждений, несла караульную службу в министерствах, банках, иностранных миссиях; помогала правительству взимать налоги с населения и, что не менее важно, участвовала в подавлении беспорядков, которые были вызваны происходившей в стране «конституционной революцией» (1905—1911 гг.).

Укрепление российского влияния в Персии вызвало ответную реакцию Лондона. Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей, выступая за соглашение с Российской империей о разделе сфер влияния в Персии, отмечал: «Если в этой стране (Персии. — *А.В.*) России суждено расширяться, то это должно произойти по соглашению с Англией. Прежде всего, следует ознакомиться с намерениями России и установить, насколько они согласованы с британскими интересами»³. Депутаты английского парламента высказывались за совместные действия с Россией, но без каких-либо уступок в южной части Персии и Персидском заливе (подразумевалось не допускать проникновения русских военных и торговых судов в залив)⁴.

Новый министр иностранных дел Великобритании Г. Лансдаун во время визита министра иностранных дел России В.М. Ламсдорфа в Париж вновь поднял вопрос о сферах влияния. На этот раз английская сторона предложила признать Афганистан и Тибет сферой своего влияния и продолжала настаивать на заключении соглашения о разделе Персии. Но эти переговоры не принесли результатов.

Поражение в русско-японской войне и революция 1905—1907 гг. ограничили ресурсы России, необходимые для защиты интересов страны в пограничных государствах. Рост германской экспансии на Среднем Востоке (успешное строительство Багдадской железной дороги, усиление позиций немецких монополий) явился еще одним фактором, который способствовал сближению позиций России и Англии. Поддержка Лондона также была нужна российской дипломатии для нормализации отношений с Японией, использования в этих целях общности англо-японских отношений. Иными словами, требовались изменения во внешней политике России с тем, чтобы выиграть время для восстановления сил страны.

В мае 1906 г., вместо ушедшего в отставку Ламсдорфа, министром иностранных дел России был назначен А.П. Извольский⁵, впоследствии вошедший в историю как автор нового внешнеполитического курса страны. Послом Англии в Петербург Форин офис направил сторонника соглашения с Россией А. Николсона.

Извольский считал, что во внешней политике России следует воздержаться от каких-либо решительных действий на международной арене и добиваться поддержки своей деятельности в союзах и соглашениях с другими государствами. В части, касающейся Великобритании, он был последовательным сторонником англо-русского соглашения при сохранении связей с Германией.

Англо-русские переговоры продвигались медленно. Извольскому и другим сторонникам соглашения приходилось убеждать в необходимости его заключения различные политические группировки. Программное выступление министра в Государственной думе было встречено, в целом, одобрительно ⁶, но как он писал позднее, ему пришлось выдержать серьезное противостояние со всеми, даже с сотрудниками министерства ⁷.

Переговоры с Лондоном российское правительство обсудило на Особых совещаниях. Первое Особое совещание собралось 7 сентября 1906 г. ⁸, второе — 1 февраля 1907 года. Заслуживает внимание выступление на совещании 7 сентября, министра финансов В.Н. Коковцова, которое содержало отрицательную оценку восточной политики России в целом, а «что касается Персии, — отметил министр, — то общей ходячей мыслью являлось стремление к выходу в Персидский залив, включая постройку международных железных дорог. Нельзя не признать в этом глубокого заблуждения. Персидский залив фактически закрыт Англией и находится на деле в ее руках... Можно ли серьезно говорить о том, чтобы вытеснить кого бы то ни было из Персии и целиком подчинить ее русскому влиянию. Ответ несомненно должен быть отрицательным... Наши задачи — обслуживать соседние с Россией провинции, не допуская туда влияния Англии и Германии..., в которых (провинциях. — *А.В.*) мы много затратили и довольно много сделали и где у нас имеются действительно исторически сложившиеся интересы и связи» ⁹. На втором Особом совещании Извольский, говоря о соглашении с Лондоном, заявил: «До последнего времени мысль эта (раздел сфер влияния в Персии. — *А.В.*) не встречала сочувствия в русском общественном мнении, и в руководящих кругах господствовало убеждение, что Персия должна всецело подпасть под русское влияние, и что надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив с проведением железной дороги через всю Персию. Но события последних лет выявили несбыточность этого плана и выдвинули вопрос о необходимости устранить почву конфликта с Англией» ¹⁰.

В результате длительных и сложных переговоров 18(31) августа 1907 г. в Петербурге состоялось подписание Извольским и А. Николсоном двусторонней Конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета ¹¹. Открывалась новая страница международных отношений. Англия и Россия отказывались от каких-либо преимущественных прав на Тибет и соглашались считать его сферой влияния Китая, кроме этого, уважать независимость Афганистана и Тибета. В соглашении, касающемся Персии, фиксировался раздел сфер влияния в стране на две части. Расположенная между ними территория объявлялась нейтральной. Стороны оставляли за собой право на получение концессий в нейтральной части, брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии. В русской и английских частях влияния устанавливался контроль за доходами персидского правительства и своевременным получением платежей по займам.

Россия оговаривала выгодные для себя условия контроля в северной части Персии, но лишалась привилегий в южной части страны, включая Персидский залив, поскольку должна была упразднить свои консульства и пароходные морские линии. Однако продолжение вражды с Англией было еще более опасным и могло быть выгодно только третьим странам. Вошедшая в британскую сферу влияния южная часть Персии, хотя и была менее развитой, но как и нейтральная часть обладала нефтяными месторождениями.

Конвенция вызвала большое недовольство в различных слоях населения Персии, как направленная против набиравших силу демократических преобразований в стране. Меджлис, избранный в 1906 г., заявил протест против Конвенции, персидское правительство отказалось ее признать. Значительная часть общественного мнения в России также негативно отнеслась к Конвенции. С.Ю. Витте, много сделавший для развития русско-персидских отношений, считал, что в результате соглашения Россия не получила никаких выгод, так как теперь она не сможет распространять свое влияние на всю страну, а на севере столкнется с растущим германским влиянием и в будущем рискует потерять Персию¹². С.А. Поклевский-Козелл, российский посол в Тегеране в 1909—1913 гг., оценивал англо-русское соглашение с других позиций. Он писал, что первым испытанием для этого соглашения явилось установление совместных с Англией принципов отношения «к персидской неурядице...», от которой «... страдали многочисленные интересы России и Великобритании»¹³.

28 января 1908 г., с сообщением об англо-русском соглашении 1907 г., на собрании Общества ревнителей военных знаний выступил председатель среднеазиатского отдела Общества востоковедения, известный в то время авторитет в военном деле А.Е. Снесарев. В части, касающейся раздела территории Персии, он утверждал, «что в своем договорном соглашении с Англией Россия надолго отказывается от одной из своих крупных исторических задач» — «пробриться когда-нибудь к берегам Индийского океана». Положительной стороной соглашения он считал попытку «установить какую-нибудь мирную отправную точку в отношениях двух колоссальных соперниц на среднеазиатской арене»¹⁴.

Российская либеральная буржуазия поддержала Конвенцию. 27 февраля 1908 г. лидер кадетов П.Н. Милюков, в своем выступлении в Государственной думе одобрил заключенное соглашение¹⁵.

Среди дипломатов наиболее критично в отношении нового курса российской внешней политики и достигнутого соглашения высказывался И.А. Зиновьев (1876—1883 гг. — посол в Персии, 1883—1891 гг. — глава Азиатского департамента Министерства иностранных дел России). По его мнению, «англичане как нельзя более устойчивы в своих политических убеждениях. Потому несколько не удивительно, что и после состоявшегося между Россией и Англией сближения они не усмотрели необходимости, ввиду возможных в будущем случайностей, отречься от своей прежней программы, один из главных пунктов которой требовал настойчивого противодействия распространению влияния России в Средней Азии и ее преобладанию в Персии»¹⁶. Следовало заявить английскому правительству, «что предложенная им политика невмешательства не могла служить достаточным обеспечением наших интересов, и что интересы эти и, в особенности, необходимость охранения спокойствия по близости кавказской границы, ставили нас в необходимость сохранить за собою известную свободу действий, по крайней мере, в северных областях Персии, где сосредоточивались преимущественно наши интересы, и не допускать распространения революционного движения на эти области»¹⁷.

Тем временем, события на международной арене и в самой Персии все более способствовали сближению англо-русских отношений. 14 декабря 1907 г. Извольский отправил российскому посланнику в Тегеране информацию, полученную от Николсона. В ней сообщалось, что послу Великобритании рекомендовано придерживаться нейтралитета в отношении разногласий шаха с народом и иметь в виду возможность совместных действий двух стран в случае возникновения угрозы жизни шаха и работе дипломатических миссий в Персии¹⁸. Стороны внимательно отслеживали ситуацию и обсуждали свои действия. В связи с обострением обстановки в стране послы России и Англии нанесли

визит персидскому министру иностранных дел и предупредили его об угрожающей шаху опасности. В конце 1911 г. персидская революция была подавлена совместными усилиями русских войск на севере и английских — на юге, но ее сторонники добились провозглашения конституции и создания меджлиса, сыгравшего значительную роль в развитии государственности страны. В марте 1912 г. персидское правительство официально признало англо-русскую Конвенцию 1907 г. и обязалось согласовывать свою политику с данным соглашением. Признание Конвенции явилось одним из условий получения Персией в 1912—1914 гг. пяти денежных займов, которые предоставили Великобритания и Россия.

Наиболее дальновидная оценка Конвенции в те годы принадлежит, по нашему мнению, начальнику Главного управления Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну: «Наше дипломатическое соглашение с Англией, подписанное 18 августа 1907 года, хотя и касается лишь определенных взаимных наших интересов в Тибете, Персии и Афганистане, но знаменует собой известную эволюцию в области политических отношений, дает право предполагать, что в случае вооруженного столкновения в Европе, мы не встретим в ряду врагов наших Англию»¹⁹. Конвенция, как и ранее англо-французский военный союз, закладывала основы будущей Антанты — военно-политического блока, который противостоял Германии и ее союзникам в первой мировой войне. В 1915 г. Конвенция была дополнена англо-франко-русским секретным соглашением, по которому Англия и Франция после победы над германской коалицией предусматривали передать России Константинополь и проливы, но это соглашение осталось невыполненным.

После Октябрьской революции 1917 г. Советское правительство, 14(27) января 1918 г., направило персидскому послу в Петербурге ноту, в которой официально объявило о расторжении Конвенции 1907 г., как направленной против свободы и независимости персидского народа²⁰. Все соглашения и дополнения, как предшествовавшие документу, так и заключенные позднее, признавались утратившими силу.

Новейшая отечественная историография, оценивая Конвенцию 1907 г. и внешнеполитический курс России на этом направлении, отмечает, что «российской дипломатии удалось договориться с Англией о разграничении сфер интересов на всем среднеазиатском театре... Русско-английская конвенция вместе с англо-французской Антантой проложили путь к Тройственному соглашению»²¹.

Д.М. Демулин, историк международных отношений, в статье, посвященной русско-британскому противостоянию в Персии, как бы возвращаясь к дискуссии начала века, утверждает, что в высшей степени выгодным это соглашение было для Лондона. Англия, в противовес агрессивной Германии, получала в союзники Российскую империю. В результате, «англичане ограничивали своего конкурента в Персии севером страны и, главное, благодаря положению о невмешательстве во внутреннюю политику, получали возможность использовать естественный ход событий в Персии для смены власти»²².

Современные российско-иранские отношения являются фактором большого влияния на события, происходящие на Среднем Востоке и за его пределами. Совместные оборонительные действия двух стран против террористического Исламского государства поддерживают широкие слои российской и международной общественности.

Примечания

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы № 33.1543.2014/К проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования Российской Федерации.

1. Красный архив. 1935, № 2—3, с. 13.
2. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Дипломатия и война царской России в XIX в. М. 1924, с. 380.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф.144 «Персидский стол», д. 2990, л. 213.
4. Очерки новой истории Ирана. М. 1978, с. 149.
5. Извольский Александр Петрович (1856—1919), русский государственный деятель и дипломат. В 1906—1910 гг. — министр иностранных дел. В 1907 г. принимал непосредственное участие в переговорах о заключении соглашения России с Англией и Японией. В 1910—1917 гг. — посол в Париже. Способствовал укреплению Антанты в период подготовки первой мировой войны. Пользовался доверием Николая II и премьер-министра П.Л. Столыпина. С мая 1917 г. — в отставке. Остался во Франции.
6. АВП РИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 448, д. 4141, л. 51.
7. Красный архив. 1933, № 1, с. 59.
8. Там же. 1933, № 2, с. 61.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 568, оп. 1, д. 86, л. 2об.—3.
10. АВП РИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488 (осн.), д. 2292, л. 3—4.
11. Сборник документов России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952, с. 386—394.
12. КАЗЕМ-ЗАДЕ Ф. Борьба за влияние в Персии. М. 2004, с. 414—415.
13. АВП РИ, ф. 144 «Персидский стол» Б, д. 599, л. 3.
14. СНЕСАРЕВ А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. URL:http://www.a-esnesarev.ru/anglo-rus_soglashenie.pdf.
15. АВП РИ, ф. 139, «2-ая газетная экспедиция Канцелярии МИД России», оп. 476, л. 459, л. 21.
16. ЗИНОВЬЕВ И.А. Россия, Англия и Персия. СПб. 1912, с. 48.
17. Там же, с. 50.
18. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии конца 1906 г. по июнь 1909 г. СПб. 1911, с. 55.
19. Первая мировая война 1914—1918 годов. Т. 1. М. 2014, с. 120.
20. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957, с. 72.
21. Очерки Министерства иностранных дел России. 1860—1917. Т. 1. М. 2002, с. 519.
22. ДЕМУРИН Д.М. Русско-британское противостояние в Персии. URL:http://www.zlev.ru/133/133_3.htm.

Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований

И.Н. Стась

Аннотация. В работе дается анализ современной историографической ситуации, сложившейся в исторической урбанистике Урала. Автор утверждает, что традиции уральской урбан-истории были заложены сибирской исторической наукой. Выделяются основные научные центры городской истории на Урале, раскрываются применяемые в них теоретико-методологические подходы и тематика их исследований.

Ключевые слова: город, историография Урала, историческая урбанистика, междисциплинарный подход, научная школа, урбанизация.

Abstract. In the work analysis of modern historiographical situation in historical urban studies at the Urals. The author argues that the traditions of the Ural urban history were laid siberian historical science. The main research centers of urban history in the Urals, describes the applied theoretical and methodological approaches and topics of their research.

Key words: city, historiography of the Urals, historical urban studies, interdisciplinary approach, scientific schools, urbanization.

Четверть века в российской науке идет историографическая революция. Достаточный срок, чтобы подводить итоги. В 1990-х гг. сброс идеологических цепей в России совпал с методологическим пересмотром конкурирующих новой социальной истории и постмодернистской субъективности в сторону их синтеза в зарубежной науке¹. В результате современная история обогатилась различными концептуально-методологическими поворотами — пространственным, цифровым, визуальным, культурологическим, антропологическим — взаимодействующими в гуманитарной науке на принципах междисциплинарности. Реализация этих междисциплинарных исследовательских практик сегодня успешно осуществляется в рамках новых направлений, среди которых выделяется историческая урбанистика.

В целом дореволюционная и советская историографии отметились значимыми трудами по городской истории, среди которых наибольшую известность получили исследования Н.П. Анциферова, М.Н. Тихомирова, П.Г. Рындзюнского, М.Г. Рабиновича, а на Урале — Л.Е. Иофы. В советский период доминирующими направлениями при изучении истории российских городов и урбанизации были автономно-локальные (краеведческие) и историко-географические исследования. Но, несмотря на определенные достижения, сложно говорить о становлении нового

Стась Игорь Николаевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, старший научный сотрудник Сургутского государственного университета. E-mail: igor.stas@mail.ru.

Stas' Igor' N. — candidate of historical sciences, senior lecturer, senior researcher at Surgut State University. E-mail: igor.stas@mail.ru.

направления в советской исторической науке. Связано это с тем, что работы по городской истории в основном писались непрофессиональными историками — краеведами, либо экономистами и географами (на Урале — работы Иофы, Е.Г. Анимицы), в силу чего их характерной чертой часто было отсутствие комплексного подхода.

Отечественная урбан-история — относительно молодое явление, зародившееся в 1970-х — 1980-х гг., когда стали выходить сборники научных статей, посвященные ретроспективному развитию русских городов, преимущественно дореволюционного периода. Учитывая новую форму репрезентации истории историографии, в данной работе синтез проблемно-тематического и пространственно-идентификационного подходов представляется наиболее продуктивным при исследовании современного состояния исторической урбанистики Урала.

Урал как регион со своим историографическим наследием не прошел мимо становления нового направления, обеспечил формирование научных школ по истории городского развития в горнозаводских и промышленных условиях. Вместе с тем, академические традиции уральской исторической школы в рамках урбан-истории проявляются в научно-теоретическом единстве уральцев с новосибирцами и руководстве для исторических кругов Коми, Тюмени и Ханты-Мансийского округа.

Отсчет современной исторической урбанистики на Урале следует начать с Сибири, когда в 1987 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР вышел сборник научных трудов «Урбанизация советской Сибири»², ответственным редактором которого был будущий академик В.В. Алексеев. Сборник объединил ведущих специалистов по истории Сибири XX в., чьи статьи заложили цели и принципы последующих урбанистических работ в урало-сибирской исторической науке. В своей статье Алексеев обозначил основную задачу современных исследований урбан-истории, заключающуюся в комплексном изучении феномена урбанизации в исторической ретроспективе, критике краеведческого подхода, преодолении отставания от урбанистических исследований в других науках³. Будущее исторического городоведения он усматривал в изучении демографии и социально-классовой структуры городского населения, экономических, культурных, административных и коммуникабельно-интегративных функций городов, их роли в освоении необжитых территорий, формирования и развития городского образа жизни, адаптаций к нему сельского населения и аборигенных народов, проблем социальной инфраструктуры, уровня и условий жизни населения, а также урбанизации села.

Эту исследовательскую стратегию Алексеев перенес на Урал, когда в 1988 г. стал директором организованного Института истории и археологии УрО АН СССР. На новом месте ученый продолжил создание профессиональных коллективов историков, основал академическую научную школу. В 1990-х гг. в исследовательские приоритеты института выдвинулась проблематика отечественной модернизации, которая стала доминировать в зарождавшейся исторической урбанистике Екатеринбургa.

В 2000 г. научная школа выпустила фундаментальный труд, посвященный модернизации России в XVIII—XX веках⁴. В книге классические исследовательские объекты исторической урбанистики — урбанизация, рост городского населения, миграция из деревни в город — были названы ключевыми проблемами модернизационного перехода. Теоретический раздел, рассматривающий особенности российской урбанизации, был написан одним из ведущих сегодня историков-урбанистов А.С. Сенявским, который тесно сотрудничает с уральцами. Основной вывод московского историка заключался в том, что отечественная урбанизация «вписывалась» в общую логику индустриального развития, присущего техногенной цивилизации, в общемировые модернизационный и урбанизационный процессы, но со своими «системными» особенностями. Этот вывод подтверждался на примере урбанизации Урала, которую в монографии изучили А.Г. Оруджиева, С.П. Постников, О.Н. Яхно.

Тем не менее, советская урбанизация Урала не стала популярным объектом модернизационной интерпретации в исторической урбанистике Екатеринбургa. Исключения составляют работы Оруджиевой, которая сосредоточилась на изучении формирования городского населения и системы городских поселений Урала в XX веке. В.Н. Мамяченков исследует потребительское поведение, каналы снабжения и жилищные условия в городах Урала послевоенного времени. Помимо этого, отдельный пласт в исследованиях советского урбанизма занимают труды, по-

священные развитию закрытых городов на Урале (В.Н. Кузнецов, Н.В. Мельникова). Однако представленных работ явно недостаточно для репрезентации всей палитры советской урбанизации на Урале, особенно это касается процесса превращения Свердловска в мегаполис.

Модернизационный подход был наиболее полно использован уральцами при изучении промышленного и нефтегазового освоения Приполярного Урала и Ямала в XX в., которое происходило, главным образом, в урбанизированной форме. Сотрудники Института истории и археологии УрО РАН сосредоточились на процессах формирования населения Ямала, в том числе и городского, в условиях интенсивной модернизации региона (Г.Е. Корнилов, Г.Г. Корнилов, Н.А. Михалёв, Оруджиева).

Теория модернизации стала первостепенной и в Новосибирске, где были сохранены традиции историко-урбанистических исследований, заложенные сборником «Урбанизация советской Сибири». В координатах модернизационной теории новосибирские историки XX в. разработали концепцию индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе, которая была апробирована совместно с уральскими историками на конференциях в 2010 и 2013 годах⁵. Согласно этой концепции, в результате реализации Урало-Кузбасского мегапроекта и других индустриальных комплексов на Урале и в Сибири произошел модернизационный переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому типу развития общества.

Модернизационная методология научных школ Екатеринбургa и Новосибирска стала своеобразным примером для исследовательских моделей историков других регионов Урала и Сибири. Показательна в этом отношении тюменская школа по истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которая, используя инструментарий теории модернизации и социально-экономической истории, описала сюжеты нефтегазового освоения Западной Сибири, в том числе городского развития (Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов, Г.Ю. Колева).

В новейших исследованиях истории уральского дореволюционного города выделяются несколько центральных тем, которые аккумулировали историки Екатеринбургa. В первую очередь, это работы по изучению социальных городских практик в период имперской урбанизации. Среди них примечательны коллективные монографии Е.Ю. Апкаримовой, С.В. Голиковой, Н.А. Миненко и И.В. Побережникова по истории повседневности, самоуправления и русской культуры в городах. Под руководством известной исследовательницы Миненко в начале 2000-х гг. в Екатеринбургe вышли сборники научных статей, посвященные изучению городской повседневности и социальности на Урале XVIII — начала XX века. Бытовые и повседневные трансформации среди городского населения Урала изучаются О.Н. Яхно, мир мещанского сословия — Е.Ю. Лебеденко, а образовательные системы — Л.А. Дашкевич.

Историков-урбанистов уральской столицы привлекают различные факторы развития горно-заводских центров в имперский период. Здесь примечательны труды по взаимодействию городов-заводов с аграрным производством (Голикова, Миненко, Побережников), их застройки и архитектурно-планировочным пространствам (Р.М. Лотарёва), а также монографии Голиковой, раскрывающие социокультурную общность и тенденции демографического развития горнозаводского населения Урала.

Новаторская проблематика затронута в трудах Казаковой-Апкаримовой, которая сконцентрировалась на проблемах становления гражданского общества, изучаемых через призму анализа сословных и общественных организаций городов Урала второй половины XIX — начала XX века. Этот объект исследования вплотную связан с разработками по изучению формирования городской идентичности⁶, которые быстро набирают популярность в российской исторической урбанистике. Екатеринбургские историки до недавнего времени неохотно использовали «урбанистскую» терминологию при изучении дореволюционного города. В этом контексте также преуспела Казакова-Апкаримова, с историко-антропологических и социологических позиций изучившая восприятие урбанизации и урбанизма самими современниками в конце XIX — начале XX века⁷.

Всероссийское значение для отечественной исторической урбанистики приобрел труд Л.Н. Мазур, посвященный урбанизации уральской деревни конца XIX — XX века⁸. Ценность работы состоит в комплексном исследовании трансформации села в условиях масштабной урбанизации России посредством междисциплинарного анализа. Автор удачно синтезировала теорию модерни-

зации с методами исторической имагологии, визуальной истории, истории повседневности, географии и статистического анализа. В этом отношении работу Мазур можно назвать образцовой, поскольку в ней полностью раскрывается интердисциплинарный потенциал исторической урбанистики. Подобные исследования по проблемам сельской миграции в связи с процессом урбанизации осуществляет О.В. Горбачёв. Однако сфера его интересов затрагивает регионы Центральной России, а также их компаративистский анализ с городами Урала.

Большую роль в развитии российской урбанистики играет Уральский государственный архитектурно-художественный университет, ректором которого является историк Постников, занимающийся изучением социокультурных аспектов развития городов⁹. Благодаря его усилиям университет выступает научно-дискуссионной площадкой для многих урбанистов страны, постоянно организуя конференции по проблемам городского развития, например, «Города России в XXI веке: проблемы архитектурного формирования и пространственного развития» (2013 г.). Понятно, что эти конференции являются коммуникационной ареной преимущественно для урбанистов в сфере градостроительства, экономики, социологии, географии, экологии, городского дизайна и среды. Однако социокультурный дискурс большинства проводимых университетом форумов позволяет мобилизоваться историкам-урбанистам и расширить междисциплинарные контакты.

Таким образом, историческая урбанистика Екатеринбурга насыщена разноплановыми по тематике исследованиями. Однако анализ работ уральских историков свидетельствует о все еще слабой идентификации свердловских историков как урбанистов, что проявляется в скудности применения терминологии современной урбанистики. Важное место в становлении исторической урбанистики Екатеринбурга может занять уральская историографическая школа, которая под руководством профессоров В.Д. Камынина, А.В. Трофимова и В.С. Прядина уже принялась обобщать имеющийся опыт исторических исследований городов (М.А. Клинова, Н.А. Тицкий).

Если урбан-история в Екатеринбурге имеет модернизационную и индустриальную направленность, то в других научных центрах Урала в исторической урбанистике скорее преобладает культурная концептуальность.

В Перми все урбанистическое сообщество, в том числе и урбан-история, сегодня функционирует в уникальных общественно-политических условиях, которые с начала 2000-х гг. принято называть «пермской культурной революцией». Перезагрузка культурного пространства Перми затронула, в том числе, и историческую науку. Историки и социологи принялись осмысливать новый интеллектуальный опыт города, что обогатило историческую урбанистику Урала исследованиями образности и идентичности Перми. В городе начался бум междисциплинарных научных проектов и конференций: «Городские миры: опыт гуманитарного исследования» (2006 г.), «Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики» (2009 г.), «Повседневность индустриального города» (2011 г.), «Город как стиль — Пермь как стиль: формирование современной городской идентичности» (2013 г.), «Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности» (2013 г.), «Город как вызов» (2014 г.). Применяя инструментальный лингвистического поворота и принцип постмодернизма «мир как текст», пермские ученые прочитывали Пермь как рассказ, раскрывали традиционные и историко-культурные корни современного города. Наиболее известным исследованием с такой теоретико-методологической основой стал историко-филологический труд В.В. Абашева. Заметное влияние на историческую и социокультурную антропологию города оказали также работы О.Л. Лейбовича.

Новый концептуально-методологический взгляд на городское развитие России сегодня предлагают историки Южного Урала. Историческая урбанистика Челябинска сконцентрировалась на анализе советского промышленного города, который рассматривается с помощью культурологических и градостроительных методов. Челябинский историк С.А. Баканов отмечает, что историческая урбанистика начала XXI в. переживает культурологический поворот, связанный с изучением градостроительных концепций и городской архитектуры советского периода¹⁰. Сам Баканов проводит исследование депрессивных городов Урала 1960—1980-х гг., характеризуя всю систему демографических, экономических и социально-культурных факторов их развития. Достойны внимания работы историка Л.В. Никитина, раскрывающие финансово-экономические

и жилищно-градостроительные трансформации промышленных городов Урала в постиндустриальную эпоху.

Методы культурологического поворота эффективно используются сотрудниками Южно-Уральского государственного университета. И.Г. Малкова выявляет культурное пространство промышленных городов Урала второй половины XX в., показывая роль театров, музеев, дворцов культуры, архитектурно-скульптурных ансамблей в формировании городской среды. С искусствоведческих и архитектурных позиций подошла к изучению истории проектирования и строительства городов Челябинска и Магнитогорска Е.В. Конишева. Она раскрывает тенденции развития уральских городов в конце 1920-х — 1950-х годах. Ее сотрудничество с иркутским историком градостроительства М.Г. Мееровичем привело к появлению значимых монографий по изучению расселенческих, архитектурно-планировочных и художественных особенностей строительства социалистических городов в первые пятилетки. Градостроительные и демографические факторы городского развития Урала в 1920—1930-х гг. исследует В.А. Журавлёва.

Научным итогом этих историко-культурологических и градостроительных исследований уральских городов стала коллективная монография челябинских авторов совместно с учеными из Москвы, Иркутска, Перми и Орска, посвященная эволюции урбанизации Урала посредством анализа генеральных планов застройки¹¹.

Челябинские историки также концентрируются на проблемах урбанизации в поздний имперский период. Продуктивными представляются исследовательские практики на стыке культурологии, истории и археологии, которые обеспечивают комплексный междисциплинарный анализ дореволюционных городов на базе широкого круга разноплановых источников (Г.Х. Самигулов). Социокультурные и урбанизационные процессы на Урале вследствие строительства Транссибирской магистрали раскрывает в своих работах А.А. Тимофеев. Комплексное политико-экономическое и социокультурное развитие городов Южного Урала характеризуется в трудах Т.В. Раевой, а их духовно-культурная жизнь — в исследованиях А.Р. Касимовой.

Особое символическое значение в научно-исследовательской среде Урала занимает Магнитогорск. Актуализацию истории первого социалистического города произвел труд известного американского историка Стивена Коткина «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация», вышедший в свет в 1995 году. Уральские историки сделали социокультурную сферу, повседневную жизнь в контексте строительства социалистического города темой отдельных исследований.

В декабре 2010 г. в Магнитогорске была проведена международная конференция по проблемам социокультурного пространства урбанизации социалистического города, где впервые был представлен новаторский концептуальный подход к пониманию горожанина как субъекта урбанистической цивилизации, заимствованный из американской русистики¹². Особую идейную роль в организации конференции сыграла магнитогорский историк Н.Н. Макарова, которая сегодня является ведущим специалистом по повседневной истории Магнитогорска в период индустриализации первых пятилеток.

1—3 октября 2015 г. в Магнитогорском государственном техническом университете была проведена II международная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации», поддержанная грантом РГНФ, руководителем которой выступила Макарова. Тематическое поле конференции было расширено. Помимо тем социокультурного пространства горожанина и градостроительных моделей социалистического города, которые были ключевыми на первой конференции, обсуждались проблемы городской инфраструктуры, советской пропаганды и культуры, повседневной жизни, индустриально-урбанистического туризма и экономики социалистических городов. В результате конференция заложила традиции культурной истории в исторической урбанистике Урала и Сибири, дала возможность апробировать оригинальные междисциплинарные подходы в рамках урбан-истории.

Таким образом, в Магнитогорске сегодня формируется целая научная школа по истории социалистического города в междисциплинарном синтезе. Заметными представителями данной школы, помимо Макаровой, уже стали А.Н. Макаров, который исследует визуальные репрезентации индустриального и градостроительного развития Магнитогорска посредством фотографии, и Н.В. Чернова, изучающая деятельность иностранных специалистов и кооперацию в городской среде Магнитогорска.

Другим историко-урбанистическим центром на Южном Урале является Уфа, где местная социально-гуманитарная и историческая урбанистика развивается в контексте национальной и этнической истории — главенствующего направления башкирской историографии. Заметную роль в объединении урбанистов-гуманитариев Башкирии играет конференция «Городские башкиры», проходящая под патронажем республиканского правительства с периодичностью в два года в разных городах региона. Благодаря особому статусу конференции, историческая урбанистика Башкирии, в отличие от других научных школ Урала, обладает определенной формой институционализации. Уфимские историки указывают на складывание в Башкирском государственном университете целого научного направления в рамках темы «Города и городское население Южного Урала в XVI—XX вв.: история, источниковедение, историография»¹³. К представителям исследователей башкирской городской истории XVI—XX вв. относится широкий круг историков: В.Ф. Сафаров, А.И. Уразова, И.З. Шаяхметова, С.Р. Муратова, И.З. Самситдинов, О.А. Имаев, Б.А. Азнабаев, Р.Г. Буканова, О.А. Полянина, З.Р. Рахматуллина.

Урбанистика входит в сферу научных интересов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, где в координатах данной тематики предлагаются оригинальные интерпретации. Так, Кучумов имеет весьма спорную точку зрения, что историки руководствуются административными критериями определения города и городского населения, в силу чего происходит искусственное занижение масштабов урбанизации, и, чтобы этого не допустить, необходимо к городам на разных этапах истории относить крепости, горные заводы, села и поселки¹⁴. Сегодня перспективным направлением исследований является изучение урбанизационных процессов в условиях становления нефтедобывающей промышленности Башкирии (Ю.В. Александров).

В исследовательском поле Удмуртии также доминирует национальная и этническая история, которая, к сожалению, не сформировала местную историко-урбанистическую школу, а опирается, главным образом, на исследования по аграрной, сословной истории, истории религии и духовности. Хотя предпосылки для становления урбан-истории в регионе есть: в 2010 г. прошла конференция «Российский город в исторической ретроспективе», посвященная 250-летию Ижевска. Надежды связаны с деятельностью Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, в котором изучаются проблемы адаптации удмуртов в городском пространстве 1920—1930-х гг. (Л.Н. Бехтерева), развития заводских поселений Камского региона (Т.А. Васина) и города Сарапула (Д.М. Пюрийянен).

В историческом сообществе Урала сегодня продолжают оставаться регионы, где историческая урбанистика не нашла научного отклика. В Оренбурге и Зауралье основные исследовательские задачи историки ставят преимущественно в координатах аграрной, социальной и военной истории.

Сыктывкарский Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН сегодня является одним из российских первопроходцев в социокультурной антропологии города. Здесь планируется осуществление серийного выпуска сборников статей по данной тематике, первый из которых уже увидел свет в 2013 году¹⁵. Кроме того, в Сыктывкаре появляются комплексные исследования по истории урбанизации и градостроительства края (А.А. Беловол, Л.А. Максимова), чем могут похвастаться лишь немногие регионы Урала.

Противоречивой можно назвать историческую урбанистику в Тюмени. Она нередко пополняется работами, посвященными проблемам властно-общественных отношений и развития самоуправления, сословий, быта, благоустройства и церковно-религиозного пространства Тюмени, Тобольска и городов Зауралья, особенно в поздний имперский период (А.А. Валитов, А.И. Татарникова, И.С. Томилов, В.П. Клюева, Ж.В. Король, В.Ю. Софронов, А.Б. Храмцов, И.В. Белич, Ю.А. Бортникова, А.П. Ярков, И.Л. Манькова, К.А. Анкушева, А.А. Кононенко). Другим новейшим достижением тюменских историков является разработка исследований по микроистории, истории повседневности и городской среды на разных этапах развития советской Тюмени (С.С. Пашин, В.М. Кружинов, З.Н. Сокова, Т.И. Бакулина, А.В. Мордвинцева, С.И. Мельник, Н.Н. Володина, А.В. Сочин). Вместе с тем, представленные сочинения часто отличаются ярко выраженной локально-краеведческой направленностью, что обуславливает замкнутость научной школы и препятствует налаживанию научно-коммуникационных связей с другими центрами исторической урбанистики Сибири и Урала.

Заметный потенциал развития урбан-истории существует в научном пространстве Ханты-Мансийского автономного округа. Благодаря деятельности М.Ф. Ершова и А.Г. Киселёва здесь с 2004 г. выходили сборники научных статей «Социокультурное пространство сибирского города: история и современность». Ершов является одним из тех немногих уральских историков, которые идентифицируют себя с исторической урбанистикой. В Сургутском государственном университете в данном направлении работает профессор А.И. Прищепа, чьи изыскания посвящены истории градостроительства в северных нефтегазовых районах Западной Сибири. Поскольку Советский Север Западной Сибири был территорией применения различных практических моделей освоения пространства, это обусловило появление оригинальных концепций в современной региональной историографии. Так, анализируя систему спецпоселений региона, сургутский историк А.С. Иванов пришел к выводу о феномене режимной урбанизации в сталинскую эпоху, характерными чертами которой были секретность, межведомственная конфликтность, вписывание административного режима в городскую среду и внеэкономическое принуждение¹⁶. В то же время, можно отметить, что при организации системы городского расселения, городской среды и идентичности урбанизация рассматривалась как развитие городского хозяйства, принадлежащего ведомствам.

Значимым научным событием стало проведение в 2014 г. в г. Сургуте научной конференции «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города»¹⁷, которую историк Баканов оценил, как весьма новаторскую и первую в России с такой постановкой вопроса. Широкий географический охват и большое количество заявок дали возможность редакторам сборника научных статей по итогам конференции выделить шесть основных направлений в современной российской урбан-истории: теория и историография исторической урбанистики, города в Средние века и раннее Новое время, урбанизационные процессы в Российской империи, советская и постсоветская урбанизация, городская среда и повседневность, образы городского пространства и идентичности горожан.

Исследовательское поле исторической урбанистики на Урале разнообразно и различно по теоретико-методологическим подходам: модернизационная направленность преобладает в Екатеринбурге, культурологический поворот — в Челябинске, культурно-антропологический — в Перми, национально-этническая история — в Башкирии и так далее. Однако для исторической урбанистики, как и для других новейших направлений исторической науки, сохраняется проблема организации научно-дискуссионной площадки, обеспечивающей взаимодействие между пока разрозненными научными центрами уральской урбан-истории. Историк Горбачёв отмечает, что в целом сообщество отечественных урбанистов все еще остается раздробленным, а изучение процессов урбанизации в России является уделом узкого круга исследователей¹⁸. Проблема усугубляется также тем, что уральские историки, за некоторым исключением, не выработали идентификации по критерию историко-урбанистических исследований, что, естественно, препятствует развитию и окончательному оформлению нового научного направления исторической науки. Вместе с тем, продолжающееся обновление теорий и методологий в русле историографической революции неизбежно открывает радужные перспективы для историков, работающих в междисциплинарном синтезе, без которого уже невозможно представить современную урбан-историю.

Примечания

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 16-31-01014 «Становление исторической урбанистики России: теория и историография советской урбанизации»

1. МОГИЛЬНИЦКИЙ Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск. 2008, с. 39.
2. Урбанизация советской Сибири. Новосибирск. 1987.
3. АЛЕКСЕЕВ В.В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири. В кн.: Урбанизация советской Сибири. Новосибирск. 1987, с. 7—28.
4. Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М. 2000.

5. Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. 30 июня — 2 июля 2010 года. Новосибирск. 2010; Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6—7 июня 2013 года. Новосибирск. 2013.
6. ПОРШНЕВА О.С., КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА Е.Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX в. — Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015, т. 139, № 2, с. 178—191.
7. КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА Е.Ю. От «деревни» к «городу»: урбанизация и урбанизм в региональном измерении (по материалам Урала второй половины XIX — начала XX века). — Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015, № 4, с. 21—28.
8. МАЗУР Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX—XX в.). Екатеринбург. 2012.
9. ПОСТНИКОВ С.П. Социокультурное пространство города в историческом измерении. — Уральский исторический вестник. 2008, № 1 (18), с. 4—7.
10. БАКАНОВ С.А. Советский индустриальный город 1920—1950-х годов и культурологический поворот в исторической урбанистике. — Вестник Челябинского государственного университета. 2007, № 3. с. 123.
11. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII — начала XXI веков. Челябинск. 2008.
12. Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10—11 декабря 2010 г. Магнитогорск. 2010.
13. БУКАНОВА Р.Г., МУРАТОВА С.Р., УРАЗОВА А.И., ШАЯХМЕТОВА И.З. Актуальные проблемы истории городов Южного Урала и Западной Сибири — одно из приоритетных направлений научно-исследовательской работы в Башкирском государственном университете. — Вестник Башкирского университета. 2015, т. 20, № 2, с. 764—767.
14. КУЧУМОВ И.В. Теория «истинных городов» и процесс урбанизации на Южном Урале. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики. 2015, № 12-2 (62), с. 131—133.
15. Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар. 2013.
16. ИВАНОВ А.С. Феномен режимной урбанизации Западной Сибири. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015, № 10-1 (60), с. 90—94.
17. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган. 2015.
18. ГОРБАЧЁВ О.В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема. — Вестник Брянского государственного университета. 2012, № 2, с. 70.

Contents

Articles: **V.A. Antonov**. “Reunification of Ukraine with Russia” and “connection of Ukraine to Russia” in 1654 in light of the original sources of the 17th century. Historical profiles: **O.V. Matveev**. Alexander Grigorievich Ribalchenko. Contributions: **Y.V. Kim**. Dairy farming in the Count’s estate: features of Musin-Pushkin’s estate management in the XIX — early XX centuries; **S.F. Blumenau**. Constituent Assembly of the French revolution of the XVIII century and the executive power. Diplomacy in history: **P.A. Iskenderov**. Serbo-Albanian conflict of the autumn 1913 and European politics; **N.A. Zherlitsina**. The Russian position in relation to colonial conquests of France in the Maghreb in XIX — beginning of the 20th centuries. Debatable issues: **A.N. Sakharov**. “February trample” (memoirs). History and fates: **E.E. Yudin**. Industrial and financial bourgeoisie and rich families of the Russian aristocracy in 1890—1914; **M.A. Petrova**. P.A. Levashev and his Essay “About the Precedence of European Monarchs, their Ambassadors and Ministers”. People. Events. Facts: **N.D. Erofeev**. The cash deposits in the state savings banks of Russia in 1907—1913; **V.V. Shilov**. Berezniki magnesium plant during the Second World War; **A.A. Khisamutdinov**. A Russian wedge into “yellow” countries; **A.V. Volodko**. English-russian convention of the 1907 year. Historiography: **I.N. Stas’**. Urban history in the Urals: research schools and main lines of researches.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 4, 2017

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1100. Заказ 311-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2017 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**